Международная Объединенная Академия Наук

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Рецензируемый научный журнал

Февраль 2020 г.

НОМЕР 58

ЧАСТЬ 6

Самара 2020

УДК 001.1
ББК 60

Т34

Рецензируемый научный журнал «Тенденции развития науки и образования». Февраль 2020 г. №58, Часть 6 Изд. НИЦ «Л-Журнал», 2020. – 104 с.

SPLN 001-000001-0586-LJ
DOI 10.18411/lj-02-2020-p6
IDSP ljjournal-02-2020-p6

В выпуске журнала собраны материалы из различных областей научных знаний.

Журнал предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов.

Все материалы, размещенные в журнале, опубликованы в авторском варианте. Редакция не вносила коррективы в научные статьи. Ответственность за информацию, размещенную в материалах на всеобщее обозрение, несут их авторы.

Информация об опубликованных статьях будет передана в систему ELIBRARY

Электронная версия журнала доступна на сайте научно-издательского центра «Л-Журнал». Сайт центра: ljjournal.ru

УДК 001.1
ББК 60

SPLN 001-000001-0586-LJ

<http://ljjournal.ru>

Содержание

РАЗДЕЛ XXV. ЮРИСПРУДЕНЦИЯ	5
Альбинов И.Р., Бойко Н.С., Коврижных Е.Н. Неправомерное использование воздушных судов как одна из угроз государственной безопасности.....	5
Гайфутдинов И.Н. Честь, достоинство и деловая репутация как объекты гражданско-правовой защиты	8
Гайфутдинов И.Н. Право на деловую репутацию и проблема доказывания причинения вреда	13
Герасимов Е.В. Наследственный договор и совместное завещание супругов: проблемы применения и исполнения	17
Герасимов Е.В. Совместное завещание супругов: вопросы толкования и применения	21
Зубарев Д.В. Выявление эффективных способов восстановления нарушенных прав лиц, в отношении которых произвольно проводились оперативно-розыскные мероприятия	24
Зубарев Д.В. Проблемы реализации нормотворческих полномочий субъектов Российской Федерации в области обеспечения права граждан на проведение публичных мероприятий на примере Приморского края.....	32
Климоченко В.И. Понятие и принципы действия уголовно-правовых норм во времени	44
Климоченко В.И. Исторические аспекты развития института действия уголовного закона во времени.....	47
Коган М.Д. Занятие высшего положения в преступной иерархии: некоторые проблемы применения ст.210.1. УК РФ.....	49
Куява Т.Ю. Недопустимость одностороннего отказа от исполнения обязательства	52
Манукян Г.С., Полякова Э.И., Тяжгов А.А., Набизада М.А.А. Особенности правового регулирования централизованных публичных расходов государства	56
Осадченко Э.О., Засименко А.Д. Правовой режим земель водного фонда	59
Рабец А.П. К вопросу о применении положений о восстановлении корпоративного контроля в судебной практике	63
Хайруллина Л.Р. О месте риэлторского договора в системе гражданско-правовых соглашений	67
Чимаров Н.С. Методологические аспекты электорального экстремизма в контексте юридизации понятия «экстремизм»	70

Чимаров С.Ю. Историко-правовой опыт учреждения и функционирования Московской городской милиции (1917-1918 гг.).....	76
Яворский М.А., Тукмаков В.П. Проблемы расследования присвоения и растраты	79
Яворский М.А., Иерусалимов Д.С. Тактические приемы допроса лиц, состоящих в организованной преступной группе	83
Akhmetzyanov R.E., Vakhitova G.V. The pledge of rights under a Bank Deposit contract	86
Vagapova R.M., Vakhitova G.V. To the question of the nature of the hereditary substitution in the Russian Federation	88
Valiullin T.I., Vakhitova G.V. Legal entities' tort capacity	90
РАЗДЕЛ XXVI. ПОЛИТОЛОГИЯ	94
Борисов С.И Исторические этапы реформирования административно-правовых аспектов.....	94
Муса кызы Алина Особенности интеграции Европейских стран.....	98

РАЗДЕЛ XXV. ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Альбиков И.Р., Бойко Н.С., Коврижных Е.Н.

Неправомерное использование воздушных судов как одна из угроз государственной безопасности

Ульяновский институт гражданской авиации имени Главного маршала авиации Б.П. Бугаева
(Россия, Ульяновск)

doi: 10.18411/lj-02-2020-109

idsp: ljjournal-02-2020-109

Аннотация

В статье рассмотрены некоторые особенности правового регулирования международной авиационной безопасности. Проведенный анализ показал, что в настоящее время, существует необходимость совершенствования уголовно-правовых и организационных мер борьбы с незаконными актами вмешательства в деятельность воздушного транспорта.

Ключевые слова: авиационная безопасность, государственное регулирование, суверенитет, воздушный транспорт.

Abstract

The article discusses some features of the legal regulation of international aviation security. The analysis showed that at present there is a need to improve criminal law and organizational measures to combat illegal acts of interference in the activities of air transport.

Key words: aviation security, government regulation, sovereignty, air transport.

Авиационная безопасность является одной из приоритетных задач, решаемых государствами и Международной организацией гражданской авиации (далее – ИКАО).

Начиная с 60-х гг. прошлого столетия под эгидой ИКАО государствами были приняты пять универсальных международных договоров, направленных на борьбу с актами незаконного вмешательства в деятельность гражданской авиации (такими как захват и угон воздушных судов, террористические действия на борту гражданского воздушного судна и в аэропортах и другие преступления)(1).

В 1944г. в Чикаго (США) была принята Конвенция о международной гражданской авиации (далее – Чикагская конвенция 1944г.)(2), заменившая Конвенцию о регулировании воздушной навигации 1919г.(3).

Чикагская конвенция 1944г. не содержит положения, которые предусматривали бы конкретные ситуации, когда воздушное судно используется или причастно к противоправной деятельности, в том числе к деятельности, нарушающей национальные законы и общественный порядок государства-участника. Однако Конвенция содержит многочисленные положения, которые предоставляют эффективные гарантии государствам относительно того, что их действующие законы и общественный порядок должны соблюдаться иностранным воздушным судном. Такие положения содержатся в ст. 3, 5, 9–13, 16 и 35.

Ст. 1 Чикагской Конвенции 1944г. признает, что каждое государство обладает полным и исключительным суверенитетом над воздушным пространством над своей территорией. Следовательно, государство может в соответствии с международным правом усилить свои внутренние законы и правила до тех пор, пока такие законы не противоречат соглашению, заключенному с другими государствами (например, Чикагская конвенция 1944г.), или другим нормам международного права; эта власть и

этот авторитет являются неотъемлемым атрибутом суверенитета. В соответствии с Чикагской конвенцией 1944г., государство может потребовать посадку иностранного самолета, совершающего нерегулярный полет (ст. 5); может запретить или ограничить право иностранных гражданских судов летать над определенными частями его территории или над всей его территорией (ст. 9); может потребовать посадки иностранных воздушных судов в аэропорту, указанном этим государством, с целью прохождения таможенного или иного контроля (ст. 10); может производить досмотр иностранных воздушных судов (ст. 16); может регулировать или запрещать перевозку некоторых грузов на или над своей территорией (ст. 35).

Часто встречающими деяниями, которые следует квалифицировать, как акты неправомерного использования воздушных судов принято относить такие как: незаконная воздушная перевозка наркотических и других психотропных веществ, использование гражданских воздушных судов для незаконной перевозки оружия и солдат и для хищения природных богатств, использование гражданской авиации для совершения разведывательных полетов и многие другие. Одним из наиболее опасных противоправных деяний с использованием воздушных судов, является воздушный терроризм. В настоящее время появились угрозы захвата воздушного судна и его использования в качестве средства теракта.

Трагические события 11 сентября 2001г. в США, вынудили государства принимать активные действия в области международного правотворчества. 28 мая 2002 г. в Риме была принята Декларация Глав Государств и Правительств Российской Федерации и государств – членов НАТО (Римская декларация 2002г.)(4).

Она, в частности, предусматривала активизацию сотрудничества в борьбе против терроризма. В ней устанавливаются «оценки угроз терроризма для безопасности в евроатлантическом регионе, сфокусированные на конкретных угрозах, например, Вооруженным силам России и НАТО, гражданской авиации или объектам инфраструктуры, имеющим критически важное значение». Развитием этих положений Декларации в 2003 г., явилось принятие Программы Россия–НАТО «Инициатива сотрудничества в воздушном пространстве», которая предусматривала создание системы информационного обмена, обеспечивающей раннее обнаружение воздушных судов, подозреваемых в их использовании как оружие террора, и координацию действий по предотвращению террористического акта.

Террористические акты 2001г. в США явились доказательством полной неготовности мирового сообщества и бездействия международного права в отношении своевременного предотвращения и пресечения терактов с использованием гражданских воздушных судов. Только после случившегося 11 сентября 2001г., в США государства ООН и ИКАО обратили внимание на положения ст. 4 («Ненадлежащее использование гражданской авиации») Чикагской конвенции 1944 г. Преступления, аналогичные событиям 11 сентября 2001г., нашли свое отражение в подп. (f) п. 1 ст. 1 Конвенции о борьбе с незаконными актами в отношении международной гражданской авиации (Пекинская конвенция 2010г.) – «использование воздушного судна, находящегося в эксплуатации, с целью причинить смерть, серьезное увечье или значительный ущерб имуществу или окружающей среде»(5).

К числу основных отечественных законов Российской Федерации, содержащих нормы, устанавливающие режим воздушного пространства, относится Воздушный кодекс РФ, который определяет авиационную безопасность, как состояние защищенности авиации от актов незаконного вмешательства в деятельность в области авиации. Безопасность воздушного транспорта включает два понятия: безопасность полётов и авиационная безопасность, при этом «незаконное вмешательство в деятельность в области авиации трактуется как противоправное действие (бездействие), угрожающие безопасной деятельности в области авиации, повлекшие за собой

несчастные случаи с людьми, материальный ущерб, захват или угон воздушного судна либо создавшие угрозу наступления таких последствий».

Основным же нормативным актом в стране по борьбе с терроризмом является Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»(6). Данный закон устанавливает правовые и организационные основы противодействия терроризму в Российской Федерации, принципы, субъектов противодействия терроризму, правовой режим контртеррористической операции, основы международного сотрудничества Российской Федерации в области борьбы с терроризмом, а также правовые и организационные основы использования Вооруженных Сил Российской Федерации в борьбе с терроризмом. В частности п. 3 ст. 7 данного Закона закреплено следующее: «если имеется достоверная информация о возможности использования воздушного судна для совершения террористического акта или о захвате воздушного судна и при этом были исчерпаны все обусловленные сложившимися обстоятельствами меры, необходимые для его посадки, и существует реальная опасность гибели людей либо наступления экологической катастрофы, Вооруженные Силы Российской Федерации применяют оружие и боевую технику для пресечения полета указанного воздушного судна путем его уничтожения».

На современном этапе Российское законодательство, как и международное, ориентировано, прежде всего, на охрану прав личности, обеспечение стабильности и суверенитета государства, а также борьбу с распространением терроризма.

Анализ авиационной безопасности показывает, что негативные тенденции в этой области с каждым годом возрастает. Все это заставляет серьезно обратить внимание к проблемам обеспечения авиационной безопасности. На сегодняшний день, мировое сообщество не может позволить себе оказаться в очередной раз не способным и не готовым противодействовать новым террористическим атакам и другим противоправным деяниям, совершаемым посредством воздушных судов. Все это обуславливает необходимость совершенствования уголовно-правовых и организационных мер борьбы с незаконными актами вмешательства в деятельность воздушного транспорта, а также дальнейшей научной разработки спорных вопросов их квалификации. Соответствующие положения Чикагской конвенции 1944г., для этого могут служить основой для использования в качестве базы для принятия других международно-правовых актов, на основе которых можно было бы осуществить более строгий контроль над этой категорией правонарушений, связанных с деятельностью авиации.

1. Конвенция о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов. Подписана в Токио 14 сентября 1963 г. Doc. ICAO 8364; Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов (Гаага, 16 декабря 1970 г.). Doc. ICAO 8920; Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации (Монреаль, 23 сентября 1971 г.). Doc. ICAO 9518. Протокол о борьбе с незаконными актами насилия в аэропортах, обслуживающих международную гражданскую авиацию, дополняющий Монреальскую конвенцию 1971 г.; Конвенция о борьбе с незаконными актами в отношении международной гражданской авиации 2010г.
2. Конвенция о международной гражданской авиации (Чикаго, 7 декабря 1944 г.). Doc. ICAO 7300/9.
3. (Конвенция о регулировании воздушной навигации 1919 г. // Травников А.И. Правовой режим воздушного пространства. Аэронавигация и безопасность: монография. Приложение № 1. М., 2013.С. 134–147.)
4. Римская декларация 2002г. URL: http://eulaw.edu.ru/documents/legislation/eur_int_law/romedeclaration.htm.
5. Convention on the suppression of unlawful acts relating to international civil aviation, signed at Beijing on 10 September 2010. Doc. ICAO 9960.
6. Федеральный закон № 35-ФЗ от 6 марта 2006 г. «О противодействии терроризму»// Российская газета 10 марта 2006.

Гайфутдинов И.Н.

Честь, достоинство и деловая репутация как объекты гражданско-правовой защиты

*Набережночелнинский филиал (институт) ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»
(Россия, Набережные Челны)*

doi: 10.18411/lj-02-2020-110

idsp: ljjournal-02-2020-110

*Научный руководитель:
Магизов Р.Р.*

Аннотация

В статье проанализированы такие категории как честь, достоинство и деловая репутация как объекты гражданско-правовой защиты, а также способы и меры защиты указанных гражданских прав.

Ключевые слова: честь, достоинство, деловая репутация, гражданско-правовая защита, способы и меры защиты гражданских прав.

Abstract

The article analyzes such categories as honor, dignity and business reputation as the objects of civil legal protection, as well as the methods and measures of protection of these civil rights.

Key words: honor, dignity, business reputation, civil legal protection, methods and measures of civil rights protection.

Несмотря на изменения и дополнения в законодательстве, существует еще множество проблем, этим обусловлена актуальность правовой защиты нематериальных благ на современном этапе.

Способы защиты гражданских прав перечислены в ст. 12 ГК [3]. При соотношении понятий «правовая защита» и «частноправовая защита» в науке используются следующие подходы:

При первом подходе понятие «способ защиты» приравнивается к понятию «мера защиты», отсюда следует что способ защиты — это мера принудительного характера, направленная на восстановление нарушенных прав и как следствие возникновение неблагоприятных последствий для нарушителя, или наоборот;

При втором подходе «способ защиты» и «мера защиты» синонимичны.

Законодатель выделяют в ст. 11 ГК РФ:

- общий (судебный) порядок защиты нарушенных прав;
- специальный (административный) порядок защиты нарушенных прав, в рамках юрисдикционной формы защиты гражданских прав.

По общему правилу защита гражданских прав и охраняемых законом интересов осуществляется в судебном порядке. По соглашению участников гражданского правоотношения спор между ними может быть передан на разрешение третейского суда.

В настоящее время в законодательстве нет закрепления определения объекта гражданского права либо объекта гражданских прав. Но в науке и в теории данному понятию было выделено достаточно внимания.

Хотелось бы акцентировать ваше внимание на том, что в науке и теории на сегодняшний день понятия «объект права» и «объект правоотношений» приравниваются. Под объектом права как предмета окружающего мира понимается — материальное (то, что можно пощупать) или нематериальное (нельзя пощупать, но

можно ощутить) благо, по поводу которого (в отношении которого) сложилось правоотношение.

Неовещественные объекты - это те объекты, которые не имеют внешней формы выражения, характеризуются и связаны с лицом, ими владеющие, лишь абстрактным правом владения, не проявляющимся в действительном мире, и принадлежности к владельцу, и обладающие определенной стоимостью.

Неовещественные объекты имеют характерные особенности и являются одними из основных объектов в числе объектов национального гражданского права и международного права. Особенностью является то, что при регулировании неовещественных объектов гражданского права не всегда применяются конструкции права собственности. Отсюда возникают и сложности в судебной практике при защите нарушенного права и в собирании доказательственной базы по спорам, связанным с объектами такого рода.

В настоящее время основными источниками регулирования данного вопроса выступают – Конституция РФ [2] и ГК РФ.

С точки зрения правового регулирования все то, что имеет ценность и значимость в обществе и по поводу чего складываются отношения между сторонами, в рамках своих прав и обязанностей, является благом.

Понятия «честь», «достоинство», «деловая репутация» определяют близкие между собой нравственные категории. При рассмотрении данных понятий в рамках субъективного, либо объективного подхода прослеживается грань в котором видны их различия.

При нарушении своих прав необходимо руководствоваться и ссылаться на ГК РФ, а именно на ст. 152 которая подробно регламентирует их защиту. Ограничение право гражданина на защиту своей чести и доброго имени допускается только на основании судебного решения, данное положение закрепляет Конституция РФ в статье 23.

«Достоинства личности охраняется государством и ничто не может быть основанием для его умаления», данное положение закреплено в Конституции РФ, в статье 22. Большинство норм Конституции РФ служат для обеспечения защиты достоинства личности, в качестве примера приведу некоторые из них, «Каждый имеет право на защиту своей чести и доброго имени» (ст. 23), «Свобода мысли и слова, а также свобода массовой информации» (ст. 29).

Акцентирую внимание на том, что законодательство говорит о существовании понятий «честь», «достоинство» и «деловая репутация», но не дает определения этих понятий. При посягательстве на нематериальные блага, лицо, нарушившее право (вне зависимости от вины) обязан восстановить данные права (например, в форме денежной компенсации, либо путем принесения публичных извинений), также гражданско-правовая защита направлена на то, чтобы предупредить их нарушение в будущем, - это особенности гражданско-правовых способов защиты личных нематериальных благ.

«Каждый человек имеет право свободно выражать свое мнение», - данное положение закреплено в статье 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и применяется на территории РФ [1]. Это право включает свободу придерживаться своего мнения, получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ. Юридические факты служат основанием для возникновения охранительного правоотношения по защите чести, достоинства и деловой репутации.

Анализируя статью 152 ГК РФ приходим к выводу о том, что распространённые сведения, которые носят порочащий характер и не соответствуют действительности, обжалуются в суде.

В законодательстве отсутствует понятие «порочащие сведения» и что под этим понимается, непонятно. Судебная практика под «порочащие сведения» понимает

«распространение сведений, порочащих честь и достоинство граждан или деловую репутацию граждан и юридических лиц, следует понимать опубликование таких сведений в печати, трансляцию по радио и телевидению, демонстрацию в кинохроникальных программах и других средствах массовой информации, распространение в сети Интернет, а также с использованием иных средств телекоммуникационной связи, изложение в служебных характеристиках, публичных выступлениях, заявлениях, адресованных должностным лицам, или сообщение в той или иной, в том числе в устной, форме хотя бы одному лицу» (Согласно определения судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 28 марта 2018 г. по делу № А40-97932/2015) [5].

В пункте 7 Постановления Пленума ВС РФ № 3 разъяснено, что обстоятельствами, имеющими значение для дела, являются:

- 1) факт распространения ответчиком сведений об истце;
- 2) порочащий характер сведений;
- 3) несоответствие этих сведений действительности.

При отсутствии хотя бы одного из указанных обстоятельств, иск не может быть удовлетворен судом.

Подчеркивая важность и значимость, Гражданский кодекс выделил нематериальным благам целую главу и отдельную статью на защиту чести, достоинства и деловой репутации.

Что же касается проблем судебной защиты личных неимущественных прав, то наибольшее их количество связано с принятием судами решений о компенсации морального вреда. Данный способ защиты является наиболее распространенным и в то же время наиболее неурегулированным. К числу ключевых проблем, связанных с принятием судами решений о компенсации морального вреда как способе защиты личных неимущественных прав, стоит отнести следующее.

Во-первых, на сегодняшний день в законодательстве РФ нет понятия «морального вреда», но ним понимается физические и нравственные страдания. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 1994 № 10 моральный вред определяет как нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага (жизнь, здоровье, достоинство личности, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна и т.п.), или нарушающими его личные неимущественные права (право на пользование своим именем, право авторства и другие неимущественные права в соответствии с законами об охране прав на результаты интеллектуальной деятельности) либо нарушающими имущественные права гражданина [4]. Ученые, отмечая этот недостаток действующего гражданского законодательства, делают акцент на различных его аспектах. Например, то что понятие моральный вред и что под ним понимается, несовершенно. В науке и теории есть суждения о том, чтоб включить данное понятие упущенную выгоду равно как результат умаления личностного блага, дополнительные затраты, сопряженные с восстановлением либо компенсацией вредных для личности последствий.

Во-вторых, при принятии решений о компенсации морального вреда суды обязаны придерживаться больших количеств критериев, которые, в основном, носят субъективный характер.

К примеру, при принятии решений о компенсации морального вреда суду необходимо задаться вопросами: «какие обстоятельства, свидетельствуют о тяжести перенесенных страданий и иные заслуживающие внимания обстоятельства?»; «при каких обстоятельствах причинены страдания?»; «каков объем, характер страданий?»; «какие именно страдания были причинены лицу?»; «какова степень физических и нравственных страданий?»; «на самом ли деле лицу причинен моральный вред?»; «какова причинно-следственная связь между действиями лица и моральным вредом?»;

«индивидуальные особенности лица, которому причинен моральный вред»; «какова степень вины причинителя вреда?»; «требования разумности, справедливости», такого мнения придерживается Тимофеев Н.С. в статье «Современные проблемы теории и практики права» [9, с. 92-93].

Как показывает правоприменительная практика, суды не всегда правильно учитывают данные критерии. Так, например, Верховный Суд РФ направил дело о защите чести, деловой репутации и взыскании компенсации морального вреда на новое апелляционное рассмотрение, указав на ошибочность вывода судов нижестоящих инстанций об отсутствии причинно-следственной связи между перенесенными им нравственными страданиями и незаконным обыском в жилище истца. Обосновывает суд это тем, что данная процедура была проведена в отношении имущества, которая принадлежала в том числе истцу. Суд нижестоящей инстанции при разрешении спора сделал ошибочные выводы, хотя и фактически установил юридически значимые обстоятельства. Ссылаясь на то, что в отношении истца какие-либо незаконные следственные действия не проводилось, а между процедурой обыска жилища истца и нравственными страданиями истца отсутствовала причинно-следственной связь. Однако, суды не учли, что нравственные страдания были испытаны по поводу нарушения незаконным обыском своих личных неимущественных прав - права на жилище и неприкосновенность частной жизни [6].

В отношении перехода права требования компенсации морального вреда судебная практика отталкивается от того, что право требования по взысканию компенсации морального вреда носит личный характер. Указанное право в состав наследственного имущества не входит и переходить по наследству не может об этом нам говорит статья 1112 ГК РФ. Представим, истцу присуждена компенсация морального вреда, однако он умер, не успев получить ее, взысканная сумма компенсации входит в состав наследства и может быть получена его наследниками [7].

Необходимо отметить, в науке и в теории при подходе к способу защиты личных неимущественных прав основной проблемой выступает размер компенсации морального вреда. Определения критериев к размеру компенсации морального вреда предлагается М.Н. Малеиной в следующей системе.

Во-первых, это общие критерии определения компенсации неимущественного вреда, применяемые при нарушении любого субъективного права. Общими критериями определения размера компенсации должны стать форма и степень вины нарушителя, а также общественная оценка действия (бездействия), вызвавшего вред.

Во-вторых, частные, или же дополнительные к общим критерии определения компенсации неимущественного вреда, используемые при нарушении конкретного субъективного права. Например, при нарушении правомочия неприкосновенности индивидуального облика для определения размера компенсации неимущественного вреда можно предложить дополнительный частный критерий — характер изменения индивидуального облика. Следует выделять несколько ступеней: облик обезображен и прежний вид не восстановим; облик изменился в меньшей степени и прежний вид не восстановим; облик обезображен или изменился, но прежний вид восстановим. Таким образом, наименьший размер компенсации должен присуждаться при возможности полного восстановления индивидуального облика.

В-третьих, общие основания повышения и снижения взыскиваемой компенсации неимущественного вреда. Применение данных оснований зависит от усмотрения суда с учетом конкретных обстоятельств дела.

К общим основаниям повышения размера компенсации предлагаем отнести: причинение одновременно морального и физического вреда при нарушении одного неимущественного права, наступление нематериального вреда в связи с одновременным нарушением нескольких неимущественных прав.

К общим основаниям снижения размера компенсации предлагается отнести: форму и степень вины потерпевшего, имущественное положение гражданина — причинителя вреда, истечение длительного периода времени после возникновения вреда при определенных условиях а также принятие мер нарушителем к добровольному сглаживанию последствий причиненного неимущественного вреда до предъявления иска в суд [8, с. 60].

Итак, защита личных неимущественных прав осуществляется следующими способами: путем признания судом факта нарушения его личного неимущественного права, опубликования решения суда о допущенном нарушении, а также путем пресечения или запрещения действий, нарушающих или создающих угрозу нарушения личного неимущественного права либо посягающих или создающих угрозу посягательства на нематериальное благо, путем признания права, восстановления положения, существовавшего до нарушения права, компенсации морального вреда, публикации решения суда о допущенном нарушении.

Ключевой проблемой судебной защиты личных неимущественных прав выступают сложности, связанные с принятием судами решений о компенсации морального вреда. Данные сложности включают в себя недостаточную определенность понятия морального вреда, а также недостаточную определенность критериев размера компенсации морального вреда, что на практике ведет к принятию решений, ущемляющих права обращающихся в суд за защитой граждан. Для решения этой проблемы была предложена специальная система критериев определения размера компенсации морального вреда.

В ходе исследования основных положений теории и практике о нематериальных благах, как объектах гражданских прав, были осмыслены основные аспекты, касающиеся данной правовой категории:

- 1) дано определение понятия нематериальных благ,
- 2) выявлены характерные черты и способы защиты данной категории прав.
- 3) также выявлены отдельные пробелы в законодательстве РФ.

1. О защите прав человека и основных свобод: конвенция от 04 ноября 1950 г. (Заключена в городе Риме): [в ред. от 13.05.2004] // Собрание законодательства РФ. – 2001 – № 2. – Ст. 163.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993) // с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 21.07.2014 № 11-ФКЗ// Собрание законодательства РФ. - 04.08.2014. - № 31. - ст. 4398.
3. Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ: [в ред. от 03.08.2018] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
4. Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 1994 года № 10 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 1995. – № 5.
5. Определения судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ № А40-97932/2015 по делу № А40-97932/2015 от 28 марта 2018 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
6. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 6 июня 2017 года № 47-КГ17-6 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. – Электрон. текст. дан. – Режим доступа: https://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1550100 (дата обращения 31.05.2018).
7. Определение Конституционного суда РФ от 18 октября 2012 года № 1947-О [Электронный ресурс] // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. – Электрон. текст. дан. – Режим доступа: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision115796.pdf> (дата обращения 31.05.2018).
8. Малеина М.Н. Система критериев определения компенсации неимущественного вреда как способа защиты гражданских, семейных и трудовых прав граждан / М.Н. Малеина // Журнал российского права. – 2015. – С. 60.
9. Тимофеев Н.С. Судебная защита личных неимущественных прав / Н.С. Редько // Наука и новация: Современные проблемы теории и практики права. – 2017. – С. 92 – 93.

Гайфутдинов И.Н.**Право на деловую репутацию и проблема доказывания причинения вреда***Набережночелнинский филиал (институт) ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»
(Россия, Набережные Челны)**doi: 10.18411/lj-02-2020-111**idspr: ljjournal-02-2020-111**Научный руководитель:
Магизов Р.Р.***Аннотация**

В статье рассматриваются сущность и содержание личного неимущественного права на деловую репутацию граждан и юридических лиц. Автором исследуется понятие «диффамации», а также анализируются ряд дискуссионных вопросов, касающихся права на деловую репутацию.

Ключевые слова: право на деловую репутацию, нематериальные блага, диффамация, личные неимущественные права.

Abstract

The essence and content of personal non-property right to business reputation of citizens and legal entities are considered in the article. The author investigates the notion of "defamation" and analyzes a number of discussion issues concerning the right to business reputation.

Keywords: the right to business reputation, intangible benefits, defamation, personal non-property rights.

Под деловой репутацией понимается – нематериальное благо, которое представляет собой оценку деловых и профессиональных качеств лиц, его деятельности.

Право требования опровержения несоответствующих действительности сведений порочащих его деловую репутацию, составляет содержание права на деловую репутацию согласно статье 152 ГК РФ [3].

Необходимо упомянуть: право на деловую репутацию имеют и юридические лица, несмотря на то, что ГК РФ в 1 пункт статьи 152 закрепляет только за гражданином право требовать опровержения порочащих сведений. Данное право предоставляется юридическому лицу пунктом 11 статьи 152.

В науке и в теории высказывание о том, что только у граждан есть право на деловую репутацию является спорным. В силу статьи 150 ГК РФ, с одной стороны, деловая репутация - нематериальное благо, да, она непосредственно связана личностью, но, если посмотреть на данную ситуацию под другим углом, то можно увидеть ту тонкую грань и понять то, что все действия, совершаемые юридическими лицами направлены на формирование деловой репутации и использование ее в своих личных целях. На основании вышеизложенного приходим к выводу о том, что отрицание права на деловую репутацию привело бы к ущемлению прав юридического лица.

Подробнее исследуем содержание права на деловую репутацию.

Опровержение – это высказывание о недействительности (о каких-либо фактах), при недоказанности распространенной информации. Опровержение совершается тем же способом, которым были распространены порочащие сведения, или другим аналогичным. Например, если сведения были опубликованы в социальных сетях, в определенной группе, то и опровержение должно быть опубликовано в этой же группе.

Требовать опровержения вправе лицо, чья деловая репутация была поставлена под сомнение, а после его смерти правопреемниками, либо заинтересованные лица. При этом статья 152 ГК РФ не раскрывает понятие «заинтересованных лиц», а Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 3 приводит только два примера – родственники и наследники [8]. Судебная практика также признает учредителей и правопреемников, в отношении юридических лиц, в качестве заинтересованных лиц. На наш взгляд есть необходимость о внесении в законодательство понятия «заинтересованные лица». Без закрепления данного понятия, на практике, возникают вопросы такие как: «Кто относится в круг заинтересованных лиц?» и «Какими способами нужно доказать свою заинтересованность?».

Мы полагаем то, что под понятием «заинтересованные лица» подразумеваются лица, чьи права и законные интересы были ущемлены распространением информацией не соответствующей действительности.

Право на деловую репутацию нарушается путем распространения порочащих сведений (п. 1 ст. 152 ГК). В романо-германской и англосаксонской правовых семьях существует давно используемый термин «диффамация», под которым подразумевается порочащие сведения в отношении лица или группы лиц, которые были распространены и не соответствовали действительности.

В науке и в теории, буквально, до настоящего времени велась дискуссия по поводу термина «диффамация» и его значения.

Существовало две точки зрения:

1. Диффамация – это ложная (искаженная) информация, не соответствующая действительности.
2. Диффамация – это распространение как ложной (искаженной) информации, так и информации соответствующей действительности (правдивой).

Дискуссия была завершена с принятием Постановления Пленума Верховного Суда №31 «...используемое Европейским Судом по правам человека в его постановлениях понятие диффамации тождественно понятию распространения не соответствующих действительности порочащих сведений, содержащемуся в статье 152 Гражданского кодекса Российской Федерации» [7].

Хотелось бы акцентировать ваше внимание на том, что при соблюдении определенных условий (в совокупности), право на деловую репутацию признается нарушенным:

1. Распространение сведений (если информацией овладел хотя бы до одного лица, то условие признается соблюденным).
2. Сведения носят порочащий характер.
3. Сведения не соответствуют действительности.

В настоящее время законодатель не определил понятие «порочащие сведения». Доказательством этого утверждения служит Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации, которая приводит в качестве примера: «нарушения юридическим лицом или гражданином законодательства Российской Федерации, нормы обычаев делового оборота либо норм деловой этики, как в общественной или политической, так и в личной жизни при осуществлении предпринимательской деятельности, совершении нечестного поступка...».

Тем не менее данные утверждения согласно Постановлению, вносят лишь немного ясности, исходя из того, что понятия «неэтичный», «нечестный», «неправильный» носят оценочный характер.

К тому же при определении порочащих сведений главным доводом служит распространение информации.

Такие понятия как оценочные суждения и мнения не могут быть априори предметом судебной защиты согласно статье 152 Гражданского Кодекса РФ, потому что мнения и оценочные суждения истца и ответчика никак не проверить, действительны ли они на самом деле.

К тому же сведениям порочащими деловую репутацию могут служить только те факты, которые возможно проверить.

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что деловая репутация играет огромную роль как физического, так и юридического лица в профессиональной деятельности. Закрепление права на деловую репутацию дает возможность на охрану своих прав (прав организации, охрана имущества) всеми не запрещенными законом способами.

В сфере защиты деловой репутации основной проблемой выступает проблема доказывания причинения вреда. Информацию, афишированную в СМИ, недобросовестные конкуренты выдают за сведения, являющиеся в качестве субъективных оценочных мнений, убеждений, которую не предполагается возможность проконтролировать на достоверность действительности, и которая не может являться предметом защиты в судебном порядке.

На практике, при рассмотрении судами дел о защите нематериальных благ, а именно: чести, достоинства и деловой репутации учитывается тот фактор, что все высказывания (мнения, оценочные суждения) ответчика не направленные на то, чтобы оскорбить, не являются предметом судебной защиты [5]. В связи с чем и возникают трудности в доказывании того, что высказывание не имеет оценочного характера и с целью которого является дискриминация компании.

В качестве примера возьмем случай из судебной практики. В судебном заседании рассматривался спор между истом ООО «НефтоКомби Сервес» и ответчиком (распространителем информации). Преамбула дела: ответчик в интернете разместил информацию о том, что ООО «НефтоКомби Сервес» не имеет оборудования и профессиональных специалистов необходимых для подобных экспертиз и просит людей быть бдительными, не доверять результатам экспертиз данной организации. Ссылаясь на лингвистическую оценку суд постановил, что информация – является оценочным суждением [9]. Отсюда следует, что вышеизложенные сведения не носят порочащего характера и истцу в удовлетворении иска было отказано.

На практике бывают и такие случаи, когда за распространение в СМИ информации, то лицо которое их распространяет и делает отсылку к тому, что информация взята с СМИ и является субъективным мнением автора освобождается от ответственности. Приведу пример из практики, спор возник между телепередачей «Было вашим – стало нашим» и предпринимателями. Спор заключался в том, что в телепередаче были распространены сведения о том, что предпринимателями были захвачены сельскохозяйственные организации, что не соответствовало действительности и порочат их деловую репутацию. Исследовав доказательства суд установил, что в телепередаче все обвинения (захват сельскохозяйственной организации) в адрес предпринимателей, первая часть являются субъективным мнениями жителей, которые были обеспокоены судьбой организации, вторая часть является слухами, так как их даже нельзя проверить на достоверность [4].

Необходимо не забывать о том, что данная информация (взятая с СМИ и которая является субъективным мнением) так или иначе может привести и приводит в большинство случаев к убыткам организации.

Анализируя решения судов по данному вопросу, мы приходим к выводу о том, что единая практика еще не сформировалась.

Так, Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) выработал позицию, учитывая свободу слова и выражения мнения, согласно которой субъективные мнения могут

быть признаны как сведения, которые носят порочащий характер и не соответствуют действительности, при отсутствии под собой каких-либо оснований. Например, спор между «Педерсен и Бадсгард» и Данией, в котором суд при обосновании своей позиции говорит о том, что, если даже утверждения являются субъективным мнением, необходимо учитывать достаточные фактические основания для того, чтобы утверждение опровергнуть. Это связано с несоразмерностью вмешательства, то есть если даже это твое субъективное мнение, но не имеющее под собой достаточных оснований для распространения данных сведений, то в данном случае распространенная информация является чрезмерным [10, С. 43-47].

В РФ суды при принятии постановлений в делах, связанных с защитой деловой репутацией, должны руководствоваться правовой позицией ЕСПЧ [8]. На сегодняшний день в РФ суды при принятии постановлений не руководствуются положениями о чрезмерности субъективного мнения ЕСПЧ. Необходимо отметить также, как практика российских судов, так и практика ЕСПЧ неоднозначна, а проблема доказывания причинения вреда имеет актуальность.

Хотелось бы акцентировать внимание на том, что одним из способов для подготовки рейдерского захвата является информация, опубликованная через СМИ, которая причиняет вред деловой репутации организации. СМИ используется с целью повлиять как на общественность, так и на мнения судей (в качестве примера можно привести самое популярное на сегодняшний день – это интервью от якобы бывших работников, где они жалуются о том, что работодатель не выплачивает заработную плату, постоянно приходя угрозы со стороны директора организации в адрес работников).

На основании вышеизложенного, приходим к выводу о том, что действующая система защиты деловой репутации, также может спасти организацию даже от рейдерского захвата.

1. О защите прав человека и основных свобод: конвенция от 04 ноября 1950 г. (Заключена в городе Риме): [в ред. от 13.05.2004] // Собрание законодательства РФ. – 2001 – № 2. – Ст. 163.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993) // с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 21.07.2014 № 11-ФКЗ// Собрание законодательства РФ. - 04.08.2014. - № 31. - ст. 4398.
3. Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ: [в ред. от 03.08.2018] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
4. Определение Верховного Суда РФ от 04.02.2016 N 301-ЭС15-19185 по делу N A11-3354/2014 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
5. Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.03.2016 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.- правовой системы «Консультант Плюс».
6. О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении судами заявлений, представлений о пересмотре по вновь открывшимся или новым обстоятельствам вступивших в законную силу судебных постановлений: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 декабря 2012 г. № 31 // Российская газета. – 2012. – № 295.
7. Об изменении и дополнении некоторых Постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 декабря 2010 г. № 31: [ред. от 22.12.2015] // Российская газета. – 2010. – № 296.
8. О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 // Российская газета. – 2005. – № 50.
9. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 23.11.2015 N 13АП23593/2015 по делу N A56-15307/2015 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
10. Каменева З.В. Опыт правового регулирования диффамации в мире / З.В. Каменева // Адвокат. – 2014. – № 6. – С. 43 - 47.

Герасимов Е.В.

Наследственный договор и совместное завещание супругов: проблемы применения и исполнения

*Юридическая школа ДВФУ
(Россия, Владивосток)*

doi: 10.18411/lj-02-2020-112

idsp: ljjournal-02-2020-112

Аннотация

В настоящей статье рассматривается проблема толкования и применения новых правовых конструкций гражданского законодательства – наследственного договора и совместного завещания супругов. Путем проведенного анализа статьи 1118 Гражданского кодекса Российской Федерации выявлены вероятные проблемы, с которыми столкнется правоприменитель при исполнении наследования при применении новых способов наследования.

Ключевые слова: Договор, наследство, наследственный договор, завещание, совместное завещание супругов, наследодатель, наследник, отчуждатель, приобретатель.

Abstracts

This article deals with the problem of interpretation and application of new legal structures of civil law – the inheritance contract and the joint will of spouses. The analysis of article 1118 of the Civil code of the Russian Federation revealed the likely problems that the law enforcement officer will face in the execution of inheritance when applying new methods of inheritance.

Keyword: Contract, inheritance, hereditary contract, a will, a joint will the spouses of the deceased, the heir of the transferor, the acquirer.

Тема реформирования наследственного права в Российском законодательстве актуальна и обсуждаема в юридическом и научном сообществе, поскольку изменения сопряжены с внедрением новых институтов, в частности к этому можно отнести наследственный договор и совместное завещание супругов. Сами по себе такие правовые конструкции в общеевропейской практике применяются давно, а их первое применение приходится на XIX век в странах Восточной Европы (пример: Германия, Австрия) принадлежащих к романо-германской системе права. В частности, наследственный договор существовал в качестве развития завещательной свободы нашедшее выражение в особой форме договора и завещательного распоряжения одновременно [1].

В результате, введение наследственного договора и совместного завещания супругов обусловлено Концепцией развития гражданского законодательства которая включает необходимость применения положительного правотворческого опыта европейских стран. И уже Федеральным законом от 19 июля 2018 г. № 217-ФЗ «О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – ФЗ от 19 июля 2018 г. № 217-ФЗ) изменения, призванные расширить формы реализации воли завещателя были приняты и с 1 июня 2019 года вступили в силу.

Так, дополнив Гражданский кодекс РФ статьей 1140, установлено: наследственный договор – соглашение между наследодателем и любым лицом который может призваться к наследованию [2]. Порядок перехода прав и круг лиц, призываемых к наследству будет так же определяться в соглашении.

Особенность наследственного договора от других форм наследования – в наличии условий и определённых обязанностей по совершению каких-либо действий имущественного и не имущественного характера которые возлагаются на лицо, призываемое к наследству, после смерти наследодателя. Т.е. если в завещании мы наблюдаем очевидное господство воли лица, которое составляет завещание и осуществляет распоряжение своим имуществом и правами, в наследственном договоре ситуация сводится к связыванию интересов участников соглашения. Такая форма наследования призвана урегулировать вопрос защиты наследодателя и его воли при жизни и после смерти, налагая обязательства на лицо, призываемое к наследству, устанавливая обязанность совершения определенных имущественных или неимущественных действий указанными лицами при жизни и после смерти наследодателя [3].

При анализе правовой природы наследственного договора очевидно сходство с договором ренты на условиях пожизненного содержания с иждивением. Признак характеризующий их сходство заключен в устремлённости одной стороной передать имущество в собственность другой стороне при условии выполнения обязательств в отношении наследодателя изложенных в договоре [4]. Однако, два договора имеют и различия, так при заключении договора ренты пожизненного содержания с иждивением, имущество получателя передается плательщику с момента его подписания. В юридической практике довольно часто встречаются случаи, когда лицо после заключения договора не имеет после этого возможности пользоваться жилым помещением (порой единственным) по причине перехода объекта фактически в собственность плательщика по договору т.к. получатель ренты передает имущество в залог, и обратит взыскание на предмет залога гражданин может только в случае существенного нарушения плательщиком ренты условий договора. Примером такого случая может служить решение от 19 июля 2018 г. по делу № 2-1048/2018 [5]. Истица (получатель ренты) не смогла доказать существенное нарушение заключенного с ответчиком договора, в результате, это поставило под угрозу проживание истицы в квартире.

Наследственный договор отличается как раз тем что имущество, которое передаться по соглашению, переходит к лицу призываемое к наследству после смерти наследодателя что, по мнению законодателя, позволит пресечь подобные споры. На этом основании любопытно мнение Гориной Н.В. которая считает, что имущество, указанное в наследственном договоре должно быть исключено из наследственной массы [6]. То есть оно не может переходить как к наследникам по завещанию, так и к наследникам по закону. Это позволяет сделать вывод о том, что, по ее мнению, положение наследственного договора при передаче имущества после смерти умершего собственника приоритетно. Однако, само законодательство не устанавливает подобное регулирование.

Интересным видится наличие того факта, что по своим признакам наследственный договор предстает в первую очередь все же не как распоряжение наследодателя, а как соглашение, поэтому во многих отношениях вполне логично применение к наследственному договору норм общих положений об обязательствах и договорах. Но есть мнение, что обязательственный элемент в таких отношениях не являться доминирующим и он необходим только для того что бы воля наследодателя была неоспорима и в полной мере реализована [7].

В этой связи вполне справедливо отметить сложность применения наследственного договора как правовой конструкции и то в какой части обязательственное право будет реализовано при заключении и его исполнении, потому как с одной стороны, наследственный договор подобно завещанию содержит распоряжения наследодателя о порядке перехода имущества к лицам заключившим договор, а с другой, наследственный договор предстает в виде двухсторонней сделки,

поскольку в результате принятия соглашения между сторонами возникают обязательства, для наследодателя (отчуждателя) – передать в наследство имущество, для лица призываемого к наследству – выполнить обязательства возложенные по договору, причем его выполнение может быть возложено и за счет самого наследника.

В связи с тем, что, что не совсем понятно применение положений обязательственного права по договорам, вызывает вопрос применения цессии к наследственному договору [8]. Думается, в данном случае договор обладает распорядительным признаком по отношению к наследнику при передаче имущества поэтому говорить о применении уступки прав в конкретном случае нецелесообразно.

Рассуждая о наследственном договоре нельзя не отметить процедуру его заключения, которая производится в простой письменной форме подлежащей нотариальному удостоверению, а если имуществом по договору является недвижимость, то и государственной регистрации. Относительно наименования субъектного состава наследственного договора так же существует несколько мнений, одни ученые и законодотворцы тяготеющие к большему сходству наследственного договора с договорным правом, предлагают назвать стороны – отчуждателем и приобретателем имущества. Сторонниками «сходства» наследственного договора с наследственным правом предлагается использовать непосредственно действующие понятия наследодатель и наследник, по аналогии с наследованием по закону и завещанию [9]. Наследодателями (отчуждателями) по договору могут быть только физические лица; лицами, призываемыми к наследству (приобретатели или наследники) – как физические, так и юридические лица, а также Российская Федерация, ее субъекты.

Так появляться новая проблема – теоретически возможное заключение договора через представителя. Новая норма не регулирует данный вопрос, в то время как при составлении завещания, в силу положений п. 3 ст. 1118 ГК РФ, императивно устанавливает личное участие наследодателя. По мнению Н. Ю. Папушиной – это является пробелом законодательства порождающее риск искажения воли наследодателя, нарушающий один из основных принципов заключения договоров [10].

При рассмотрении совместного завещания супругов необходимо отметить в соответствии с п. 4 ст. 1118 ГК РФ завещание может быть совершено как одним гражданином, так и гражданами, состоящими между собой в браке в момент его совершения что, и является совместным завещанием супругов. В совместном завещании завещатели вправе по обоюдному соглашению определить следующее: завещать общее имущество супругов, определить доли наследников в наследственной массе, лишить наследства одного, нескольких или всех наследников по закону, а также включить в содержание завещания иных распоряжений, которые не вступают в противоречие с ГК РФ. Однако, как в случае с наследственным договором, совместное завещание супругов вызывает ряд вопросов. В частности, не совсем понятна правовая природа такого распоряжения, как и в наследственном договоре, а именно статья 1118 ГК РФ предыдущей редакции, предусматривала что завещание выступает в качестве односторонней сделки в которой содержится распоряжение только одного лица, и совершение завещания двумя и более гражданами не предусматривалось в принципе. Однако, после введения изменений, возникла по сути новая распорядительная конструкция, в которой участвует в качестве завещателя не одно лицо, а несколько. По этой причине, в юридическом сообществе чаще всего критикуют данное нововведение. К примеру, К.Б. Ярошенко высказываясь о совместном завещании утверждает, что множественность лиц на стороне завещателя при совершении завещания противоречит его характеру как односторонней сделки на случай смерти, поскольку, не дает завещателю возможности свободно распоряжаться своим имуществом при жизни и изменить свое волеизъявление о судьбе имущества на случай смерти [11]. М. Ю. Барщевский так же указывает завещание как сделку, совершаемую одним лицом и

выражающую только его волю [12]. Совместное завещание по смыслу статьи 1118 ГК совершается двумя лицами состоящими в зарегистрированном браке, что идет в разрез с теоретическими высказываниями двух вышеназванных исследователей, а потому ставит вопрос о понимании совместного завещания в качестве односторонней сделки.

Стоит отметить и абз. 5 п. 4 статьи 1118 ГК РФ предусматривающая дефиницию о возможности для одного из супругов в любое время, в том числе после смерти другого супруга, отменить совместное завещание супругов путем расторжения брака либо вовсе совершив последующее завещание. Данный момент вызывает множество вопросов поскольку ставит проблему исполнимости такого рода распоряжения. Исходя из изначальной формулировки статьи 1118 ГК РФ, супруги в совместном завещании обоюдно связывают свою волю заблаговременно. Однако, после смерти одного из завещателя, другой может отменить совместное завещание, что в свою очередь ставит под вопрос признак совместности такой процедуры и может привести к различного рода злоупотреблениям, выраженных в том, что второй недобросовестный завещатель может передать в наследство все имущество в то время как умерший, гипотетически был бы против.

Так же стоит отметить возможный вариант если переживший супруг заключил наследственных договор при существовании такого рода завещания. В таком случае представляется затруднительным исполнение как наследственного договора, так и совместного завещания, и завещания одного лица, поскольку в настоящее время закон не устанавливает приоритет исполнения одного над другим (титул).

Такая проблема существенна поскольку очевидно отсутствие механизмов гарантирующих защиту прав для наследника в подобных вопросах, а именно в случаях если переживший супруг отменит совместного завещание и распорядится своим имуществом (которое к этому моменту будет включать и наследственную массу супруга, скончавшегося первым) на случай своей смерти по собственному усмотрению, иначе, чем было предусмотрено совместным завещанием, у наследника не остаётся правовых способов доказать право на долю в наследстве, что в свою очередь создаст массу конфликтных ситуаций которые по первоначальной идее авторов реформы наследственного права призвано их устранить.

В результате можно увидеть, что применение подобных способов распоряжения наследственной массой может встретить множество трудностей в связи с юридико-техническими неточностями введенной нормы в ГК РФ, наличием пробелов, которые должны быть устранены для эффективного применения подобных мер, поскольку можно предположить, что их существование не позволит в полной мере реализовать на практике и будут применяться лишь в качестве инструмента оформления наследственных прав где между наследниками и наследодателями, в частности между супругами, нет разногласий об объеме и порядке наследования имущества.

1. Дудкин, А. Ю. Институт наследственного договора в России: перспективы его развития / А.Ю. Дудкин // Вестник экономической безопасности. 2016. №4. С. 142-146.
2. О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 19.07.2018 N 217-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.
3. Фомичева, Н. В. Сапьяник, Н. И. Чухарева, Д. Н. Наследственный договор // Современная наука: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей IV Международной научно-практической конференции 12 декабря 2018 г. Пенза, 2018. С. 129-131.
4. Алексикова, О. Е. Перспективы развития институтов наследственного договора и совместного завещания супругов в российском наследственном праве / О.Е. Алексикова, А.Е. Мельник // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. №1. С. 231-236.
5. Решение Воткинского районного суда г. Воткинска от 19.07. 2018 г. по делу № 2-1048/2018 [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/sAYidN9XtBNn/?regular-txt=квартира®ular-case_doc=®ular (дата обращения 27.12.2019 г.).
6. Горина, Н. В. Наследственный договор – третий вид наследования в гражданском праве России: быть или не быть / Н.В. Горина // Бизнес. Образование. Право. 2018. №2 (49). С. 260-264.

7. Белоотченко, Е.А. Наследственный договор в рамках реформирования российского наследственного права / Е.А. Белоотченко // Ленинградский юридический журнал. 2017. №2 (48). С. 122-129.
8. Золотухин, Д. Г. Новелла российского законодательства – наследственный договор / Д.Г. Золотухин // Отечественная юриспруденция. 2018. №7 (32). С. 19-23.
9. Вахитова, А. С. Проект наследственного договора / А.С. Вахитова // Актуальные проблемы современного законодательства. 2016. С. 32-38.
10. Папушина, Н.Ю. Наследственный договор: перспектива появления в российском наследственном праве / Н.Ю. Папушина // Нотариальный вестник. №3. 2016. С. 11–18.
11. Новохатняя, Т.С. Имплементация института совместного завещания супругов в российское законодательство / Т.С. Новохатняя // Устойчивое развитие науки и образования. №3. 2018. С. 87-91.
12. Барщевский, М.Ю. Наследственное право: учебник / М.Ю. Барщевский. Москва: Издательство Эксмо, 2006. - 448 с.

Герасимов Е.В.

Совместное завещание супругов: вопросы толкования и применения

*Юридическая школа ДВФУ
(Россия, Владивосток)*

doi: 10.18411/lj-02-2020-113

idsp: ljjournal-02-2020-113

Аннотации

В настоящей статье рассматривается новый способ осуществления наследственных прав – совместное завещание супругов, вступившее в силу с 1 июня 2019 года. Путем анализа вступившего нововведения в ГК РФ в статье сделаны выводы о существующих юридико-технических пробелах и проблемах применения совместного завещания супругов в настоящее время.

Ключевые слова: завещание, совместное завещание супругов, наследник, наследодатель, супруги, гражданский брак.

Abstracts

This article discusses a new way to exercise inheritance rights – the joint will of the spouses, which came into force on June 1, 2019. By analyzing the entered innovation in the civil code of the Russian Federation, the article draws conclusions about the existing legal and technical gaps and problems of applying the joint will of spouses at the present time.

Keywords: testament, joint will of spouses, heir, testator, spouses, civil marriage.

Наследственное право является одним из важнейших институтов гражданского права, поскольку его нормы непосредственно регулируют общественные отношения в области наследования имущества выступая в одним из способов его распоряжения, оказывая тем самым существенное влияние на стабильность экономических и личностных отношений в обществе. Долгое время в российской правовой системе применялось два способа наследования имущества, наследование по закону и по завещанию. Однако в рамках проводимой реформы гражданского законодательства введены новые способы распоряжения имуществом наследодателем. Ранее в Государственной думе уже выносились на обсуждения вопросы введения новых правовых конструкций призванных, по мнению авторов изменений, упростить процедуру наследования. В частности, эти поправки касались расширения форм реализации воли завещателя путем введения совместного завещания и наследственного договора в 2015 году (законопроект № 801269-6). И уже Федеральным законом от 19 июля 2018 г. № 217-ФЗ «О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – ФЗ от 19 июля 2018 г. № 217-ФЗ) эти изменения были приняты и с 1 июня 2019 года вступили в силу [1].

Введение подобных мер обусловлено тем что само по себе совместное завещание супругов долгое время существует и часто применяется в ведущих странах с

романо-германской правовой системой (Германия, Франция), поэтому согласно концепции, законодатель видит необходимость в перенятии положительного правотворческого опыта с зарубежья. Так же авторы изменений преследователи цель уменьшения конфликтных ситуаций и споров при наследовании имущества. Однако, применение подобной правовой конструкции в российском правовом поле представляется весьма затруднительно в связи с наличием множества противоречий и недоработок, касающихся исполнения, в то время как в ведущих странах Европы практикующие такой способ распоряжения наследственной массой уже давно сформирована сложная практика [2], которая учитывает и объясняет множество вопросов в части составления и исполнения подобных документов.

Если анализировать статью 1118 ГК РФ в предыдущей редакции, можно отметить что общие положения о завещании предусматривали что завещание выступает в качестве односторонней сделки в которой содержится распоряжение только одного лица, и совершение завещания двумя и более гражданами не предусматривалось в принципе. Однако после введения изменений, в частности введен новый пункт 4 посвященный совместному завещанию супругов, возникла по сути новая распорядительная конструкция, в которой участвует в качестве завещателя не одно лицо, а несколько. По этой причине, в юридическом сообществе чаще всего критикуют данное нововведение. К примеру, К.Б. Ярошенко высказываясь о совместном завещании утверждает, что множественность лиц на стороне завещателя при совершении завещания противоречит его характеру как односторонней сделки на случай смерти, поскольку, не дает завещателю возможности свободно распоряжаться своим имуществом при жизни и изменить свое волеизъявление о судьбе имущества на случай смерти [3]. М.Ю. Барщевский так же указывает завещание как сделку, совершаемую одним лицом и выражающую только его волю [4, с. 56]. Совместное завещание по смыслу статьи 1118 ГК совершаются двумя лицами состоящими в зарегистрированном браке, что идет в разрез с теоретическими высказываниями двух вышеназванных исследователей.

Однако есть те, кто поддерживает введение подобной новеллы, а именно П.В. Крашениников являющийся автором проводимой реформы считает такие меры своевременными поскольку введение совместного завещания супругов будет способствовать лучшей защищенности имущества супругов и возможности определения перехода его к наследникам по совместной договоренности [5].

Однако мнение П.В. Крашениникова можно поставить под сомнение поскольку нормы, регулирующие как процесс составления совместного завещания, так и его последующее исполнение встречает массу вопросов в силу не проработанности, которые далее рассмотрим подробнее.

В абз. 5 п. 4 статьи 1118 ГК РФ предусмотрена дефиниция предусматривающая возможность для одного из супругов в любое время, в том числе после смерти другого супруга, а также отменить совместное завещание супругов путем расторжения брака либо вовсе совершив последующее завещание. Данный момент вызывает множество вопросов поскольку ставит проблему исполнимости такого рода распоряжения. Исходя из изначальной формулировки статьи 1118 ГК супруги в совместном завещании обоюдно связывают свою волю заблаговременно. Однако, после смерти одного из завещателя, другой может отменить совместное завещание, что в свою очередь ставит под вопрос признак совместности такой процедуры и может привести к различного рода злоупотреблениям, выраженных в том, что второй недобросовестный завещатель может передать в наследство все имущество в то время как умерший, гипотетически был бы против. Поэтому, статью 1118 ГК РФ стоит дополнить пунктом предусматривающий соответствующие ограничение для пережившего супруга, например, запрет отмены или изменения пережившим супругом совместного завещания после смерти первого супруга либо обременение унаследованного пережившим супругом имущества в пользу наследников по совместному завещанию,

что наверняка пресечёт злоупотребления со стороны второго супруга, обеспечивая принцип совместности такого наследственного распоряжения.

В настоящее время в рамках п.4. ст.1118 ГК РФ закреплены следующие положения о совместном завещании и о возможной его содержательной части:

- предоставляется возможность завещать общее имущество супругов, а равно имущество каждого из них любым лицам, любым образом;
- определяются доли наследников в указанных наследственных массах;
- определяется имущество, входящее в наследственную массу каждого из супругов, если такое определение не нарушит прав третьих лиц;
- предусматривается возможность лишить наследства одного, нескольких или всех наследников по закону, не указывая причин такого лишения;
- предусматривается возможность включить в завещание иные завещательные распоряжения, возможность совершения которых предусмотрена гражданским законодательством.

Однако, необходимо отметить так же отсутствие гарантийных прав для наследника в подобных вопросах, а именно в случаях если переживший супруг отменит совместного завещание и распорядится своим имуществом (которое к этому моменту будет включать и наследственную массу супруга, скончавшегося первым) на случай своей смерти по собственному усмотрению, иначе, чем было предусмотрено совместным завещанием, у наследника не остаётся правовых способов доказать право на долю в наследстве, что в свою очередь создаст массу конфликтных ситуаций которые по первоначальной идее авторов реформы наследственного права призвано их устранить.

Весьма интересным по данному вопросу видется содержание экспертного заключения по законопроекту о введении института совместного завещания супругов принятое на заседании Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 13 июля 2015 г. Несмотря на различные дополнения к изначальному документу, данное заключение остаться весьма содержательным в силу его критической и обоснованной оценки введения совместного завещания, сводящейся к сути того что его введение представляется не целесообразным поскольку цель совместного завещания вполне можно достигнуть путем заключения брачного договора и составления завещания каждым из супругов (ст. 33-34 Семейного кодекса РФ, п. 33 Постановления Пленума ВС РФ от 29 мая 2012 г. № 9 "О судебной практике по делам о наследовании").

Поэтому исходя из вышесказанного стоит отметить что введение совместного завещания супругов в Гражданское законодательство РФ представляется весьма хаотичным и непоследовательным, в результате наблюдаться юридино-технические недостатки и отсутствие однозначного регулирования вопросов, которые неизбежно возникнут при использовании конструкции совместного завещания.

1. Величко, А.М. Институт совместного завещания супругов / А.М. Величко // Культура. Наука. Интеграция. 2016. №2 (34). С. 14-17.
2. Борзенко, Б.А. Совместное завещание / Б.А. Борзенко // Нотариальный вестник. 2015. № 11. С.51-53.
3. Новохатняя, Т.С. Имплементация института совместного завещания супругов в российское законодательство / Т.С. Новохатняя // Устойчивое развитие науки и образования. № 3. 2018. С. 87-91.
4. Барщевский, М.Ю. Наследственное право: учебник / М.Ю. Барщевский. Москва: Издательство Эксмо, 2006. - 448 с.
5. Крашенинников, П. В. Интервью «Совместные завещания будут востребованы» // Zakon.ru [Электронный ресурс] URL: https://zakon.ru/discussion/2017/2/6/sovместnye_zaveschaniya_budut_vostrebovany__intervyu_pavla_krashennnikova (дата обращения 25.12.2019 г.).

Зубарев Д.В.

Выявление эффективных способов восстановления нарушенных прав лиц, в отношении которых произвольно проводились оперативно-розыскные мероприятия

*ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет»
(Россия, Владивосток)*

doi: 10.18411/lj-02-2020-114

ids: lj-02-2020-114

Аннотация

Статья посвящена анализу законодательства об оперативно-розыскной деятельности в свете наличия эффективных средств защиты прав человека и гражданина от вмешательства в личную жизнь в результате произвольного проведения оперативно-розыскных мероприятий.

Автором статьи делается вывод об отсутствии в национальном законодательстве эффективных механизмов правовой защиты от произвольного проведения оперативно-розыскных мероприятий, а также выявляются способы защиты нарушенных прав на межгосударственном уровне на основе положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод с учётом их толкования Европейским Судом по правам человека.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, ОРД, ОРМ, защита прав человека.

Abstract

The article is devoted to the analysis of legislation on operational-search activities in the light of the availability of effective remedies for protecting human and civil rights from interference with privacy as a result of arbitrary conduct of operational-search measures. The author of the article comes to the conclusion that there are no effective mechanisms of legal protection in domestic legislation against arbitrary conduct of operational-search measures, and also identifies ways to protect violated rights at the international level based on the provisions of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, taking into account their interpretation by the European Court of Human Rights.

Key words: operational-search activities, operational-search measures, OSA, OSM, protection of human rights.

В статье 2 Конституции РФ [1] прямо закреплено, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью; признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства.

Конституция РФ прямо закрепляет право каждого на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени (ч. 1 ст. 23); на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ч. 2 ст. 23); на неприкосновенность жилища (ст. 25). Помимо этого, не допускается сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия (ч. 1 ст. 24), а органы государственной власти и органы местного самоуправления, их должностные лица обязаны обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом (ч. 2 ст. 24).

Вместе с тем, указанные права не являются безусловными и согласно части 3 статьи 55 Конституции РФ могут быть ограничены федеральным законом, но только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя,

нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Конституцией РФ предусмотрен судебный контроль в качестве дополнительной гарантии от произвольного вмешательства в право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ч. 2 ст. 23), а также права на неприкосновенность жилища (ст. 25). При этом, Конституция РФ допускает возможность проникновения в жилище против воли проживающих в нем лиц также в случаях, установленных федеральным законом.

Конвенция о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) [2] предусматривает право каждого на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции, вмешательство в осуществление которого допускается со стороны публичных властей только в случаях, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц (статья 8).

Наиболее распространённым основанием для ограничения неприкосновенности указанных прав является возможность государственных органов проводить оперативно-розыскные мероприятия.

Содержание оперативно-розыскной деятельности, а также систему гарантий законности при проведении оперативно-розыскных мероприятий на территории Российской Федерации регулирует Федеральный закон от 12.08.1995г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон № 144-ФЗ) [3].

Как следует из Закона № 144-ФЗ, оперативно-розыскная деятельность (далее – ОРД) это вид деятельности, осуществляемой гласно и негласно органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, в пределах их полномочий посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств (статья 1); основывается на конституционных принципах законности, уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина, а также на принципах конспирации, сочетания гласных и негласных методов и средств (статья 3).

Согласно статье 6 Закона № 144-ФЗ, при осуществлении ОРД проводятся, в том числе ОРМ, которые посягают на права, гарантирующие личную автономию граждан: опрос; наведение справок; сбор образцов для сравнительного исследования; исследование предметов и документов; наблюдение; обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств; отождествление личности; контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений; прослушивание телефонных переговоров; снятие информации с технических каналов связи; оперативное внедрение; получение компьютерной информации.

В Определении от 09.06.2005г. № 248-О [4] Конституционный Суд РФ разъяснил: «Право на неприкосновенность частной жизни (статья 23, часть 1, Конституции Российской Федерации) означает предоставленную человеку и гарантированную государством возможность контролировать информацию о самом себе, препятствовать разглашению сведений личного, интимного характера. В понятие «частная жизнь» включается та область жизнедеятельности человека, которая относится к отдельному лицу, касается только его и не подлежит контролю со стороны общества и государства, если она носит непротивоправный характер. Однако, как указал Европейский Суд по правам человека, «основная цель статьи 8 состоит в защите отдельного лица от своевольного вмешательства государственных властей» (*Abdulaziz, Cabales and Balkandali v. the United Kingdom*, 28 May 1985, Series A no. 94.) Далее Суд указал, что: «Лицо, имеющее умысел на совершение тяжких преступлений, должно

предполагать, что в результате оно может быть лишено свободы и ограничено в правах и свободах, в том числе в праве на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну... Совершая преступления, оно само сознательно обрекает себя и членов своей семьи на такие ограничения.»

Следовательно, остальные виды ОРМ, перечисленные в статье 6 Закона № 144-ФЗ (проверочная закупка; контролируемая поставка; оперативный эксперимент) связаны с раскрытием преступных деяний и не затрагивают частную жизнь лица, в отношении которого они проводятся.

Российская Федерация гарантирует каждому судебную защиту его прав и свобод; решения и действия (или бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц могут быть обжалованы в суд, что прямо закреплено в Конституции Российской Федерации (ч. 1 и ч. 2 ст. 46).

Рассмотрим, является ли судебная защита в порядке, предусмотренном Законом № 144-ФЗ, от произвольного и противоправного вмешательства правоохранительных органов в права, гарантирующие личную автономию лица, в отношении которого проводятся ОРМ, эффективным средством правовой защиты.

В соответствии с частью 3 статьи 5 Закона № 144-ФЗ, лицо, полагающее, что действия органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, привели к нарушению его прав и свобод, вправе обжаловать эти действия в вышестоящий орган, осуществляющий оперативно-розыскную деятельность, прокурору или в суд.

Как отмечает в своей статье к.ю.н. С.М. Ховавко [5], «в соответствии с действующим законодательством лицо при подаче жалобы на действия сотрудников оперативных подразделений, осуществляющих в отношении него ОРД, не должно быть уверенным в существовании факта нарушения его прав и свобод – с его стороны достаточно одного лишь предположения о таком нарушении». А также делает вывод, «что данная норма создаёт предпосылки для злоупотребления лицом правом на обжалование и может создавать искусственные препятствия в решении задач ОРД».

Вместе с тем, с указанным выводом нельзя согласиться. Как правило, ОРМ осуществляются негласным способом, либо сочетаются с гласными ОРМ. Пострадавшее лицо не может достоверно подтвердить, какой орган осуществляет в отношении него ОРМ, а также знать степень вмешательства в права такого лица; жалоба, поданная в суд в порядке части 3 статьи 3 Закона № 144-ФЗ будет бездоказательной.

С этой целью, в части 4 статьи 5 Закона № 144-ФЗ закреплено право на доступ к указанной информации, которое закреплено следующим образом: «Лицо, виновность которого в совершении преступления не доказана в установленном законом порядке, то есть в отношении которого в возбуждении уголовного дела отказано либо уголовное дело прекращено в связи с отсутствием события преступления или в связи с отсутствием в деянии состава преступления, и которое располагает фактами проведения в отношении его оперативно-розыскных мероприятий и полагает, что при этом были нарушены его права, вправе истребовать от органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, сведения о полученной о нем информации в пределах, допускаемых требованиями конспирации и исключающих возможность разглашения государственной тайны. В случае, если будет отказано в предоставлении запрошенных сведений или если указанное лицо полагает, что сведения получены не в полном объеме, оно вправе обжаловать это в судебном порядке. В процессе рассмотрения дела в суде обязанность доказывать обоснованность отказа в предоставлении этому лицу сведений, в том числе в полном объеме, возлагается на соответствующий орган, осуществляющий оперативно-розыскную деятельность.»

А.И. Тамбовцев в своей статье [6] делает вывод о том, что «применимые законодательством фразы и обороты (содержащиеся в части 4 статьи 5 Закона № 144-ФЗ,

прим. авт.) не учитывают специфических особенностей ОРД и допускают вольность их интерпретации, что для правоприменителя не допустимо.

Частью 5 Закона № 144-ФЗ закреплено, что «в целях обеспечения полноты и всесторонности рассмотрения дела орган, осуществляющий оперативно-розыскную деятельность, обязан предоставить судье по его требованию оперативно-служебные документы, содержащие информацию о сведениях, в предоставлении которых было отказано заявителю, за исключением сведений о лицах, внедренных в организованные преступные группы, о штатных негласных сотрудниках органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, и о лицах, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе.»

Судьи Конституционного Суда РФ А.Л. Кононов, Т.Г. Мещерякова, В.И. Олейник своих особых мнений к Определению Конституционного Суда РФ от 14.07.1998г. № 86-О [7] высказались о несовершенстве положений Закона № 144-ФЗ, которые допускают произвольное и бесконтрольное ограничение конституционных прав граждан. «По существу, весь Закон, прежде всего из-за игнорирования в период разработки правил законодательной техники, что привело к нечеткости его языка (неопределенности понятий, возможности неоднозначного толкования, наполнения как внутренними смысловыми противоречиями, так и другими противоречиями), из-за несогласованности с иными – федеральными и конституционными – законами фактически узаконил отрицательную суть большинства обыкновений произвола (пороков) оперативно-розыскной практики, развивавшейся и утверждавшейся ведомственными предписаниями, инструкциями, приказами должностных лиц на протяжении почти 80 последних лет российской государственности».

В частности, судьи указывают на наличие следующих противоречий и недостатков в статье 5 Закона № 144-ФЗ:

- часть 3 указанной статьи лишь декларирует право обжалования действий органов, осуществляющих ОРД, в вышестоящий орган, прокуратуру или суд, поскольку не содержит гарантий и эффективного механизма реализации этого права, а у лица, ставшего объектом проведения ОРМ, отсутствуют достоверные сведения о нарушении его прав и свобод – оно не может привести конкретные факты в свою защиту, объективно оценить и доказать объём допущенных нарушений;
- приведённая в части 4 формулировка неопределённая и даёт возможность произвольного толкования круга лиц, имеющих право на указанную информацию. Формально, из круга лиц, имеющих право на информацию, исключаются те, в отношении которых оперативно-розыскные мероприятия проводились, но при этом не принималось одно из процессуальных решений, перечисленных в данной части, а также те, чья виновность на момент запроса не доказана в установленном законом порядке, и те лица, которые оправданы судом, или в отношении которых отказано в возбуждении уголовного дела или оно прекращено по иным основаниям (в том числе в связи с недоказанностью совершения преступления), а также подозреваемые, обвиняемые, подсудимые и осужденные. Фактически, данная норма требует от заявителя процессуального подтверждения его невиновности, чем грубо искажается конституционный принцип презумпции невиновности (статья 49 Конституции РФ);
- дополнительно, право на получение «сведений о полученной о заявителе информации» в результате проведения ОРМ содержит ещё одно ограничительное условие – такое лицо должно располагать «фактами проведения в отношении него ОРМ», однако такие сведения частью 1 статьи 12 Закона № 144-ФЗ составляют государственную тайну, – являющееся чрезмерным с точки зрения требований статей 45, 46, 55 (часть 3);
- допускается истребование «сведений о полученной о нём информации», а не самой информации, что противоречит части 2 статьи 24 Конституции РФ, гарантирующей возможность ознакомления с документами и материалами,

непосредственно затрагивающими права и свободы лица. Указанные сведения правоприменителями толкуются ограничительно и фактически представляют собой произвольные выдержки из первоначальных документов, сформулированные к тому же по их усмотрению самими работниками оперативных органов; невозможно судить ни о достоверности, ни об объёме собранной информации, имеющейся в материалах дела оперативного учета. Помимо этого, данные сведения предоставляются «в пределах, допускаемых требованиями конспирации и исключающих возможность разглашения государственной тайны», что позволяет работникам оперативных органов отказывать заинтересованным лицам в предоставлении любой информации, в виду её отнесения к государственной тайне, что и происходит на практике. В силу части 1 статьи 12 Закона № 144-ФЗ сведения подлежат рассекречиванию только на основании постановления руководителя органа, осуществляющего ОРД, это означает, что доступ к получению гражданином собранной о нём оперативным путём информации во всех случаях может быть исключён по решению органов, осуществляющих ОРД. При этом, достаточным и оправданным ограничением, которое может быть «предусмотрено законом», является исключение из документов и материалов сведений об источниках информации, агентах, методике розыска и т.п.;

- согласно части 5 указанной статьи, при рассмотрении дела по требованию суда предоставляются «оперативно-служебные документы, содержащие информацию о сведениях, в предоставлении которых было отказано заявителю, за исключением сведений о лицах, внедренных в организованные преступные группы, о штатных негласных сотрудниках органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, и о лицах, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе». При этом, Закон № 144-ФЗ не содержит определения «оперативно-служебных документов», не отождествляет их с делом оперативного учёта и позволяет не предоставлять подлинные первоначальные документы и материалы, раскрывающие истинный объём и характер информации для суда, рассматривающего дело, что исключает объективное, полное и всестороннее рассмотрение дела;

- в случае признания необоснованным решения оперативного органа об отказе в предоставлении информации заявителю, судья может лишь обязать указанный орган предоставить заявителю сведения, предусмотренные частью четвертой настоящей статьи (ч. 6 ст. 5 Закона № 144-ФЗ). Вместе с тем, как указано выше, положения части 1 статьи 12 Закона № 144-ФЗ фактически приводят к отмене в сфере ОРД права граждан на ознакомление с документами, затрагивающими их конституционные права, а в рамках судебного разбирательства, положения закона не предусматривают неограниченный доступ суда к делу оперативного учёта в отношении заявителя и всей информации, в которой он упоминается. Тем самым, указанные положения Закона № 144-ФЗ противоречат части 2 статьи 24 и частям 2 и 3 статьи 55 Конституции РФ;

- защита в рамках статьи 5 не может привести ни к прекращению ОРМ, ни к признанию их необоснованными. Не предусматривают порядка санкционирования и не содержат возможности контроля обоснованности тех ОРМ, проведение которых не требует санкции суда.

Помимо изложенного, в отличие от многочисленных способов защиты гражданских прав, закреплённых в статье 12 Гражданского кодекса РФ, статья 5 Закона № 144-ФЗ не предусматривает такие способы защиты прав, как признание незаконным решения уполномоченного лица о проведении ОРМ, приостановление или прекращение проведения ОРМ, закрытие и уничтожение дела оперативного учёта.

Также Закон № 144-ФЗ не предусматривает возможность непосредственного обжалования судебных решений, требуемых при ограничении прав, предусмотренных частью 2 статьи 23 и статьёй 25 Конституции РФ. А в соответствии с частью 3 статьи 12 Закона № 144-ФЗ судебные решения на право проведения ОРМ и материалы,

послужившие основанием для принятия такого решения, хранятся только в органах, осуществляющих ОРД, т.е. в случае их уничтожения за истечением срока хранения, исчезнет любое упоминание об ограничении прав гражданина.

Более того, лицо, в отношении которого проводились ОРМ, может и не узнать об их проведении и нарушении своих конституционных прав даже в случае, если в действиях такого лица не было выявлено противоправных деяний, поскольку Закон № 144-ФЗ не предусматривает его информирование органом, осуществлявшим ОРМ.

Как отмечает судья Конституционного Суда РФ А.Л. Кононов в своём особом мнении к Определению Конституционного Суда РФ от 04.02.1999г. № 18-О [8] подробно указал «Уже сам негласный характер оперативно-розыскной деятельности, тотальное засекречивание ее результатов, отсутствие каких-либо временных ограничений препятствуют тому, что у заинтересованного лица вообще легально могут оказаться какие-либо данные, а тем более достоверные факты о нарушении его прав, что делает возможность их защиты заведомо ничтожной.»

Тем не менее, Конституционный Суд РФ в части 3 своего Определения от 09.06.2005г. № 248-О приходит к выводу, что Закон № 144-ФЗ, в частности его статья 5, гарантирует судебную защиту прав граждан от возможных нарушений в ходе осуществления ОРМ.

Так есть ли возможность эффективной защиты прав, нарушенных произвольным проведением ОРМ?

Да, несмотря на вышеизложенные недостатки национального законодательства, такая возможность существует.

Во-первых, требуется запросить информацию у органов, которые предположительно осуществляли ОРМ в отношении гражданина.

Европейский Суд по правам человека (далее – ЕСПЧ), учитывая содержание понятия «личная жизнь», как оно толкуется в его прецедентной практике (см., в частности, *Amann v. Switzerland* [GC], no. 27798/95, § 65, ECHR 2000-II и *Rotaru v. Romania* [GC], no. 28341/95, § 43, ECHR 2000-V), приходит к выводу, что сведения о заявителях, которые хранились в полиции безопасности и были им предоставлены, явно являлись информацией, относящейся к их личной жизни. В самом деле, они охватывают даже те элементы информации, которые были преданы гласности, поскольку они систематически собирались и хранились в различных государственных органах. Соответственно, положения пункта 1 статьи 8 Конвенции применимы к обжалуемому по настоящему делу хранению этой информации [9].

ЕСПЧ признаёт, что органы, осуществляющие ОРД, могут на законных основаниях существовать в демократическом обществе. Тем не менее Суд вновь отмечает, что осуществление полномочий по негласному наблюдению за гражданами приемлемо с точки зрения Конвенции лишь постольку, поскольку оно строго необходимо для охраны демократических институтов (см. *Klass and Others v. Germany*, 6 September 1978, § 42, Series A no. 28; а также упомянутое выше *Rotaru v. Romania* [GC], no. 28341/95, § 47, ECHR 2000-V). Такого рода вмешательство государства в осуществление гражданами своих прав должно быть подкреплено соответствующими и достаточными основаниями и быть соразмерным преследуемой государством правомерной цели или целям. В связи с этим Суд полагает, что национальные власти обладают свободой усмотрения, объем которой зависит не только от характера преследуемой ими правомерной цели, но и от характера конкретного вмешательства, имевшего место в том или ином случае [9].

Из прецедентной практики Европейского Суда следует, что понятия "личная жизнь" и "корреспонденция" пункта 1 статьи 8 Конвенции также относились к сообщениям посредством мобильной телефонной связи (см., например, *Liberty and Others v. the United Kingdom*, no. 58243/00, § 56, 1 July 2008 [10]).

Таким образом, запрос должен основываться на статье 8 Конвенции, соответствующей практике ЕСПЧ, части 2 статьи 24 Конституции РФ, а также части 4 статьи 5 Закона № 144-ФЗ и содержать требование о предоставлении гражданину полного доступа к делу оперативного учета, заведённого в отношении него, а также ко всем документам и материалам, содержащим оперативную информацию, в которой заявитель упоминается.

Статья 8 Конвенции может применяться непосредственно (часть 3 статьи 5 Федерального закона от 15.07.1995г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» [11]), а вступившие в силу постановления Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) в отношении Российской Федерации, являются обязательными по вопросам толкования и применения Конвенции для всех органов государственной власти Российской Федерации (пункт 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» [12], статья 1 Федерального закона от 30 марта 1998г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» [13]).

Во-вторых, в случае отказа органа, осуществлявшего ОРМ, в предоставлении информации заявителю, необходимо обратиться в суд (в порядке, предусмотренном главой 22 Кодекса административного судопроизводства РФ) с требованием о признании такого отказа противоречащим статье 8 Конвенции, с учётом толкования ЕСПЧ, а также обязать предоставить запрашиваемую информацию.

Как разъясняется в пункте 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» [14], решения, действия (бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, в том числе дознавателя, следователя, руководителя следственного органа и прокурора, государственного или муниципального служащего, должны соответствовать не только законодательству Российской Федерации, но и общепризнанным принципам и нормам международного права, международным договорам Российской Федерации, включая Конвенцию и Протоколы к ней в толковании Европейского Суда (часть 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации, часть 2 статьи 1 и часть 4 статьи 11 ГПК РФ, часть 3 статьи 1 УПК РФ, часть 2 статьи 1.1 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации).

В-третьих, если у заявителя нет неопровержимых доказательств, подтверждающих проведение в отношении него ОРМ, а в предоставлении такой информации уполномоченным органом было отказано, то возникает право на подачу жалобы в ЕСПЧ на нарушение статьи 8 во взаимосвязи со статьёй 13 (отсутствие эффективных внутригосударственных средств правовой защиты) с детальным перечислением всех фактов, обстоятельств, подтверждающих подозрения о вмешательстве государства в личную жизнь заявителя, а также предоставлением соответствующих доказательств (ответ органа, осуществляющего проведение ОРД, который не опровергает проведение ОРМ в отношении заявителя, показания свидетелей, фото- и видеозаписи и т.п.).

В таком случае, шестимесячный срок на подачу жалобы следует исчислять со дня, когда заявитель полагает было осуществлено последнее вмешательство в его право, предусмотренное статьёй 8 Конвенции.

В Постановлении ЕСПЧ от 04.12.2015г. по делу «Роман Захаров против Российской Федерации», которое касалось прослушивания телефонных переговоров, Суд приходит к выводу, что национальное законодательство Российской Федерации не

предоставляет эффективной возможности получения информации о проведении негласных ОРМ [15].

Впоследствии, такая жалоба подлежит дополнению нарушением статьи 8 Конвенции в части отказа в предоставлении запрашиваемой информации.

Если же заявитель располагает доказательствами, подтверждающими проведение в отношении него ОРМ, то необходимо исчерпать все эффективные внутригосударственные средства правовой защиты по делу о признании незаконным отказа в предоставлении информации (обратиться с кассационной жалобой в ВС РФ) и после этого в течение 6 месяцев обратиться в ЕСПЧ с жалобой на нарушение статьи 8 во взаимосвязи со статьёй 13 Конвенции в части произвольного вмешательства в личную жизнь, а также статьи 8 и статьи 6 Конвенции в части отказа в предоставлении запрашиваемой информации.

В случае, если информация о вмешательстве в права заявителя будет получена в достаточном объёме, то у него появляется возможность обращения в суд с целью компенсации причинённого морального вреда в порядке, предусмотренном гражданским процессуальным законодательством.

Таким образом, несмотря на существенные изъяны Закона № 144-ФЗ, у лиц, в отношении которых произвольно проводятся ОРМ, существует возможность эффективного восстановления своих прав.

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014г. № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04 ноября 1950 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pdf (дата обращения 20.11.2019 г.).
3. Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=330818&dst=100002> (дата обращения: 20.11.2019г.)
4. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Захаркина Валерия Алексеевича и Захаркиной Ирины Николаевны на нарушение их конституционных прав пунктом "б" части третьей статьи 125 и частью третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 09.06.2005г. № 248-О [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=54736&dst=4294967295> (дата обращения: 20.11.2019г.)
5. Ховавко С.М. Правовые гарантии соблюдения конституционных прав человека и гражданина при проведении оперативно-розыскных мероприятий // Общество и право. 2016. № 4. С. 133-134
6. Тамбовцев А.И. Реабилитация в оперативно-розыскной деятельности: анализ отдельных положений статьи 5 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» // Научный вестник Омской академии МВД России № 1 (60), 2016. С. 17
7. По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об оперативно - розыскной деятельности» по жалобе гражданки И.Г. Черновой: Определение Конституционного Суда РФ от 14.07.1998г. № 86 О [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=7635&dst=4294967295> (дата обращения: 20.11.2019г.)
8. По жалобе граждан М.Б. Никольской и М.И. Сапронова на нарушение их конституционных прав отдельными положениями Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: Определение Конституционного Суда РФ от 04.02.1999г. № 18-О [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=8328&dst=4294967295> (дата обращения: 20.11.2019г.)
9. Segerstedt-Wiberg and Others v. Sweden, no. 62332/00, §§ 72, 88, ECHR 2006-VII [Электронный ресурс]. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-75591> (дата обращения: 20.11.2019г.)
10. Liberty and Others v. the United Kingdom, no. 58243/00, § 56, 1 July 2008 [Электронный ресурс]. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-87207> (дата обращения: 20.11.2019г.)

11. О международных договорах Российской Федерации: федер. закон от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=160092&dst=100002%2C1> (дата обращения: 20.11.2019г.)
12. О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003г. № 5 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=143061&dst=4294967295> (дата обращения: 20.11.2019г.)
13. О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней: федер. закон от 30 марта 1995 г. № 54-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=18263&dst=4294967295> (дата обращения: 20.11.2019г.)
14. О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013г. № 21 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=148391&dst=4294967295> (дата обращения: 20.11.2019г.)
15. Roman Zakharov v. Russia [GC], no. 47143/06, § 290, ECHR 2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-159324> (дата обращения: 17.07.2019г.)

Зубарев Д.В.

Проблемы реализации нормотворческих полномочий субъектов Российской Федерации в области обеспечения права граждан на проведение публичных мероприятий на примере Приморского края

*ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет»
(Россия, Владивосток)*

doi: 10.18411/lj-02-2020-115

idsp: ljjournal-02-2020-115

Аннотация

Статья посвящена анализу реализации правотворческих полномочий субъектов Российской Федерации на примере Приморского края в сфере обеспечения права граждан на проведение публичных мероприятий. Рассматривается проблема произвольного применения этих полномочий за пределами ограничений, установленных федеральным законодательством. Из-за противоречивой судебной практики, автором статьи делается вывод об отсутствии эффективных внутригосударственных средств правовой защиты от произвольного применения региональными властями указанных полномочий.

Ключевые слова: публичные мероприятия, собрания, митинги, шествия, демонстрации, пикетирования, свобода мирных собраний, законы субъектов Российской Федерации о публичных мероприятиях; цели установления ограничений для проведения публичных мероприятий.

Abstract

The article is devoted to the analysis of the exercise of law-making powers of the entities of the Russian Federation on the example of the Primorsky Krai in the area of ensuring the right of citizens to hold public events. The article addresses the problem of arbitrary use of these powers beyond the limits established by federal law. Due to the contradictory jurisprudence, the author of the article comes to the conclusion that there are no effective domestic remedies against the arbitrary use of these powers by regional authorities.

Key words: public events, gatherings, rallies, marches, demonstrations, picketings, freedom of peaceful assembly, laws of the entities of the Russian Federation on public events; the purpose of setting restrictions for public events.

Введение. Свобода мирных собраний является одним из самых ценных основных прав для любого демократического и правового государства. Эта свобода делает возможным прямой диалог между государством и теми, «у кого нет прямого доступа ни к процессу принятия политических решений, ни к СМИ» [1].

Свобода собраний – одно из самых неудобных прав как для власти, поскольку чаще всего становится объектом критики, так и для случайных граждан, поскольку реализация этого права одними, может создать дискомфорт и неудобства остальным.

Несмотря на важность обеспечения реализации права на свободу собраний, особенно во времена острой критики власти со стороны общества, – власти стараются ограничить это основное право.

Однако, исходя из особой роли этой конституционной свободы, государство должно всячески содействовать мирным собраниям и обеспечивать их проведение, а также гарантировать защиту соответствующих прав граждан.

В международном праве закреплены принципы, согласно которым в демократических государствах должна обеспечиваться свобода мирных собраний: презумпция в пользу проведения собраний, законность и пропорциональность ограничений свободы собраний, недискриминация, прозрачность принятия решений и надлежащее администрирование, «видимость и слышимость» и другие [2].

Вместе с тем, реализация права на свободу мирных собраний требует новых решений со стороны законодателей, правоприменителей и учёных.

В настоящей статье, на примере Приморского края, автор попытался детально исследовать, а также найти методы для решения одной из существенных проблем конституционно-правового характера, возникающей при реализации субъектами Российской Федерации своих правотворческих полномочий по определению мест, в которых запрещено проведение собраний, митингов, шествий и демонстраций.

Свобода мирных собраний и правотворческие полномочия субъектов Российской Федерации.

Право на свободу мирных собраний закреплено в статье 31 Конституции Российской Федерации [3] и в статье 11 Конвенции о защите прав человека и основных свобод [4], которая может применяться непосредственно (часть 3 статьи 5 Федерального закона от 15.07.1995г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации»), а вступившие в силу постановления Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) в отношении Российской Федерации, являются обязательными по вопросам толкования и применения Конвенции для всех органов государственной власти Российской Федерации (пункт 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации», статья 1 Федерального закона от 30 марта 1998г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней»).

Нормативно-правовым актом, направленным на обеспечение реализации установленного Конституцией Российской Федерации права граждан Российской Федерации собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги, демонстрации, шествия и пикетирования, является Федеральный закон от 19.06.2004г. № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» (далее – Федеральный закон от 19.06.2004г. № 54-ФЗ) [5].

В отличие от конституционно-правовой нормы, Федеральный закон от 19.06.2004г. № 54-ФЗ он не подтверждает абсолютность данного права и закрепляет уведомительный порядок его реализации.

Уведомительно-разрешительный порядок проведения публичных мероприятий установлен практически во всех зарубежных государствах, с некоторыми вариациями данного способа легализации публичных мероприятий [6], в целях обеспечения

государственной и общественной безопасности, общественного порядка при проведении публичных мероприятий, а также охраны и защиты прав и законных интересов физических и юридических лиц, реализация которых может быть затруднительна в связи с проведением подобного рода акций.

Согласно статье 1 Федерального закона от 19.06.2004г. № 54-ФЗ, органы государственной власти субъектов Российской Федерации в случаях, предусмотренных данным федеральным законом, вправе издавать нормативные правовые акты, касающиеся обеспечения условий проведения собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирований.

Из данного положения следует, что компетенция региональных властей в сфере реализации права граждан на проведение публичных мероприятий строго определена Федеральным законом от 19.06.2004г. № 54-ФЗ.

При этом, значительный перечень правотворческих полномочий субъекты Российской Федерации получили в результате принятия Федерального закона от 08.06.2012г. № 65-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» (далее – Федеральный закон от 08.06.2012г. № 65-ФЗ) [7].

Так, на основании Федерального закона от 19.06.2004г. № 54-ФЗ (в редакции Федерального закона от 08.06.2012г. № 65-ФЗ), региональными законами определяются: 1) порядок подачи уведомления о проведении публичного мероприятия в орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации или орган местного самоуправления (ч. 2 ст. 7); 2) минимальное допустимое расстояние между лицами, осуществляющими пикетирование (ч. 1.1. ст. 7); 3) места, в которых запрещено проведение собраний, митингов, шествий и демонстраций (ч. 2.2. ст. 8); 4) порядок использования специально отведенных мест, нормы их предельной заполняемости и предельная численность лиц, участвующих в публичных мероприятиях, уведомление о проведении которых не требуется (ч. 1.1 ст. 8); 5) порядок проведения публичного мероприятия на объектах транспортной инфраструктуры, используемых для транспорта общего пользования и не относящихся к местам, в которых проведение публичного мероприятия запрещено (ч. 3.1 ст. 8).

Указанные в части 2.2. статьи 8 Федерального закона от 19.06.2004г. № 54-ФЗ ограничения, как следует из положений данной нормы, могут быть установлены представительным органом субъекта Российской Федерации только в целях защиты прав и свобод человека и гражданина, обеспечения законности, правопорядка, общественной безопасности.

А.В. Корепина уже отмечала в своей статье [8], что законодательные полномочия субъектов Российской Федерации в сфере реализации права граждан на свободу собраний достаточно широки и осуществление этих полномочий не всегда обеспечивает достижение тех целей, которые определил для них федеральный законодатель. При этом, автор статьи указывает на необходимость указания целей, для достижения которых на основании части 2.2. статьи 8 Федерального закона от 19.06.2004г. № 54-ФЗ устанавливаются ограничения на проведение собраний, митингов, шествий и демонстраций в определённых местах, подкрепив данный вывод практикой Верховного Суда Российской Федерации.

В Определении от 24.07.2013г. по делу № 43-АПГ13-3 [9] Верховный Суд Российской Федерации отмечает, что суды при проверке законности установленных региональным законодателем ограничений должны удостовериться в том, что субъект Российской Федерации осуществлял свои дискреционные полномочия разумно, осмотрительно и добросовестно, оценить оспариваемое регулирование с учётом обстоятельств дела в целом и определить, были ли мотивы, приведённые в его обоснование, относимыми и достаточными, являются ли установленные запреты

допустимыми, обоснованными, законными, соразмерными, не делают ли невозможной реализацию гарантированного Конституцией Российской Федерации и Федеральным законом от 19.06.2004г. № 54-ФЗ права. Суд признал недействующими оспариваемые положения закона Удмуртской Республики от 20.12.2012г. № 71-РЗ «О регулировании отношений в сфере проведения публичных мероприятий на территории Удмуртской Республики», поскольку в нём не содержались цели для достижения которых устанавливались оспариваемые ограничения.

Вместе с тем, в Верховном Суде Российской Федерации сохраняется неоднозначная практика по данной категории дел, а указанная проблема требует детального исследования.

Определениями Верховного Суда Российской Федерации от 28.08.2013г. по делу № 46-АПГ13-9 [10] и от 05.12.2018г. по делу № 64-АПГ18-8 [11] законы Самарской области от 06.04.2005г. № 105-ГД «О порядке подачи уведомления о проведении публичного мероприятия и обеспечении отдельных условий реализации прав граждан на проведение публичных мероприятий в Самарской области» и Сахалинской области от 09.03.2011г. № 22-ЗО «О проведении публичных мероприятий в Сахалинской области» оспариваемые запреты на проведение собраний, митингов, шествий и демонстраций были признаны соответствующими нормативным правовым актам имеющим большую юридическую силу. Верховный Суд Российской Федерации пришёл к такому выводу на основании наличия соответствующих полномочий у представительных органов власти Самарской и Сахалинской областей, установивших такие запреты, предусмотренных частью 2.2. статьи 8 Федерального закона от 19.06.2004г. № 54-ФЗ, а оценка являются ли оспариваемые запреты допустимыми, обоснованными, законными, соразмерными не осуществлялась.

Выявление правового смысла части 2.2 статьи 8 Федерального закона от 19.06.2004г. № 54-ФЗ.

Частью 2 статьи 8 Федерального закона от 19.06.2004г. № 54-ФЗ установлены места, в которых запрещено проведение публичных мероприятий любых форм. К таким местам отнесены территории, непосредственно прилегающие к опасным производственным объектам и к иным объектам, эксплуатация которых требует соблюдения специальных правил техники безопасности; путепроводы, железнодорожные магистрали и полосы отвода железных дорог, нефте-, газо- и продуктопроводов, высоковольтных линий электропередачи; территории, непосредственно прилегающие к резиденциям Президента Российской Федерации, к зданиям, занимаемым судами, к территориям и зданиям учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы; пограничная зона, если отсутствует специальное разрешение уполномоченных на то пограничных органов.

Частью 2.2 статьи 8 Федерального закона от 19.06.2004г. № 54-ФЗ установлено, что законом субъекта могут определяться места, в которых запрещается проведение не публичных мероприятий как таковых, а конкретных форм публичных мероприятий: собраний, митингов, шествий и демонстраций.

Из приведённых положений следует, что федеральным законом закрепляются места, в которых запрещено проведение публичных мероприятий любых форм, а законом субъекта могут быть установлены дополнительные ограничения на проведение публичных мероприятий любых форм, кроме пикетирований.

Таким образом, ограничения должны вводиться в тех местах, где собрания, митинги, шествия или демонстрации не могут проводиться по объективным причинам (вне зависимости от характера, предполагаемого числа участников, планируемого времени (даты) их проведения), и основываться на отличиях перечисленных форм публичных мероприятий от пикетирований – невозможности использования участниками публичного мероприятия звукоусиливающих технических средств и его проведение без передвижения.

Соответственно, представительным органом субъекта Российской Федерации при определении соответствующих мест не могут преследоваться цели защиты прав и свобод человека и гражданина, обеспечения законности, правопорядка, общественной безопасности без учёта указанных особенностей.

Оценка запретов на проведение собраний, митингов, шествий и демонстраций, устанавливаемых представительными органами субъектов Российской Федерации, на соответствие статье 11 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, основываясь на практике ЕСПЧ.

Так, из постановления ЕСПЧ от 07.02.2017г. по делу «Лашманкин и другие против Российской Федерации» [12] следует, что власти Российской Федерации не привели соответствующих и достаточных причин в оправдание общего запрета на проведение публичных мероприятий рядом со зданиями судов, установленного пунктом 3 части 2 Федерального закона от 19.06.2004г. № 54-ФЗ. Отказ (в жалобе № 19700/11) в согласовании публичного мероприятия заявителей единственной ссылкой на данный запрет в отсутствие рассмотрения конкретных обстоятельств дела не может рассматриваться как необходимый в значении пункта 2 статьи 11 Конвенции.

По такой категории дел ЕСПЧ выясняет, почему общие запреты являются более эффективным средством достижения законных целей, чем положение, допускающее рассмотрение в конкретных случаях и таргетирование лишь тех собраний, которые представляли угрозу беспорядков, или почему общий запрет не мог быть ослаблен без риска злоупотреблений, существенной неопределенности, дискриминации или произвола (см. для сравнения Постановление Большой Палаты ЕСПЧ по делу «Международная организация защитников животных против Соединенного Королевства» [13]).

С учётом выявленного правового смысла части 2.2 статьи 8 Федерального закона от 19.06.2004г. № 54-ФЗ, наделение представительных органов власти субъектов Российской Федерации по установлению запретов на проведение собраний, митингов, шествий и демонстраций в определённых местах является чрезмерным и будет приводить к нарушению статьи 11 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Запреты на проведение собраний, митингов, шествий и демонстраций на примере Приморского края.

Частью 4 статьи 3 Федерального закона от 08.06.2012г. № 65-ФЗ предписано представительным органам власти субъектов Российской Федерации до 31 декабря 2012 года принять региональные законы на основании части 2.2 статьи 8 Федерального закона от 19.06.2004г. № 54-ФЗ.

14 декабря 2012 года Законодательным Собранием Приморского края (далее – ЗС ПК) был принят закон Приморского края от 20.12.2012 № 154-КЗ «О внесении изменений в Закон Приморского края «О публичных мероприятиях в Приморском крае» [14], которым в целях защиты прав и свобод человека и гражданина, обеспечения законности, правопорядка, общественной безопасности на территории Приморского края запрещается проведение собраний, митингов, шествий, демонстраций: 1) в зданиях вокзалов, аэропортов, торгово-развлекательных центров, детских, образовательных и медицинских учреждений, на рынках, а также на прилегающих к ним территориях – на расстоянии 100 метров от любой точки периметра соответствующих зданий, а если здание имеет огражденную территорию – от любой точки периметра ограждения; 2) в расположении воинских частей, военных организаций и учреждений; 3) в культовых зданиях и сооружениях, иных местах и объектах, специально предназначенных для богослужений, молитвенных и религиозных собраний, религиозного почитания (паломничества), а также на прилегающих к ним территориях – на расстоянии 100 метров от любой точки периметра соответствующих зданий, сооружений мест, объектов, а если здание,

сооружение, место, объект имеют огражденную территорию – от любой точки периметра ограждения; 4) в зданиях, в которых располагаются культурные, спортивные, развлекательные центры (во время проведения в них культурных, спортивных, развлекательных и иных мероприятий); 5) на остановках общественного пассажирского транспорта, тротуарах, детских и спортивных площадках; 6) в зданиях, в которых располагаются учреждения, осуществляющие деятельность в сфере предупреждения и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, а также на прилегающих к ним территориях – на расстоянии 100 метров от любой точки периметра соответствующих зданий, а если здание имеет огражденную территорию – от любой точки периметра ограждения; 7) в зданиях, в которых располагаются органы государственной власти Приморского края, органы местного самоуправления.

Частью 1 статьи 1 Закона Приморского края от 04.05.2018 года № 278-КЗ [15] пункт 1 был изменен: слова «и медицинских учреждений» были заменены словами «медицинских, физкультурно-спортивных организаций».

Следует внимательно изучить, как вышеуказанные краевые законы принимались ЗС ПК.

09 ноября 2012 года в ЗС ПК был внесён проект закона Приморского края «О внесении изменений в Закон Приморского края «О публичных мероприятиях в Приморском крае» [16] с целью приведения в соответствие с Федеральным законом от 08.06.2012г. № 65-ФЗ. Из сопроводительного письма [17], пояснительной записки [18] и решения Комитета по региональной политике и законности ЗС ПК от 12.11.2012г. № 165 [19] следует, что законопроект, в том числе, дополняет перечень мест, в которых проведение публичных мероприятий запрещается, в целях защиты прав и свобод человека и гражданина, обеспечения законности, правопорядка, общественной безопасности законом субъекта Российской Федерации дополнительно определяются места, в которых запрещается проведение собраний, митингов, шествий, демонстраций. Проект закона предполагал расширение перечня мест, в которых проведение публичных мероприятий запрещено в соответствии с частью 2 статьи 8 Федерального закона от 19.06.2004г. № 54-ФЗ, путём включения в него зданий аэропортов и вокзалов, детских, образовательных и медицинских учреждений, а также зданий, в которых располагаются культурные, спортивные, развлекательные, просветительские центры (во время проведения в них культурных, спортивных, развлекательных и иных мероприятий).

21 ноября 2012 года состоялось 13-е заседание ЗС ПК на котором указанный законопроект был принят в первом чтении [20]; вопрос целесообразности установления дополнительных мест, в которых проведение публичных мероприятий ограничивается, не обсуждался.

07 декабря 2012 года комитетом по региональной политике и законности ЗС ПК было принято решение № 185 [21], которым, в том числе, дополняется перечень мест, в которых проведение публичных мероприятий запрещается; в указанной части внесены и рекомендованы поправки к законопроекту, которые впоследствии и стали окончательными.

14 декабря 2012 года состоялось 15-е заседание ЗС ПК на котором были приняты поправки к законопроекту, рекомендованные указанным комитетом, а также законопроект с учётом принятых поправок во втором и третьем чтении [22].

Вопрос целесообразности установления дополнительных мест, в которых проведение публичных мероприятий ограничивается, не обсуждался ни на заседании комитета по региональной политике и законности, ни на заседании ЗС ПК.

13 февраля 2018 года в ЗС ПК был внесён проект закона Приморского края «О внесении изменений в Закон Приморского края «О публичных мероприятиях в Приморском крае» [23] направленный на приведения в соответствие с Федеральным законом от 08.06.2012г. № 65-ФЗ путём установления порядка проведения публичных

мероприятий на объектах транспортной инфраструктуры, используемых для транспорта общего пользования и не относящихся к местам, в которых проведение публичных мероприятий запрещено. Законопроект в первоначальной редакции не устанавливает дополнительные места, в которых проведение публичных мероприятий ограничивается.

28 февраля 2018 года состоялось 22-е заседание ЗС ПК на котором данный законопроект был принят в первом чтении [24]; были воспроизведены цели внесения поправок, указанные Комитетом по региональной политике и законности при внесении законопроекта.

16 апреля 2018 года комитетом по региональной политике и законности ЗС ПК было принято решение № 273 [25], которым, в том числе, к законопроекту внесены и рекомендованы поправки [26], устанавливающие дополнительные места, в которых проведение публичных мероприятий запрещается; при этом отмечается, что данные поправки касаются «уточнения порядка проведения публичного мероприятия на объектах транспортной инфраструктуры».

25 апреля 2018 года состоялось 24-е заседание ЗС ПК на котором были приняты поправки к законопроекту, рекомендованные профильным комитетом, а также законопроект с учётом принятых поправок во втором и третьем чтении [27]. Вопрос целесообразности установления дополнительных мест, в которых проведение публичных мероприятий ограничивается, не обсуждался; были воспроизведены цели внесения поправок, указанные Комитетом по региональной политике и законности при внесении законопроекта.

Таким образом, введение ограничений на проведение публичных мероприятий краевыми парламентариями было продиктовано исключительно формальностью – необходимостью исполнения предписания, установленного частью 4 статьи 3 Федерального закона от 08.06.2012г. № 65-ФЗ; при этом, цели защиты прав и свобод личности, обеспечения безопасности и законности не преследовались и не декларировались.

Судебное разбирательство по оспариванию запретов, установленных законом Приморского края «О публичных мероприятиях в Приморском крае» [28].

14 января 2019 года члены Владивостокского горкома КПРФ обратились в Департамент внутренней политики Приморского края (далее – Департамент) с уведомлением о проведении на центральной площади Владивостока митинга против строительства центра по хранению радиоактивных отходов в Приморском крае. Департамент отказал в согласовании мероприятия указав, что пунктом 3 части 2(1) статьи 2 закона Приморского края от 25.02.2011г. № 742-КЗ запрещается проведение собраний, митингов, шествий и демонстраций в культовых зданиях и сооружениях, а также в пределах 100 метров от них. Поскольку непосредственно у центральной площади Владивостока строится Спасо-Преображенский кафедральный собор и работает часовня, то центральная площадь относится к указанным территориям.

11 февраля 2019 года гражданские активисты обратились в Администрацию города Владивостока и Департамент о проведении публичных мероприятий в память о Борисе Немцове в форме шествия по центральным улицам города и в форме митинга на набережной Спортивной гавани, в день его смерти. Им также было отказано в проведении данных публичных мероприятий. В первом случае решение Департамента основывалось на пункте 1 части 2(1) статьи 2 закона Приморского края от 25.02.2011г. № 742-КЗ, запрещающего шествия на тротуарах; во втором случае – администрация города отказала в согласовании на основании пункта 5 части 2(1) статьи 2 закона Приморского края от 25.02.2011г. № 742-КЗ по причине нахождения в пределах 100 метров от места проведения митинга здания физкультурно-спортивной организации (стадиона «Динамо»).

Указанные обстоятельства послужили основаниями для обращения граждан в Приморский краевой суд с административными исковыми заявлениями о признании пунктов 1, 3 и 5 части 2(1) статьи 2 закона Приморского края от 25.02.2011г. № 742-КЗ недействующими в части, как противоречащие части 2.2 статьи 8 Федерального закона от 19.06.2004г. № 54-ФЗ и статье 11 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (административные дела №№ 3а-102/2019, 3а-107/2019, 3а-118/2019, которые были объединены в одно производство).

Заявители указывали, что оспариваемые запреты не направлены на достижение целей, предусмотренных частью 2.2 статьи 8 Федерального закона от 19.06.2004г. № 54-ФЗ, а также противоречат статье 11 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, с учётом её толкования ЕСПЧ, поскольку не являются необходимыми и пропорциональными с точки зрения пункта 2 статьи 11 Конвенции.

Заявители также указали, что в местах, где планировалось проведение митингов, регулярно проводятся массовые мероприятия (праздничные, культурные и спортивные), в том числе, с использованием звукоусиливающей аппаратуры. Указанные мероприятия проходили без риска нарушения прав и свобод человека и гражданина, правопорядка, общественной безопасности; законность была обеспечена путём содействий организаторов со стороны органов исполнительной власти, местного самоуправления и сотрудников правоохранительных органов.

Проведение таких мероприятий осуществляется в соответствии с Положением о порядке организации и проведения массовых мероприятий на территории Владивостокского городского округа (далее – Положение), утверждённым постановлением главы г. Владивостока от 05.03.2010г. № 206.

Из пунктов 2.4 и 2.5 Положения следует, что проведение таких массовых мероприятий осуществляется на разрешительной основе и администрация города Владивостока отказывает в проведении мероприятия, в том числе в случаях, угрозы общественному порядку и безопасности населения Владивостокского городского округа.

Таким образом, администрация города Владивостока признает отсутствие угроз при проведении массовых мероприятий в заявленных организаторами местах. Несмотря на провозглашённые статьёй 19 Конституции РФ равенство всех граждан перед законом и судом и равенство прав и свобод человека и гражданина, гарантируемое государством независимо от отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств, оспариваемые административными истцами запреты носят явно дискриминационный характер и не могут быть обусловлены стремлением ЗС ПК уменьшить количество мирных протестных акций в центре города Владивостока.

Маршрут шествия, планируемый организаторами, совпадал с участком маршрута стихийного шествия, которое состоялось 28.01.2018г. против недопуска независимых кандидатов на выборы Президента Российской Федерации в 2018 году. Тогда властям уже удавалось в полном объёме обеспечить безопасность граждан и исключить существенное нарушение правопорядка 28.01.2018г., что подтверждается официальным пресс-релизом Министерства внутренних дел Российской Федерации [29]. Тем самым, Министерство внутренних дел Российской Федерации признает, что при их содействии можно обеспечить правопорядок в ходе шествия по тротуарам.

Следовательно, общие запреты, оспариваемые заявителями, не являются более эффективным средством достижения законных целей, чем положения, допускающее рассмотрение в конкретных случаях и таргетирование лишь тех собраний, которые представляли угрозу беспорядков; могут быть ослаблены без риска злоупотреблений, существенной неопределённости, дискриминации или произвола.

Также следует указать, что оспариваемые запреты, установленные в краевом законе, не содержат конкретного перечня мест в которых запрещено проведение собраний, митингов, шествий и демонстраций, закрепляя указанные места абстрактно.

ЗС ПК установило запрет на проведение собраний, митингов, шествий и демонстраций вблизи культовых зданий и сооружений, когда такой запрет не распространялся на центральную площадь города Владивостока. Запрет стал распространяться на центральную площадь лишь после возведения Спасо-Преображенского кафедрального собора. Указанный собор был возведён на основании разрешения на строительство от 05.05.2017г., выданного администрацией города Владивостока религиозной организации «Владивостокская Епархия Русской Православной Церкви (Московский Патриархат)» [30].

Таким образом, запрет на проведение собраний, митингов, шествий и демонстраций на центральной площади города Владивостока был установлен не представительным органом власти Приморского края, а органом местного самоуправления. Абстрактное указание мест, в которых запрещено проведение собраний, митингов, шествий и демонстраций, приводит к нарушению принципа разделения властей и изменяет установленную частью 2.2 статьи 8 Федерального закона от 19.06.2004г. № 54-ФЗ компетенцию ЗС ПК.

В ходе судебного заседания, представители Департамента и ЗС ПК не смогли конкретизировать цели, в которых установлены оспариваемые ограничения и сослались лишь на наличие полномочий, предусмотренных частью 2.2 статьи 8 Федерального закона от 19.06.2004г. № 54-ФЗ.

07 июня 2019 года Приморский краевой суд вынес решение, которым отказал в удовлетворении требований административных истцов и отказался от проведения оценки оспариваемых запретов на необходимость, пропорциональность и целесообразность отметив, что *«данный вопрос в силу положений статьи 10 Конституции Российской Федерации не входит в компетенцию органов судебной власти и не может служить предметом судебного разбирательства»*.

06 ноября 2019 года Верховный Суд Российской Федерации вынес определение по делу № 56-АПА19-19, которым оставил решение Приморского краевого суда без изменения, а апелляционную жалобу заявителей без удовлетворения. Верховный Суд РФ также отказался оценивать конкретные обстоятельства обоснованности введения оспариваемых запретов.

Постановление Конституционного Суда РФ от 01.11.2019г. № 33-П.

01 ноября 2019 года Конституционный Суд РФ вынес Постановление «По делу о проверке конституционности пунктов 1 и 6 статьи 5 Закона Республики Коми «О некоторых вопросах проведения публичных мероприятий в Республике Коми» в связи с жалобами граждан М.С. Седовой и В.П. Терешонковой» [31], которое в значительной степени проясняет границы применения части 2.2 статьи 8 Федерального закона от 19.06.2004г. № 54-ФЗ представительными органами власти субъектов Российской Федерации.

Конституционный Суд РФ разъяснил, что разрешение спорных вопросов, касающихся определения конкретных мест, в которых запрещено проведение публичных мероприятий, требует установления и исследования фактических обстоятельств обоснованности введения субъектами Российской Федерации подобного рода законодательных запретов, а следовательно, образует компетенцию судов общей юрисдикции (в частности, реализуемую ими при проверке соответствия законов субъектов Российской Федерации федеральным законам).

Конституционный Суд РФ отмечает, что проведение публичных мероприятий, как правило, сопряжено с известными неудобствами для не участвующих в них граждан (создание помех работе транспорта, затруднение доступа к объектам социальной инфраструктуры и т.п.), вследствие чего такого рода издержки свободы

мирных собраний сами по себе не могут служить веской причиной для отказа в проведении собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирований, а потому компетентные органы и должностные лица обязаны стремиться к принятию всех зависящих от них мер для их легального проведения в избранном организаторами месте и в запланированное время, в том числе посредством минимизации (локализации) вызываемых ими последствий, а не пытаться под любым предлогом изыскать причины, оправдывающие невозможность реализации права на организацию и проведение публичных мероприятий в указанном в уведомлении формате.

Законодательные, организационные и иные меры, предпринимаемые органами публичной власти в целях надлежащего обеспечения права на свободу мирных собраний, не должны приводить к чрезмерному государственному вмешательству в деятельность организаторов и участников публичных мероприятий, сопряженному с необоснованными ограничениями данного права. Поскольку его реализация может быть связана с серьезными рисками (скоплением большого количества людей в месте проведения публичного мероприятия, возникновением конфликтных ситуаций, в том числе по не зависящим от их организаторов и участников обстоятельствам, и т.п.), как сами граждане в силу конституционного запрета осуществлять права и свободы человека и гражданина с нарушением прав и свобод других лиц (статья 17, часть 3, Конституции РФ), так и государство во исполнение своей конституционной обязанности по соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина (статья 2 Конституции РФ) должны использовать все законные средства для предотвращения любых проявлений, не отвечающих самой сути права на свободу мирных собраний.

Как отмечает Конституционный Суд РФ, принимая во внимание провозглашенную в преамбуле Конституции Российской Федерации цель утверждения гражданского мира и согласия и учитывая, что исходя из присущих их проведению особенностей собрания, митинги, демонстрации, шествия и пикетирования могут затрагивать права и свободы широкого круга лиц – как участников таких мероприятий, так и лиц, в них непосредственно не участвующих, государственная защита гарантируется лишь праву на свободу мирных публичных мероприятий, что не исключает его ограничения федеральным законом, но только в соответствии с критериями, вытекающими из закрепленных в статьях 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2) и 55 (часть 3) Конституции РФ принципов недопустимости злоупотребления правами и свободами человека и гражданина, юридического равенства, обоснованности (необходимости) и соразмерности (пропорциональности). При этом вводимые федеральным законодателем ограничения свободы мирных собраний должны учитывать презюмируемую заинтересованность организаторов в сохранении мирного характера иницилируемых ими публичных мероприятий и не могут посягать на основное содержание соответствующего конституционного права и препятствовать открытому и свободному выражению гражданами своих взглядов, мнений и требований посредством организации и проведения мирных публичных мероприятий.

Суд делает вывод, что исполнение субъектами Российской Федерации предоставленного частью 2.2 статьи 8 Федерального закона от 19.06.2004г. № 54-ФЗ полномочия по дополнительному законодательному определению мест, в которых запрещается проведение собраний, митингов, шествий и демонстраций, требует от них последовательного соблюдения установленных федеральным законодателем правил организации и проведения публичных мероприятий, что предполагает возможность установления таких мест исключительно на основе учета объективных региональных особенностей и условий, не нашедших отражения в федеральных законах, и подразумевает недопустимость произвольного пространственно-территориального ограничения права на свободу мирных собраний.

Как следует из пункта 6 указанного Постановления Конституционного Суда РФ, законодательное регулирование, которым установлен общий запрет проведения

собраний, митингов, шествий и демонстраций в абстрактных местах, какими бы ни были его цели, не согласуется с частью 1 статьи 1 и частью 2.2 статьи 8 Федерального закона от 19.06.2004г. № 54-ФЗ, однозначно ориентирующими субъекты Российской Федерации на то, что делегированное им полномочие по дополнительному определению в своих законах мест, в которых запрещается проведение собраний, митингов, шествий и демонстраций, предполагает их связанность при установлении соответствующих мест не общими, объявленными федеральным законодателем целями защиты прав и свобод человека и гражданина, обеспечения законности, правопорядка, общественной безопасности, а конкретными обстоятельствами, характерными для тех или иных субъектов Российской Федерации, и не наделяет их правом введения абстрактных запретов, имеющих первичный нормообразующий характер, во всяком случае когда установленный федеральным законодателем запрет на проведение публичных мероприятий в местах, имеющих однопорядковые юридические свойства, принципиально не охватывает собой региональный и муниципальный уровни организации публичной власти.

Из статей 72 (пункт "б" части 1) и 76 (часть 2) Конституции Российской Федерации следует, что законодательные акты субъектов Российской Федерации по вопросам защиты прав и свобод могут иметь исключительно вторичный характер, производный от базового регулирования, устанавливаемого Конституцией Российской Федерации и федеральными законами. Они не должны противоречить федеральным законам ни формально, ни по существу, а также не должны приводить к снижению содержащихся в федеральных законах гарантий осуществления прав и свобод человека и гражданина, поскольку именно на федеральном законодательстве лежит обязанность закрепления основных условий их реализации. В противном случае законы субъектов Российской Федерации будут нарушать конституционные условия ограничения прав и свобод (постановления Конституционного Суда РФ от 29.11.2004г. № 17-П, от 11.03.2008г. № 4-П, от 22.12.2015г. № 34-П и др.).

Конституционный Суд РФ признал не соответствующими Конституции РФ отдельные положения законодательства Республики Коми, ограничивающие проведение всех без исключения публичных мероприятий на Стефановской площади в городе Сыктывкаре, а также в радиусе 50 метров от зданий, занимаемых государственными учреждениями, отметив, что соответствующие изменения должны быть внесены также в законы других субъектов РФ, содержащие аналогичные положения.

Заключение.

Несмотря на то, что Конституционный Суд РФ не допустил произвольное применение части 2.2 статьи 8 Федерального закона от 19.06.2004г. № 54-ФЗ представительными органами власти субъектов Российской Федерации, позиция по рассмотрению дел об оспаривании соответствующих ограничений в судах общей юрисдикции остаётся неоднозначной. Суды отказываются оценивать конкретные обстоятельства обоснованности введения оспариваемых запретов.

Абсолютные запреты на проведение отдельных форм публичных мероприятий, не оправданы по смыслу пункта 2 статьи 11 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, а формулирование их абстрактно, без указания конкретных мест – противоречит части 2.2 статьи 8 Федерального закона от 19.06.2004г. № 54-ФЗ.

Указанные обстоятельства приводят к существенному нарушению прав граждан на свободу собраний и указывают на то, что зачастую данная норма применяется в дискриминационных целях.

Во многих случаях можно было бы обойтись менее жёсткими мерами, в частности, путем привлечения соответствующих правоохранительных органов к обеспечению общественного порядка, регулированию дорожного движения, предотвращению столкновений и тому подобному.

В любом случае, у граждан должны быть внутригосударственные средства правовой защиты и суды общей юрисдикции обязаны давать оценку необходимости, пропорциональности и целесообразности введения оспариваемых ограничений с учётом конкретных обстоятельств дела, как это было изначально указано в определении Верховного Суда РФ от 24.07.2013г. по делу № 43-АПГ13-3.

Автор статьи полагает, что необходимо достигнуть единообразия в толковании и применении судами части 2.2 статьи 8 Федерального закона от 19.06.2004г. № 54-ФЗ, что невозможно без пересмотра Президиумом Верховного Суда РФ решения Приморского краевого суда от 07.06.2019г. по делу № 3а-102/2019 и определения Верховного Суда РФ от 06.11.2019г. по делу № 56-АПА19-19 в порядке надзора.

1. Галда В.Н., Звягин М.М., Солодов И.А. Концепции административно-правового регулирования охраны общественного порядка при проведении публичных мероприятий в зарубежных государствах // Административное и муниципальное право. 2009. № 9. С. 40-48
2. О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях»: федер. закон от 08 июня 2012 г. № 65-ФЗ // Российская газета. № 131. 09.06.2012.
3. А.В. Корепина. Проблемы реализации нормотворческих полномочий субъектов Российской Федерации в области обеспечения права граждан на проведение публичных мероприятий // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 4(42). С. 108
4. Определение Верховного Суда РФ от 24.07.2013г. по делу № 43-АПГ13-3 [Электронный ресурс]. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=550010 (дата обращения: 17.07.2019г.)
5. Определение Верховного Суда РФ от 28.08.2013г. по делу № 46-АПГ13-9 [Электронный ресурс]. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=556580 (дата обращения: 17.07.2019г.)
6. Определение Верховного Суда РФ от 05.12.2018г. по делу № 64-АПГ18-8 [Электронный ресурс]. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1720934 (дата обращения: 17.07.2019г.)
7. Lashmankin and Others v. Russia, §§ 378, 434-438, 441, 442 ,no. 57818/09 and 14 others, 7 February 2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-170857> (дата обращения: 17.07.2019г.)
8. Animal Defenders International v. the United Kingdom [GC], no. 48876/08, , §§ 108 и 114-116, ECHR 2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-119244> (дата обращения: 17.07.2019г.)
9. О внесении изменений в Закон Приморского края «О публичных мероприятиях в Приморском крае»: закон Приморского края от 20 декабря 2012 г. № 154-КЗ // Ведомости Законодательного Собрания Приморского края. 21.12.2012. № 35. С. 162-164
10. О внесении изменений в Закон Приморского края «О публичных мероприятиях в Приморском крае»: закон Приморского края от 04 мая 2018 г. № 278-КЗ // Ведомости Законодательного Собрания Приморского края. 07.05.2018. № 56. С. 32-34
11. Проект закона Приморского края. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zspk.gov.ru/upload/iblock/9ab/23.zip> (дата обращения: 17.07.2019г.)
12. Сопроводительное письмо к законопроекту от 09.11.2012г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zspk.gov.ru/upload/iblock/9ab/23.zip> (дата обращения: 17.07.2019г.)
13. Пояснительная записка к законопроекту. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zspk.gov.ru/upload/iblock/9ab/23.zip> (дата обращения: 17.07.2019г.)
14. Решение Комитета по региональной политике и законности Законодательного Собрания Приморского края от 12.11.2012г. № 165. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zspk.gov.ru/upload/iblock/9ab/23.zip> (дата обращения: 17.07.2019г.)
15. Видеозапись заседания Законодательного Собрания Приморского края №13 от 21.11.2012г. [Электронный ресурс]. URL: <https://youtu.be/lzwqmvHKyKQ?t=4040> (дата обращения: 17.07.2019г.)
16. Решение Комитета по региональной политике и законности Законодательного Собрания Приморского края от 07.12.2012г. № 185. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zspk.gov.ru/upload/iblock/059/30.zip> (дата обращения: 17.07.2019г.)
17. Видеозапись заседания Законодательного Собрания Приморского края №15 от 14.12.2012г. [Электронный ресурс]. URL: <https://youtu.be/1uvonJGD620?t=5207> (дата обращения: 17.07.2019г.)
18. Проект закона Приморского края. [Электронный ресурс]. URL: <http://monitoring.zspk.gov.ru/файл/1755367/344пр-pdf> (дата обращения: 17.07.2019г.)
19. Видеозапись заседания Законодательного Собрания Приморского края №22 от 28.02.2018г. [Электронный ресурс]. URL: <https://youtu.be/L42OXBN-30k?t=6635> (дата обращения: 17.07.2019г.)

20. Решение Комитета по региональной политике и законности Законодательного Собрания Приморского края от 16.04.2018г. № 273. [Электронный ресурс]. URL: http://monitoring.zspk.gov.ru/файл/1796706/решение_273-pdf (дата обращения: 17.07.2019г.)
21. Таблица поправок к проекту закона Приморского края «О внесении изменений в Закон Приморского края «О публичных мероприятиях в Приморском крае», рекомендуемых комитетом Законодательного Собрания по региональной политике и законности к принятию (приложение к решению Комитета по региональной политике и законности Законодательного Собрания Приморского края от 16.04.2018г. № 273). [Электронный ресурс]. URL: http://monitoring.zspk.gov.ru/файл/1797765/Поправки_рекомендуемые_к_принятию-docx (дата обращения: 17.07.2019г.)
22. Видеозапись заседания Законодательного Собрания Приморского края №24 от 25.04.2018г. [Электронный ресурс]. URL: <https://youtu.be/juSxmeYdDjk?t=4185> (дата обращения: 17.07.2019г.)
23. Административное дело № 3а-102/2019 Приморского краевого суда
24. Обеспечен правопорядок во время проведения массовых мероприятий от 28.01.2018г. // Министерство внутренних дел Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/news/item/12150947> (дата обращения: 17.07.2019г.)
25. Таблица разрешений на строительство, выданных Администрацией города Владивостока в 2017 году. [Электронный ресурс]. URL: <http://old.vlc.ru/upload/architecture/2018/таблица.docx> (дата обращения: 17.07.2019г.)
26. По жалобам Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, фонда «По делу о проверке конституционности пунктов 1 и 6 статьи 5 Закона Республики Коми «О некоторых вопросах проведения публичных мероприятий в Республике Коми» в связи с жалобами граждан М.С. Седовой и В.П. Терешонковой»: Постановление Конституционного Суда РФ от 01 ноября 2019 г. № 33-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Загл. с экрана.

Климоченко В.И.

Понятие и принципы действия уголовно-правовых норм во времени

ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет»

(Россия, Владивосток)

doi: 10.18411/lj-02-2020-116

idsp: ljjournal-02-2020-116

Аннотация

Проблема действия уголовно-правовых норм во времени является одной из фундаментальных проблем общей теории уголовного права. Она находит свое воплощение в самых различных аспектах применения норм уголовного права, начиная от времени совершения преступления, заканчивая обратной силой уголовного закона. Вследствие постоянной изменчивости российского уголовного законодательства правоприменительная практика постоянно испытывает затруднения, связанные с введением в действие в правоприменительный оборот новых уголовно-правовых норм и прекращением действия норм, утративших силу.

Ключевые слова: Уголовное право, преступность, закономерности, уголовно – правовые нормы.

Abstract

The problem of the operation of criminal law norms over time is one of the fundamental problems of the General theory of criminal law. It is embodied in various aspects of the application of criminal law, from the time of the crime to the retroactive effect of the criminal law. Due to the constant variability of the Russian criminal law, law enforcement practice is constantly experiencing difficulties related to the introduction of new criminal law norms into law enforcement circulation and the termination of the rules that have lost their force.

Keywords: Criminal law, crime, laws, criminal law norms.

Действие закона в самом общем плане - это состояние реального функционирования (воздействия и правового регулирования) предписаний закона в определенном отрезке времени, на определенной территории, в отношении определенного круга лиц. Т.е., действие уголовного закона во времени - это состояние реального функционирования предписаний уголовного закона в определенном отрезке времени. Принципы действия уголовного закона во времени: Принцип немедленного действия означает, что вступивший в силу закон действует только «вперед» и распространяет свое действие лишь на те общественные отношения (преступления), которые возникли (совершены) после его вступления в силу.

Ультраактивность, или «переживание» закона (исключительный принцип), характеризуется тем, что старый закон как бы переживает отведенный ему срок и продолжает действовать и применяться в предусмотренных законом случаях [7, 864].

В современном российском уголовном праве действует положение, согласно которому к совершенному преступлению применяется тот уголовный закон, который действовал в момент совершения преступления. Это положение закреплено в ст. 9 УК РФ: «Преступность и наказуемость деяния определяются уголовным законом, действовавшим во время совершения преступления» [2]. По общему правилу это означает, что действие закона не распространяется на преступления, совершенные до его вступления в силу. Это положение отражает так называемый активный принцип действия уголовного закона во времени [5, 16]. Действие уголовного закона ограничено определенными временными рамками.

Уголовный закон начинает применяться после его вступления в силу и действует вплоть до его отмены или замены новым законодательным актом. Действие закона также может прекращаться вследствие истечения срока его действия, который был изначально предусмотрен в самом законе, либо обстоятельств, обусловивших его принятие.

В ч. 1 ст. 9 УК РФ [2] сформулировано общее правило действия уголовного закона во времени, независимо от того, в форме действия или бездействия совершено преступное деяние. Из этого правила имеется основанное на ст. 54 Конституции исключение, связанное с обратной силой закона. Поэтому для решения вопроса о том, какой закон подлежит применению в конкретном случае, как и для любой правовой оценки, необходимо выяснить два обстоятельства: юридическое и фактическое. В соответствии с ч. 3 ст. 15 Конституции РФ применению подлежат только официально опубликованные законы [1].

Действующим считается уголовный закон, который вступил в силу и не утратил ее. При определении того, является ли действующим тот или иной уголовный либо иной взаимосвязанный с ним закон, необходимо учитывать следующие положения, содержащиеся в Федеральном законе № 5-ФЗ «О порядке опубликования и вступления в силу ФЗ, актов палат Федерального Собрания»: на территории РФ применяются только те ФЗ, акты палат Федерального Собрания, которые официально опубликованы (ст. 1); датой принятия ФЗ считается день принятия его Государственной Думой в окончательной редакции, а датой принятия ФЗ - день, когда он одобрен палатами Федерального Собрания в порядке, установленном Конституцией РФ (ст. 2); официальным опубликованием ФЗ, акта палаты Федерального Собрания считается первая публикация его полного текста в «Парламентской газете», «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» или первое размещение (опубликование) на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) (ст. 4); ФЗ, акты палат Федерального Собрания вступают в силу одновременно на всей территории РФ по истечении 10 дней после дня их официального опубликования, если самими законами или актами палат не установлен другой порядок вступления их в силу (ст. 6).

Анализ второго положения приводит к выводу о том, что в правотворческой и правоприменительной видах деятельности в России имеет место неправильное обозначение даты принятия федеральных и федеральных конституционных законов, поскольку в качестве таковой стало общепринятым указывать день подписания данных нормативных правовых актов Президентом РФ. Исходя из положения, источники первого официального опубликования федеральных конституционных и ФЗ являются альтернативными, при этом не уточняется, достаточно ли для признания официального опубликования состоявшимся использование для этого одного из данных источников. Также не конкретизируется, каким образом следует определять момент официального опубликования в ситуациях, когда различные источники вышли в свет в разные дни, а равно, какой из них всегда является первым, вторым, третьим или четвертым по последовательности опубликования, и не должны ли они быть изданы в один день[4,112].

Во взаимосвязи с третьим и четвертым положениями приведем еще одно критическое замечание, приобретающее особую остроту применительно к уголовному закону. Речь идет о том, что в последние годы новые уголовные законы все чаще вступают в силу в экстраординарном порядке - с момента, указываемого непосредственно в таких законах, причем, как правило, в день их официального опубликования, что существенно затрудняет, а подчас и исключает возможность ознакомления с текстом таких законов до их вступления в силу. Поскольку новые уголовные законы могут вносить значимые изменения и дополнения в УК РФ, в том числе и криминализирующие какие-либо деяния, то о запрещенности таковых граждане могут узнать после того, как уже совершили соответствующие действия (бездействие). Хотя осознание уголовной противоправности деяния и не входит в содержание законодательного определения вины, тем не менее, считаем недопустимым привлекать кого-либо к уголовной ответственности за деяние, кто по объективной причине не должен был и не мог отнести его к числу запрещенных уголовным законом[5, 19].

Таким образом, в уголовном праве обратную силу имеют только более мягкие законы. Таковым признается уголовный закон: декриминализирующий то или иное деяние; смягчающий наказание; иным образом улучшающий положение лица, совершившего преступление. Напротив, более жесткий закон, то есть устанавливающий преступность деяния, усиливающий наказание или иным образом ухудшающий положение лица, совершившего преступление, обратной силы не имеет.

1. Бланкенагель А., Левин И.Г. Свобода собраний и митингов в Российской Федерации – сделано в СССР?: «Лучше мы не можем» или «По-другому не хотим»? // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 2. С. 55
2. Руководящие принципы по свободе мирных собраний. 2-е изд. БДИПЧ ОБСЕ, 2011. С. 15-23. URL: <https://www.osce.org/ru/odihr/83237?download=true> (дата обращения: 17.07.2019г.)
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014г. № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.
4. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04 ноября 1950 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pdf (дата обращения 26.06.2018 г.).
5. О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях: федер. закон от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 21.06.2004. № 25. Ст. 2485
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 №6-ФКЗ, от 30.12.2008 №7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>.

7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 19.02.2018) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>.
8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.12.2017) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>.
9. Решняк, М. Г. Проблемы действия уголовного закона во времени в свете гуманизации уголовного законодательства: монография / М. Г. Решняк. М.: Международный юридический институт, 2012. 112 с.
10. Решняк, М. Г. О некоторых принципах действия уголовного закона во времени / М. Г. Решняк // Российская юстиция. 2014. № 8. С. 16-19.
11. Уголовное право России. Общая часть: учебник / Под ред. В. П. Ревина. М.: Юстицинформ. 2016. 580 с.
12. Уголовное право России. Общая часть: учебник / Под ред. Ф. Р. Сундукова, И. А. Тарханова. М.: Статут, 2016. 864 с.

Климоченко В.И.

Исторические аспекты развития института действия уголовного закона во времени

*ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет»
(Россия, Владивосток)*

doi: 10.18411/lj-02-2020-117

idsp: ljjournal-02-2020-117

Аннотация

Актуальность темы обусловлена рядом обстоятельств, имеющих социальную, политическую, правовую и криминологическую окраску. К данным обстоятельствам относятся изменения, происходящие во всех сферах жизни общества, в том числе и в структуре преступности, в частности появление новых форм преступной деятельности, трудности в законодательном отражении данных явлений и практическом противодействии последним. К сожалению, периодические законодательные изменения и дополнения далеко не всегда удовлетворяют потребности практической деятельности по противодействию преступности, нередко носят бессистемный характер, порождая тем самым множество проблем правоприменения, в том числе связанных с действием уголовного закона во времени.

Ключевые слова: Уголовное право, преступность, история, закономерности.

Abstract

The relevance of the topic is due to a number of circumstances that have a social, political, legal and criminological connotation. These circumstances include changes occurring in all spheres of society, including in the structure of crime, in particular the emergence of new forms of criminal activity, difficulties in legislative reflection of these phenomena and practical counteraction to the latter. Unfortunately, periodic legislative changes and additions do not always meet the needs of practical activities to counteract crime, they are often haphazard, thus creating many problems of law enforcement, including those related to the operation of criminal law over time.

Keywords: Criminal law, crime, history, patterns

В России практически до XVI века русское законодательство затрагивало лишь вопросы пространственного ограничения применения определенных законодательных положений.

Первое законодательное упоминание о действии законов во времени мы находим лишь в Судебнике 1550 г. Главная особенность данного законодательного памятника состоит в том, что именно с него начинаются серьезные теоретические и практические разработки вопросов, касающихся действия законов во времени [4, 864].

Основным источником царского Судебника 1550г. послужил первый Судебник с дополнениями Великого князя Василия Иоановича и новыми узаконениями. Важность его заключается в том, что в данный Судебник были включены ряд новых постановлений «о силе действия и порядке составления законов» (ст. ст.97-98) и он впервые объявил закон всеобъемлющим и единственным источником права: «впредь всякие дела судите по сему Судебнику» (ст.97); если же возникнут дела, решение которых не предусмотрены Судебником, то они должны уже решаться не по обычному праву, а представляются для разрешения в органы законодательной власти, «которая по этим поводам дает законы» (ст.98). Кроме того, Судебник относится крайне отрицательно к всякого рода исключениям из общих норм права и окончательно запрещает издание «тарханских» грамот, то есть актов, освобождающих определенные местности или лица от общих норм, и даже предписывает изъять все такие грамоты, изданные до 1550 г. Действие закона начинается с момента его издания или когда закон стал на определенном месте известен. К этому необходимо добавить, что в Судебнике 1550 г. впервые встречаем положения о действии закона во времени: закон не имеет обратного действия: «которые дела прежде Судебника вершины..., быти тем делом всем..., как прежде сего вершены...» (ст.97). Общий закон действует на пространстве всего государства (ст.99) в противоположность прежним местным законам [3, 580].

Дальнейшее разъяснение дается указными книгами приказов, которые представляли собой специальные самостоятельные законодательные уложения, возникшие вследствие восполнения пробелов самого Судебника. Примером этого может служить Уставная книга разбойного приказа, в основе которого вообще лежал не Судебник, а особые распоряжения, изданные Иваном IV около 1555 г.

Завершение формирования территориального принципа действия общего законодательства на всей единой территории Московского государства происходит с принятием в 1551 г. общего свода церковных постановлений (Стоглав), также обязательного во всем государственном пространстве, который окончательно санкционировал завершение централизованного процесса, начатого Москвой.

Юридическая жизнь продолжала прогрессировать, а, следовательно, продолжались создаваться новые отношения и новые потребности, регулировать и удовлетворять которые прежнее законодательство уже не могло. Поэтому в 1649 г. царь Алексей Михайлович повелел кодифицировать все существующие правовые акты и составить новое законодательное Уложение. Главной особенностью этого законодательного памятника, явилось то, что Уложение было одним из первых сводом законов, сразу же напечатанном после его утверждения. С тех пор печатание законов явилось необходимым условием для его реализации. Что же касается вопросов действия закона во времени, то в Уложении они регламентировались главой XV, которая в основном опиралась на введенном ст.97 Судебника 1550 г. принципе - закон обратной силы не имеет. Уложение предписывало оставить в силе все судебные решения, вынесенные на основе законов, действовавших до этого периода, а дела новые рассматривать в соответствии с новым законодательством.

Таким образом, видно, что в этот исторический период развития российского законодательства уже достаточно глубоко затрагиваются и начинают закладываться основы принципов временных параметров реализации уголовных законов.

Определенную специфику имело российское законодательство, так называемый, императорский период. В то время, как законодательные памятники московского периода, будучи ничем иным, как сводом предшествующего законодательного материала, главный источник которого составлял зачастую обычай, законодательство императорского периода явилось результатом теоретических разработок и анализа законодательства различных иностранных государств. В частности, 30 марта 1716г. Петром I был утвержден Воинский устав и именным указом Сенату было дано распоряжение размножить его и разослать. Воинский устав применялся не только к военным, но и к лицам гражданским и, по сути дела, являлся Уголовным кодексом

Империи. Правило «закон обратного действия не имеет» было подтверждено в Указе о единонаследии от 23 марта 1714г.: «сей указ не на прошедшие времена, но с сего 1714г. действие имеет» [2, 614].

Необходимо отметить, что именно с этого периода времени начинается этап наиболее активного влияния на российское законодательство западной традиции права с её приоритетным положением личности. Все это дало толчок к новому осмыслению различных правовых вопросов, в том числе посвященных действию российских уголовных законов во времени. Необходимо отметить, что действующие в то время в России уголовное законодательство имело определенную систему: оно подразделялось на законы общие и особенные, по месту или по лицам. К числу законов общих относились Уложение о наказаниях уголовных и исправительных и Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. К числу законов особенных по месту относились Уголовное Уложение Великого Княжества Финляндского, Уголовный кодекс Царства Польского 1818 г., который был основан на австрийском Уложении 1803 г. Однако Указом от 13 сентября 1876 г. на Варшавский судебный округ распространено Уложение о наказаниях уголовных и исправительных.

Особое место занимает Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., в котором четко были закреплены все известные принципы действия уголовного закона в пространстве и с 1857 г. - во времени (до 1857 г. вопросы действия Уложения о наказаниях уголовных и исправительных во времени регламентировались Указом «О применении Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.»)[4,864].

Многие правоведы обосновывали необходимость придания обратной силы более мягким уголовным законам. Такое законодательное утверждение положений, регулирующих вопросы применения и действия российского уголовного законодательства во времени, просуществовало до 1918 г., за исклю, ряда изменений, введенных Уголовным уложением 1903 г. [3, 580].

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 19.02.2018) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 02.04.2018).
2. Гладких, В. И., Курчеев, В. С. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / Под общей редакцией д.ю.н., профессора В. И. Гладких. М.: Новосибирский государственный университет, 2015. 614 с.
3. Уголовное право России. Общая часть: учебник / Под ред. В. П. Ревина. М.: Юстицинформ. 2016. 580 с.
4. Уголовное право России. Общая часть: учебник / Под ред. Ф. Р. Сундукова, И. А. Тарханова. М.: Статут, 2016. 864 с.
5. Чучаев, А. И. Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части: учебник / А. И. Чучаев, Т. Б. Басова, Е. В. Благов, Ю. В. Грачева. М.: Контракт, 2015. 704 с.

Коган М.Д.

Занятие высшего положения в преступной иерархии: некоторые проблемы применения ст.210.1. УК РФ

Центральный филиал ФГБОУ ВО "Российский государственный университет правосудия"
(Россия, Воронеж)

doi: 10.18411/lj-02-2020-118

idsp: ljjournal-02-2020-118

Аннотация

В статье рассматриваются изменения уголовного законодательства в части установления уголовной ответственности за занятие лицом высшего положения в преступной иерархии.

Ключевые слова: Организованная преступность, высшее положение в преступной иерархии, преступная иерархия.

Abstract

The article deals with changes in criminal legislation in terms of establishing criminal responsibility for the occupation of a person of the highest position in the criminal hierarchy.

Keywords: Organized crime, the highest position in the criminal hierarchy, criminal hierarchy.

Организованная преступность с точки зрения криминологии является одной из разновидностей противоправной деятельности. В нашем государстве 90-е годы XX в. были временем активной криминализации населения. У лиц занимающихся противоправной деятельностью появилась иерархия, специализация и собственные законы. Несмотря на то, что прошло достаточно много времени с тех пор, отголоски этих времен ощущаются в России и по сей день, хотя власть «воров в законе» значительно ослабела. В связи с этим борьба с организованной преступностью является одним из наиболее приоритетных направлений развития законодательной деятельности в нашей стране[2].

1 апреля 2019 года Президентом Российской Федерации подписан Федеральный закон "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности" №46-ФЗ. К моменту написания данной работы (октябрь 2019) в стране возбуждено 6 уголовных дел о преступлениях предусмотренных введенной данным законом ст. 210.1. УК РФ, предусматривающей ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии. Такие сведения содержатся в материалах размещенных на официальном сайте ГАС "Правосудие". К сожалению, ни одно из этих дел не еще не было рассмотрено судами по существу и достоверной информации о содержании этих дел, признаках, по которым можно было бы сделать выводы о занятии лицом высшего положения в преступной иерархии и т.д. в материалах ГАС "Правосудие" не содержится каких либо сведений по существу этих дел, все они находятся в стадии предварительного расследования и нет, да и не может быть в настоящее время каких либо разъяснений Пленума Верховного Суда РФ по вопросу применения рассматриваемой нами правовой нормы, так как для принятия явно необходимого постановления Пленума необходимо провести обобщение судебной практики, а таковой практики в настоящее время попросту нет.

Между тем в научном сообществе уже неоднократно отмечался целый ряд проблем, связанных с применением норм, предусматривающих ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии (ч.4 ст. 210, ст. 210.1 УК РФ). В качестве основной проблемы подавляющее большинство авторов указывает на вполне очевидный факт отсутствия законодательного определения содержания понятий "преступная иерархия" и "высшее положение в преступной иерархии", а также явную недостаточность действующего п. 24 Постановления Пленума Верховного суда РФ № 12 О Судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней) [1,2,3]. Исходя из предположений, высказанных в юридической литературе, высшее положение в преступной иерархии занимают воров в законе, т.е. лидеры организованной преступной среды, активные криминальные деятели, которые доказывали свою верность преступным идеям, взаимосвязям, соучастникам и выполняющие широкие организаторские функции в преступной среде[3]. Независимо от позиции, занимаемой авторами, изучающими данную проблематику, по отношению к применимости (неприменимости) на практике рассматриваемых нами правовых норм, мы просто обязаны согласиться с ними в том, что отсутствие установленных законом признаков, определяющих принадлежность лица к преступной иерархии вообще, высшего

положения в ней да и самой преступной иерархии не может способствовать ни успешному противодействию преступности, ни единообразному применению закона.

Более того, мы полагаем, что установленная законом прямая связь существования преступной иерархии с преступлением, предусмотренным ст. 210 УК РФ, а именно с участием лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии в деятельности преступных сообществ (преступных организаций) не способствует успешной борьбе с данной категорией преступников, так как указанные лица могут не иметь какого либо отношения к деятельности преступных сообществ (преступных организаций), являющихся таковыми по смыслу ч. 1 ст. 210 УК РФ. Иными словами мы вполне допускаем существование лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, но не подпадающих под действие ст. 210.1. УК РФ. Ведь пояснительная записка к проекту федерального закона "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части противодействия организованной преступности)" прямо определяет цель и направленность рассматриваемых нами норм, а именно цель "ужесточения уголовной ответственности за создание преступного сообщества (преступной организации) и руководство таким сообществом (такой организацией), за участие в преступном сообществе (преступной организации)". [4]. Именно поэтому мы предлагаем провести разделение понятий "преступное сообщество" и "преступная организация", признав за преступной организацией признаки ныне предусмотренные ч. 1 ст. 210 УК РФ а понятие "преступное сообщество" рассматривать в более широком смысле, как совокупность лиц, занимающихся совершением преступлений и обладающее определенной иерархической структурой, признаки которой необходимо установить на законодательном уровне, что, естественно требует проведения дополнительных исследований и широкой дискуссии среди специалистов. Одним из возможных путей решения данной проблемы мы видим дополнительную криминализацию профессиональных видов преступности, рассмотрение возможности возврата в уголовное законодательство ранее декриминализированных видов множественности преступлений (неоднократность, систематичность и т.д.), а также пересмотр отношения к понятию рецидива преступлений и отмене понятия особо опасный рецидивист. Ведь совершенно очевидно, что подавляющее большинство лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии имеют судимость и не одну, так как несудимый не может занимать такое положение в силу сложившихся в преступном мире традиций. Причем судимости эти связаны с определенными видами совершенных ими преступлений и поведением указанных лиц во время отбывания наказания.

Кроме того, мы видим еще одно противоречие в ст. 210.1 УК РФ. Мы полагаем, что ее применение не позволяет в полной мере достичь целей наказания, предусмотренных ст. 43 УК РФ. Если признать цель восстановления социальной справедливости достижимой в этом случае вполне возможно, то цель исправления осужденного представляется, по крайней мере, чрезвычайно трудно достижимой, так как лица, занимающие высшее положение в преступной иерархии, как правило (а может быть и всегда - так как исследований не проводилось) имеют за плечами, как мы ранее уже отмечали судимость и не одну и ранее уже отбывали наказание в виде лишения свободы, то есть относятся к устойчивому типу преступников и надеяться на их массовое исправление было бы по меньшей мере наивно. А цель предупреждения совершения новых преступлений и вовсе является недостижимой. Ведь лицо к которому избрана мера пресечения в виде содержания под стражей и даже лицо, отбывающее наказание в виде лишения свободы, в том случае, если оно является лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии, продолжает совершать указанное преступление, даже находясь в изоляции от общества, так как сама преступная иерархия в определенной мере распространяется и на контингент, находящийся в указанных условиях. Конечно следует учитывать особенности поведения этих лиц, налагаемые режимом, установленным в учреждениях

пенитенциарной системы, но следует учитывать и все несовершенство самой этой системы, в условиях которой лица, занимающие высшее положение в преступной иерархии не только могут демонстрировать его и занимать привилегированные позиции в учреждении пенитенциарной системы, но зачастую продолжают руководить преступными организациями и преступными сообществами при помощи технических средств связи. Поэтому мы полагаем необходимым провести разработку специальных мер, связанных с размещением лиц, обвиняемых в совершении кили осужденных за совершение преступления, предусмотренного ст. 210.1. УК РФ в учреждениях пенитенциарной системы в максимальной степени способствующих ограничению возможностей указанных лиц по использованию своего положения, а также разработку режимных условий, направленных на дискредитацию данных лиц в глазах преступного сообщества не нарушающих при этом конституционных прав гражданина свыше, чем это предусмотрено уголовно-исполнительным кодексом РФ.

1. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] Федеральный Закон от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 02.08.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 02.08.2019г.) // Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 25.09.2019).
2. Агильдин В. В., Ловцевич С. Е., Лохова А. А. Высшее положение в преступной иерархии: проблемы толкования и реализации // Молодой ученый. — 2019. — №24. — С. 165-169. — URL <https://moluch.ru/archive/262/60577/> (дата обращения: 30.10.2019).
3. Годунов И.В. Организованная преступность от расцвета до заката. Учебное пособие для вузов. - М.: Акад. Проект, 2008. - 344 с.
4. Григорьев Д.А., Морозов В.И., Как определить лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии // Юридическая наука и правоохранительная практика 4 (30) 2014. - С.50.
5. Семенов В.Р., Гришин Н.С. Лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, как субъект преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ // Закон и право. 2019. №8. С. 75-76.
6. Пояснительная записка к проекту федерального закона "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части противодействия организованной преступности)" // СПС "КонсультантПлюс" URL <https://http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=321411&fld=134&dst=100034,0&rnd=0.7088632115058722#010631856183375432> / (дата обращения: 30.10.2019).

Куява Т.Ю.

Недопустимость одностороннего отказа от исполнения обязательства

*Юридическая школа ДВФУ
(Россия, Владивосток)*

doi: 10.18411/lj-02-2020-119

idsp: ljjournal-02-2020-119

Аннотация

Статья содержит анализ реформ обязательственного права, произошедших в виду введения Федерального закона от 08.03 2015 г. № 42-ФЗ. Автором проводится оценка изменений ст. 310 Гражданского кодекса РФ, изучается судебная практика до и после изменений данной статьи, выявлены проблемы, существующие в настоящий момент на практике.

Ключевые слова: недопустимость одностороннего отказа, плата за односторонний отказ

Abstract

The article contains an analysis of the obligations law reforms that took place in view of the introduction of Federal Law dated 08.03.2015 N 42-FZ. The author assesses the changes in Art. 310 of the Civil Code of the Russian Federation, judicial practice is studied before and after changes to this article, problems that currently exist in practice are identified.

Keywords: unacceptability of unilateral refusal, payment for unilateral refusal

Важнейшим принципом обязательственного права можно назвать принцип недопустимости одностороннего отказа от исполнения обязательства. Федеральным законом от 08.03.2015 г. № 42-ФЗ были внесены изменения в общие положения об обязательствах Гражданского кодекса РФ. В частности изменениям были подвергнуты нормы об одностороннем отказе от исполнения обязательства (ст. 310 ГК РФ).

До принятия указанных выше изменений постановлением Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 было разъяснено, что ст. 310 Гражданского кодекса РФ разрешает предусмотреть в договоре право в одностороннем порядке изменить или отказаться от договора только в случаях, если договор заключен между сторонами, осуществляющими предпринимательскую деятельность. Суд указал, что цель данной нормы состоит в защите слабой стороны договора. Таким образом, в случае, если только одна из сторон является предпринимателем, право в одностороннем порядке изменить или прекратить договор предоставляется только стороне, не являющейся предпринимателем». Таким образом, сторона, не осуществляющая предпринимательскую деятельность, получила защиту от одностороннего отказа, данное положение нашло свое отражение в федеральном законе от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ.

Согласно п. 1 ст. 310 ГК РФ односторонний отказ от исполнения обязательства и одностороннее изменение его условий не допускаются, за исключением случаев, предусмотренных настоящим кодексом, другими законами или иными правовыми актами. Таким образом, по общему правилу, сохраняется презумпция недопустимости одностороннего отказа от исполнения обязательства, что логично, иначе бы обязательство как правовая обязательная связь между его сторонами не имело бы существования. Так, например, А.В. Степанченко подчеркивает, что одной из правовых мер обеспечения стабильности гражданского оборота является соблюдение принципа недопустимости одностороннего отказа от исполнения обязательства. И.Б. Новицкий и Л.А. Лунц отмечают, что рассматриваемый нами принцип способствует прямому действию принципа «реального исполнения» обязательств. Необходимо отметить, что данный принцип распространяется как на должника, так и на кредитора: никто из них не может отказаться исполнить свое обязательство.

Однако законодатель предусмотрел, что в некоторых случаях, односторонний отказ все-таки допускается. Законом предусмотрены некоторые исключения из данного принципа. По мнению О.С. Иоффе, необходимость таких исключений, обусловлена необходимостью защитить права и интересы участника обязательства, действующего добросовестно, в случаях, когда другая сторона допускает существенные нарушения либо намерением избежать экономических потерь, которые могут возникнуть в случае исполнения обязательства, а также другими причинами, при которых отказ от исполнения будет более выгодным, чем сохранение обязательства.

В новой редакции ГК РФ были уточнены правила о допустимости одностороннего отказа от исполнения обязательства. Законодатель разрешил сторонам - субъектам предпринимательской деятельности, установить в договоре основания одностороннего отказа (при условии, что все стороны осуществляют предпринимательскую деятельность).

Также право одностороннего отказа было предоставлено и стороне по обязательству, которая не осуществляет предпринимательскую деятельность, но строго в обязательствах со стороной, осуществляющих предпринимательскую деятельность, последней же односторонний отказ в таких отношениях запрещается. Таким образом, законодатель пошел по пути защиты слабой стороны в обязательствах.

Еще одно нововведение п. 3 ст. 310 ГК РФ - право на односторонний отказ от его исполнения или изменение условий обязательства, предусмотренное договором,

может быть обусловлено выплатой суммы компенсации за такой отказ или изменение условий другой стороне обязательства. В данном случае можно говорить о плате за реализацию «секундарного права». Плата за отказ направлена на компенсацию неудобств другой стороны, которые вынуждена претерпевать другая сторона, а также возмещением затрат, непосредственно связанных с отказом от исполнения обязательства.

Узаконенная возможность отказаться от договора в одностороннем порядке за плату, сейчас довольно часто применяется участниками оборота. Стоит отметить, что ранее судебная практика была достаточно противоречива в отношении установления договором такой платы. Ранее достаточно часто суды признавали это незаконным (например, постановление Президиума ВАС РФ от 07.09. 2010 № 2715/10).

Необходимо отметить, что, если законом предоставлено стороне право на односторонний отказ от обязательства либо его изменение с условием о выплате компенсации другой стороне, ее уплата не может трактоваться как условие реализации права на отказ от обязательства либо его изменение. Отказ от исполнения (изменение) считается вступившим в силу с момента доставки извещения, после чего возникает обязательство выплатить сумму компенсации за отказ (изменение) (Обзор суд. практики ВС РФ №1(2015)). Данное решение совершенно верно, на мой взгляд, так как в случаях, когда законом предусмотрена плата за отказ, размер компенсации определяется с учетом понесенных стороной расходов и убытков. Определение размера компенсации обычно остается на усмотрение суда. Если бы уплата компенсации была бы предварительным условием реализации права на отказ (изменение), это право было бы фактически «заморожено» ввиду недостаточности либо полного отсутствия у отказывающейся стороны сведений о расходах или убытках другой стороны.

При этом стоит отметить, что на практике все же существует проблема определения размера суммы компенсации.

Безусловно, самым простым решением данной проблемы является право сторон установить заранее конкретный размер компенсации за реализацию права на отказ от договора, например, в виде фиксированной суммы, либо посредством отсылки к расходам или убыткам другой стороны.

Однако, на практике возникают случаи, когда размер такой платы явно несоразмерен последствиям расторжения договора, тогда суд вправе уменьшить такую плату. В таком случае, согласно п.9 постановления Пленума ВАС от 14.03.2014 № 16 у суда есть право не признать условие о плате за отказ, т.е. суд на свое усмотрение устанавливает «соразмерный уровень» и не признает размер такой платы в части, превышающей указанный уровень.

В соответствии с п. 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 N 54 при осуществлении стороной права на одностороннее изменение условий обязательства или односторонний отказ от его исполнения она должна действовать разумно и добросовестно, учитывая права и законные интересы другой стороны. Нарушение этой обязанности будет влечь отказ в судебной защите права, в том числе одностороннее изменение условий обязательства или отказ от него может быть признан ничтожным.

Таким образом, установленный законом принцип добросовестности участников гражданского оборота должен быть ими соблюден и при прекращении договора в случае одностороннего отказа стороны от договора, в частности при урегулировании размера денежной суммы, подлежащей в связи с этим выплаты.

Как указано в п. 16 постановления Пленума N 54, если будет доказано явное несоответствие размера данной денежной суммы неблагоприятным последствиям, которые возникли в следствие отказа от исполнения обязательства или изменения его

условий, а также заведомо недобросовестное осуществление права требовать ее уплаты в этом размере, то в таком исключительном случае суд вправе отказать в ее взыскании полностью или частично. При этом, согласно п. 20 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ N 4 (2017), в случае, если арбитражный суд приходит к выводу о наличии оснований для снижения платы за односторонний отказ от договора, у него нет права уменьшить плату до размера, который не устраняет для другой стороны последствия отказа от договора и не может компенсировать иные возможные потери.

Таким образом, суды при определении размера компенсации должны оценить действия сторон со стороны разумности и добросовестности, а также установить последствия отказа от исполнения обязательства и потери другой стороны.

На наш взгляд, для решения данной проблемы необходимо законодательно установить критерии определения размера компенсации и пределы снижения ее размера, что позволит снизить риск злоупотребления судебским усмотрением.

Также необходимо отметить, что установленную в п. 3 ст. 310 ГК РФ плату за отказ от исполнения (изменение) обязательства не следует отождествлять с неустойкой, так как реализация имеющегося у стороны права на отказ или изменение является правомерным действием, а не нарушением обязательства, в виду чего взыскивается неустойка. Соответственно, к такой плате не подлежат применению правила ГК о неустойке, включая ст. 333 ГК РФ. Здесь стоит отметить, что суды зачастую руководствуются ст. 333 ГК РФ, отождествляя компенсацию за отказ со штрафом (разновидностью неустойки), и в результате чего сумма снижается в несколько раз.

На основании изложенного, определенно можно говорить о положительных моментах внесения поправок в ст. 310 ГК РФ. Новые правила сегодня активно применяются на практике и нашли положительные отзывы среди юристов. Безусловно, существует ряд проблем, о которых было сказано выше, однако, на мой взгляд, они найдут своего решение посредством правоприменительной практики.

1. Акимова К.С. Односторонний отказ от исполнения обязательств как нововведение в обязательственном праве / К.С. Акимова // Власть закона. 2015. №4. С. 178-183.
2. Актуальные проблемы частного права: сборник статей к юбилею Павла Владимировича Крашенинникова: Москва - Екатеринбург, 21 июня 2014 г. / В.В. Витрянский, С.Ю. Головина, Б.М. Гонгало и др.; отв. ред. Б.М. Гонгало, В.С. Ем. М.: Статут, 2014. 272 с.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федеральный закон от 30.11.1994 N 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. N 32. ст. 3301. (ред. от 18.07.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2019)
4. Иоффе О.С. Обязательственное право / О.С. Иоффе. М., 1975. 880 с.
5. Новицкий И.Б., Лунц Л.А. Общее учение об обязательстве. / И.Б. Новицкий, Л.А. Лунц. М., 1950. 416 с.
6. О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 08.03.2015 N 42-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 09.03.2015. N 10. ст. 1412.
7. О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 N 54 // Российская газета. N 275. 05.12.2016. О свободе договора и ее пределах: постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 N 16 // Вестник ВАС РФ. N 5. Май. 2014.
8. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 1 (2015) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 04.03.2015) – Документ опубликован не был. – Доступ из СПС «Консультант Плюс»
9. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 4 (2017) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.11.2017) // Бюллетень Верховного Суда РФ. N 11. Ноябрь. 2018.
10. Постановление Президиума ВАС РФ от 07.09. 2010 № 2715/10 // Вестник ВАС РФ. 2010. N 11.

Манукян Г.С., Полякова Э.И., Тяжгов А.А., Набизада М.А.А.
Особенности правового регулирования централизованных публичных расходов
государства

*Филиал Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова в г.Пятигорске
(Россия, Пятигорск)*

doi: 10.18411/lj-02-2020-120

idsp: ljjournal-02-2020-120

Аннотация

В статье рассматривается правовая сфера, определяющая порядок функционирования публичных расходов. В процессе анализа структурных подразделений централизованных публичных расходов, отражающих их правовую сущность, выявлены недостатки законодательной системы. Обоснована значимость централизованных публичных расходов и внесены предложения, способствующие установлению четкого и эффективного правового регулирования в данной сфере.

Ключевые слова: централизованные публичные расходы; источники финансирования; расходные обязательства; бюджетные расходы.

Abstract

The article deals with the legal sphere governing the operation of public expenditure. In the process of analysing structural subdivisions of centralized public expenditures, reflecting their legal nature, shortcomings of the legislative system have been identified. The importance of centralized public expenditures has been justified and proposals have been made to facilitate the establishment of clear and effective legal regulations in this area.

Keywords: the centralized public expenses; financing sources; account obligations; budgetary expenses.

Централизованные публичные расходы занимают центральное место в системе публичных расходов, поскольку предназначены для финансирования особо важных общественных и государственных потребностей, в связи с чем представляют значительный интерес для исследователей.

Рассмотрим самое важное структурное подразделение в системе централизованных публичных расходов – бюджетные расходы, финансовую основу которого составляют бюджеты различных уровней. Мы согласимся с мнением ученых, которые утверждают, что публичный характер бюджетов подчеркивается интересами общества, поскольку создает финансовую базу, способствующую функционированию государства и его муниципальных образований [3].

На нынешний момент возрастает значение правовой сферы, устанавливающей порядок функционирования публичных расходов в аспекте реформирования бюджетного законодательства, в следствии чего сформировалась категория «бюджетные расходы». В соответствии со ст. 6 БК РФ расходы бюджета представляются как денежные средства, выплачиваемые из бюджета, за исключением средств, составляющих источники финансирования дефицита бюджета. Обращаем внимание на то, что данная дефиниция не содержит указаний на целевые предназначения указанных расходов, что не отвечает положениям, указанным в Бюджетном послании Президента РФ на 2019 г. [1] К тому же требуется отражение современной тенденцию перехода к программному методу финансирования, включающему бюджетно-целевые программы.

Бюджетные расходы осуществляются в соответствии с утвержденным бюджетом, содержащим основные направления использования денежных средств. Но постоянные изменения в расходных статьях бюджета проводят к росту расходов на

государственное управление, а также развитие экономической сферы, при этом необходимость обеспечения социальной сферы имеет конституционное закрепление в ст. 7 Конституции РФ, что указывает на обязанность выполнения определенных функций в социальной сфере с целью поддержания определенного уровня жизни населения. На основании сказанного считаем целесообразным закрепить в БК РФ нормы расходов для каждого направления (в %) от общего размера расходов или объема ВВП.

В соответствии со ст. 69 БК РФ расходы бюджетов реализуются в форме ассигнований, имеющие различные направления, связанные с потребностями в финансировании. Для реализации государственных и/или муниципальных услуг выделяются бюджетные ассигнования, предусматривающие исполнение расходных обязательств, определяющих отношения между государственной (муниципальными) органами и бюджетными учреждениями на основании договоров или же посредством установления иных условий выделения бюджетных средств возмездного характера на реализацию возложенных на них функций.

В связи с тем, что бюджетное законодательство не содержит положения, определяющие объем расходов для реализации данных услуг, то устанавливается предельный объем на соответствующие расходные обязательства. Закрепленное в ст. 6 БК РФ определение расходного обязательства представляет его как установленное законом или иным нормативно-правовым актом (договором, соглашением) обязанности публично-правового образования федерального или муниципального уровня, или же бюджетного учреждения, действующего от имени указанного образования, предоставить юридическому, физическому лицу или иному публично-правовому образованию, включая субъект международного права, финансовые средства из соответствующего бюджета.

Наиболее существенными признаками расходного обязательства являются следующие:

- публично-правовой характер;
- наличие публичного договора или соглашения о разграничении полномочий между уровнями власти;
- вводится и отменяется в одностороннем властном порядке;
- субъектом является только публично-правовое образование,
- денежные средства корреспондируются в соответствии с правом требования;
- наличие правоотношений только бюджетной сфере.

Перечень оснований возникновения расходных обязательств федерального, регионального и муниципального уровней содержится в ст. 84-86 БК РФ и имеет закрытый характер и каждому территориальному субъекту бюджетного права причислены собственные расходные обязательства, обусловленные предметом его ведения и наделенными полномочиями.

Бюджетное законодательство подразделяет расходные обязательства на принимаемые и действующие. Анализируя данную сферу определили, что в п. 2 ст. 174 БК РФ действующие расходные обязательства представлены как установленные законом или нормативно-правовыми актами регионального или муниципального уровня расходные обязательства на основании договора или соглашения, не планируемые к изменению в текущем финансовом году. Там же принимаемыми расходными обязательствами считаются расходные обязательства, предлагаемые (планируемые) к изменению в текущем финансовом году. В этой связи действующие обязательства, закрепленные в нормативно-правовых актах, а также договорах и соглашениях безусловном подлежат включению в бюджеты.

Случаи выявления нехватки финансовых средств для реализации действующих обязательств требует установления данного факта на начальной стадии, требуют внесения изменений или отмену соответствующего нормативно-правового акта договора (соглашения), закрепляющего указанные обязательства. По мнению специалистов, процесс включения в проект бюджета действующих обязательств обязательно должен носить детальный характер для установления точных определений объема финансирования, не зависящих от политического влияния [5, с. 114].

Необходимый объем и соответствующий состав всех расходных обязательств должны определяться реестром расходных обязательств. Финансовые расходы действующих обязательств должны составлять около 90-95% бюджетных расходов на соответствующий финансовый год [6]. На практике процесс составления реестра расходных обязательств основывается на анализе общего массива нормативно-правовых актов, применяемых на соответствующих территориальных образованиях на предмет определения правовых актов, договоров или соглашений, обуславливающих возникновение расходных обязательств, является недостаточно ясным ввиду отсутствия конкретности в правовых формулировках и нечеткости правил «перевода» правовых норм в объемы бюджетного финансирования [4, с. 39-43].

Установлено, что на федеральном уровне бюджетного законодательства имеется проблема «размытости» расходных обязательств, поскольку существующие формулировки, определяющие данное понятие не отражают конкретного действия необходимого для исполнения органами власти в рамках своих полномочий, и какое расходное обязательство ему соответствует.

БК РФ закрепляет два основных метода расходования, бюджетных средств: финансирование и бюджетное кредитование. К финансированию публичных расходов относятся, предусмотренные законодательными нормами, выделение денежных средств безвозмездного и безвозвратного характера (кроме предусмотренных нормами права условий возвратности и возмездности) на реализацию деятельности организаций, выполняющих функции государства [2].

Разновидность правовых режима финансирования зависит от субъектов, использующих данные средства:

- финансирование государственных и муниципальных организаций, относящихся к коммерческим, имущество которых находится на праве хозяйственного ведения;
- финансирование государственных и муниципальных учреждений, причисленных к некоммерческим организациям, функционирующих на праве оперативного управления имуществом (сметно-бюджетное финансирование).

Промежуточные правовые режимы финансирования наделены свойствами указанных основных видов и проявляются в финансировании казенных предприятий и автономных учреждений, функционирующих на праве оперативного управления имуществом. К тому же они обладают особенностями в порядке планирования и использования данных денежных средств.

В аспекте модернизации финансовых процессов публичных расходов в систему государственных и муниципальных учреждений был введен новый вид учреждения казенное, в функции которого входило исполнение публичных функций, включая оказание государственных (муниципальных) услуг, а также выполнение работ, переданных государством. На этом основании система учреждений приобрела трехзвенный вид: казенное, бюджетное и автономное учреждения.

В раскрытии сущности бюджетных расходов особого внимания занимают специальные целевые фонды: Резервный, фонд и Фонд национального благосостояния (далее ФНБ). В рамках исследования было выявлено, что БК РФ отводит особое место специальным целевым фондам: Резервный фонд и Фонд национального благосостояния

(далее ФНБ), однако остается не проработанным вопрос, связанный с их регламентацией. До настоящего времени отсутствует ясность в определении категории указанных фондов. Остается вопрос: следует ли их причислить к целевым бюджетным фондам или же к категории бюджетных расходов?

На основании вышеизложенного отметим, что централизованные публичные расходы занимают ключевое положение в системе публичных расходов, поскольку являются финансовой основой осуществления основных публичных функций государства в различных сферах. К тому же в большей степени они способствуют формированию предпосылки реализации децентрализованных публичных расходов.

На этом основании эффективное развитие системы публичных расходов в определяющей степени зависит от четкого правового регулирования централизованных публичных расходов. Считаем целесообразным:

- закрепить в БК РФ нормативы расходов для каждого направления (в %) от общего размера расходов или объема ВВП;
- отразить в дефиниции «бюджетные расходы» современные тенденции перехода к программному методу финансирования, включающему бюджетно-целевые программы.

1. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 20.02.2019 «Послание Президента Федеральному Собранию» // Парламентская газета, N 7, 22-28.02.2019.
2. Землянская Н.И. Публичные расходы как понятие финансово-правовой науки // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2017. №8 (36). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/publichnye-rashody-kak-ponyatie-finansovo-pravovoy-nauki> (дата обращения: 28.01.2020).
3. Землянская Н.И., Первышов Е.А. Публичные расходы и публичный интерес: детерминизм правовых понятий // Ленинградский юридический журнал. 2015. №1 (39). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/publichnye-rashody-i-publichnyy-interes-determinizm-pravovyh-ponyatiy> (дата обращения: 28.01.2020).
4. Клишина М., Шишов В. Реестр расходных обязательств в бюджетном процессе: практика применения и перспективы // Бюджет. 2007. № 6. С. 39-43.
5. Клишина М.А. Новое в порядке составления проекта бюджета // Финансовое право России: актуальные проблемы. М.: Academia, 2007. С. 114.
6. Колесникова К.В. Расходные обязательства бюджетов // Общество и право. 2009. №1 (23). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rashodnye-obyazatelstva-byudzheto> (дата обращения: 28.01.2020).

Осадченко Э.О., Засименко А.Д.
Правовой режим земель водного фонда

*Волгоградский Кооперативный Институт (филиал) Российского Университета
Кооперации
(Россия, Волгоград)*

doi: 10.18411/lj-02-2020-121

idsp: ljjournal-02-2020-121

Аннотация

В статье раскрывается и анализируется основное понятие земель водного фонда и их конкретных видов, выявляются особенности правового режима земель водного фонда и их современная проблематика, определяется состав данной категории земель и основополагающее целевое назначение, приводятся статистические данные долей земель водного фонда, конкретизируются вопросы права собственности на водные объекты, выявляются факты запрещенной деятельности в отношении объектов водной среды, предлагаются пути решения проблемы минимальной доли земель водного фонда.

Ключевые слова: водный фонд Российской Федерации, земли водного фонда, водное законодательство, Водный кодекс РФ, объекты водной среды, целевое

назначение, водоохранная зона, прибрежная береговая полоса, право собственности, преуменьшение площади земель водного фонда, запрещенная деятельность, зона санитарной охраны, полноценный государственный учет водных объектов.

Abstract

The article reveals and analyzes the basic concept of lands of the water fund and their specific types, identifies the features of the legal regime of lands of the water fund and their current problems, determines the composition of this category of lands and the fundamental purpose, provides statistical data on the shares of lands of the water fund, specifies the issues of ownership of water bodies, facts of prohibited activities in relation to water bodies are revealed, ways to solve the problem of the minimum land share are proposed water fund.

Keywords: the water fund of the Russian Federation, land of the water fund, water legislation, the Water Code of the Russian Federation, water objects, intended use, water protection zone, coastal strip, ownership, downplaying the land area of the water fund, prohibited activities, sanitary protection zone, full state registration of water objects.

Как нам известно, природа и ее богатства – это национальное достояние всех народов мира, в частности народов Российской Федерации, которое выступает в качестве основы для функционального развития производительных сил страны, роста и расширения процесса производства материальных благ, урегулирования проблем в социуме, повышения уровня материальной обеспеченности жизни людей.

Объекты водной среды по значимости сопоставимы с землей, поскольку воды – это важная и жизненно необходимая природная среда для всего человечества, животного и растительного мира. По нашему мнению, в настоящее время предполагается крайне необходимой разработка вопросов целесообразного использования и охраны воды как основы всего живого.

Вода создала климат нашей Земли, тем самым она играет определенную климаторегулирующую роль. Все объекты водной среды выступают в роли аккумуляторов тепла. Немаловажным является и тот факт, что воды – это, в свою очередь, экономически важный природный ресурс.

Проблематика данной статьи связана не столько с характеристикой вопросов правовой охраны земель водного фонда, сколько с фактическим обстоятельством преуменьшения площади земель водного фонда ввиду не исследования государственными органами множества водных объектов, находящихся в малонаселенных и труднодоступных районах нашей страны, где наблюдается практическое отсутствие должного ухода за водными объектами.

Категория земель водного фонда введена в оборот в отечественное законодательство около 40 лет назад (в 1968 году – Основы земельного законодательства) и установлена, в первую очередь, для земель, на которых расположены водные и водохозяйственные объекты. Зарубежное законодательство также предусматривает категорию земель водного фонда и их правовой режим. В странах Евросоюза, США мы можем наблюдать такие отдаленные аналоги, как земли «водного фронта», земли «диких и живописных рек», побережий и иные [3, с. 66].

В качестве основополагающих нормативно-правовых актов, регулирующих порядок использования и процедуру охраны земель водного фонда, выступают Земельный кодекс РФ и водное законодательство (он же Водный кодекс РФ).

Формирование водных правоотношений осуществляется исходя из процесса использования и охраны водных объектов. Основываясь на нормах статьи 1 Водного кодекса РФ от 3 июня 2006 г. №74-ФЗ, совокупная система водных объектов в пределах территории Российской Федерации образует водный фонд страны [1, ст. 1]. Тем самым,

водный фонд представляет собой совокупный, интегрированный объект водных правоотношений.

Земельный кодекс РФ в пункте 1 ст. 102 относит к землям водного фонда:

1. Земли, покрытые поверхностными водами, сосредоточенными в водных объектах; За поверхностные водные объекты принято считать концентрацию вод на постоянной или временной основе на поверхности суши в формах ее рельефа, имеющую черты и границы водного режима, подразделяющиеся, в свою очередь, на: 1) моря или же их отдельные части (к примеру, проливы, заливы, бухты и др.); 2) водотоки – реки, каналы, ручьи; 3) водоемы – озера, пруды, водохранилища и др; 4) ледники, снежники; 5) болота; 6) выходы подземных вод природного происхождения – родники, гейзеры. Режим правовой охраны данной категории земель подлежит регулированию нормами земельного и водного законодательства.
2. Земли, на которых расположены гидротехнические и иные водохозяйственные сооружения, например, плотины, водосбросы, очистные сооружения, мосты, дамбы, судоремонтные сооружения и др [2, ст. 102]. Их правовой режим основывается на нормах Земельного кодекса РФ и других индивидуализированных законах и НПА.

В качестве нормативного источника регулирования режима правовой охраны земель подземных вод выступает законодательство о недрах (Закон РФ "О недрах" от 21.02.1992 N 2395-1).

Установление границ земель водного фонда имеет большое значение для осуществления правового режима данной категории земель. Исходя из норм водного законодательства, в состав поверхностных водных объектов включаются сами поверхностные воды, а также покрытые ими земли в пределах береговой линии, которая, в свою очередь, принимается за границу водного объекта. Существование береговой линии способствует процессу отделения земель водного фонда от земель других категорий. При установлении береговой линии каждый водный объект индивидуализируется, что в последующем позволяет его идентифицировать в качестве самостоятельного конкретного водного объекта.

Говоря о главном целевом назначении данной категории земель, следует отметить, что их рациональное использование осуществляется в рамках проведения строительных работ и эксплуатации каких-либо сооружений, направленных на удовлетворение жизненно важных нужд граждан, а именно питьевых, оздоровительных, бытовых и иных нужд, и также потребностей, связанных непосредственно с водным, сельским, рыбным хозяйством, природоохранных, общественных, промышленных, транспортных потребностей.

В настоящий момент доля земель водного фонда по сравнению с общей водной акваторией России, к сожалению, минимальна. В процентном выражении она составляет 1,2 от общего земельного фонда. По нашему мнению, данный факт обусловлен незаинтересованностью землепользователей и государственных органов в процедуре отнесения к категории земель водного фонда участков, имеющих большую хозяйственную ценность и инвестиционную привлекательность. Причиной существования малой доли земель водного фонда можно назвать и не проявление должного внимания к водным объектам, находящимся в труднодоступных районах нашей огромной страны, в которых вполне вероятно можно обнаружить неосвоенные природой и человечеством богатые водные запасы. Названную категорию земель следует относить, как правило, к землям запаса[4, с. 7].

Факт принадлежности права собственности на водный объект у конкретного субъекта порождает возможность приобретения права собственности на земли водного фонда. Статья 8 Водного кодекса РФ закрепляет несколько видов права собственности на водные объекты. Это государственная собственность (федеральная и субъектов Федерации), муниципальная и частная.

В качестве общего положения рассматривается факт отнесения всех водных объектов к собственности Российской Федерации (федеральной собственности), за вычетом прудов и обводненных карьеров, которые, помимо федеральной собственности, могут быть отнесены также к собственности субъектов федерации, муниципальных органов и к частной собственности физических или юридических лиц.

Первостепенной обязанностью собственников земельных участков является осуществление охраны водных ресурсов, в том числе устранение их загрязнения, засорения и истощения, сохранение среды обитания для представителей растительного и животного мира. В целях охраны источников питьевого, хозяйственного водоснабжения формируются водоохранные зоны, способствующие введению особого правового режима использования и охраны ресурсов природопользования, а в пределах данных зон устанавливаются прибрежные защитные полосы.

В водоохранных зонах строго запрещено размещать производственные отходы и отходы потребления, кладбища, использовать сточные воды, осуществлять движение автотранспорта и его стоянку и др. Ограничения распространяются и на прибрежные защитные полосы, в которых под запретом находится деятельность по распашке земель, по размещению животноводческого хозяйства и иные виды деятельности.

Для безукоризненного устранения вредоносных воздействий на водные объекты представляется особо необходимым установление зон санитарной охраны источников водоснабжения. Зона санитарной охраны включает в себя три пояса, в одном из которых – поясе строгого режима располагается территория водозаборов, площадок всех имеющихся водопроводных сооружений, а в двух других поясах (ограничений) располагаются территории, использование которых направлено на предупреждение загрязнения водной среды [5, с. 59].

На наш взгляд, эффективным способом решения заданной нами проблемы, а именно проблемы малочисленной доли земель водного фонда является проведение полноценного государственного учета водных объектов. Преуменьшение численности земель водного фонда связано также с бурной жизнедеятельностью человечества (загрязнением водных объектов, строительством промышленных объектов и т.д.). Здесь предлагается возможным введение в Водный кодекс РФ определенных положений, устанавливающих в границах прибрежных защитных полос запреты на осуществление опасных для всегоприродного комплекса и водных объектов видов деятельности. В качестве таковых рассматриваются, запрет на строительство объектов промышленности, размещение автостоянок, использование химикатов с целью борьбы с вредителями, проведение ремонтных работ автомобилей, их мойку близ прибрежных защитных полос, распределение складских помещений с ядохимикатами, легковоспламеняющимися материалами, мест для ферм, комплексов животноводства и др.

Таким образом, мы определили общее понятие земель водного фонда, входящих в их состав видов и основное целевое назначение данной категории земель, проследили некоторые особенности правового режима охраны указанных земель, охарактеризовали некоторые вопросы права собственности на водные объекты, а также факты запрещенной деятельности в отношении объектов водной среды, выявили проблему малой доли земель водного фонда в Российской Федерации в настоящее время и предложили дальнейшие пути решения данной проблемы.

По нашему мнению, для осуществления полноценной правовой охраны всей водной среды, земель водного фонда необходимым представляется строгое соблюдение водного и земельного законодательства, а именно правовых режимов водоохранных и санитарных зон. Вместе с тем, к сожалению, такие жизненно важные и необходимые вопросы, как восстановление качественной и функциональной составляющей, конкретных свойств комплекса природопользования, а также ландшафта российским законодательством практически не урегулированы.

1. "Водный кодекс Российской Федерации" от 03.06.2006 N 74-ФЗ (ред. от 02.08.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2020) // «Собрание законодательства РФ».
2. "Земельный кодекс Российской Федерации" от 25.10.2001 N 136-ФЗ (ред. от 27.12.2019) // «Собрание законодательства РФ».
3. Сиваков Д.О. Водное право: Учебно-практическое пособие. М.: Юстицинформ, 2009. 262 с.
4. Сиваков Д.О. Актуальные вопросы правового режима земель водного фонда // Государство и право, 2016. 9 с.
5. Земельное право: учеб.- метод. пособие (в соавторстве) / под ред. Е.А. Суховой, К.Г. Пандакова; ФГБОУ ВО «СГЮА». – 2 издание перераб. и доп. Саратов, 2016. 63 с.

Рабец А.П.

К вопросу о применении положений о восстановлении корпоративного контроля в судебной практике

*Дальневосточный государственный университет
(Россия, Владивосток)*

doi: 10.18411/lj-02-2020-122

idsp: ljjournal-02-2020-122

Аннотация

Статья посвящена некоторым аспектам применения восстановления корпоративного контроля как способа защиты корпоративных прав в судебной практике. Проанализированы подходы к правовой природе восстановления корпоративного контроля. Рассмотрены условия, при которых возможно восстановление корпоративного контроля в коммерческой корпорации, а также проблемы, связанные с их применением судами.

Ключевые слова: восстановление корпоративного контроля, защита корпоративных прав, доля участия, признание права.

Abstract

Article is devoted to some aspects of application of restoration of corporate control as way of protection of the corporate rights in judicial practice. Approaches to the legal nature of restoration of corporate control are analysed. Conditions under which restoration of corporate control in commercial corporation and also the problems connected with their application by vessels is possible are considered.

Keywords: restoration of corporate control, protection of the corporate rights, share, recognition of the right.

Термин «корпоративный контроль» впервые был использован в судебной практике (постановление Президиума ВАС РФ от 3 июня 2008 г. № 1176/08 по делу № А14-14857/2004-571/21 и др.), а впоследствии стал применяться и в правовых исследованиях. Так, по мнению А.А. Глушецкого «под корпоративным контролем понимается фактическая возможность одного лица или группы взаимосвязанных лиц – участников хозяйственного общества влиять на формирование и проявление воли общества на основе распоряжения определённым объёмом инвестиционных

корпоративных прав, который выражается в размере его (их) доли в уставном капитале общества». Таким образом, корпоративный контроль тесным образом связан с корпоративными правами участников юридических лиц и напрямую ими обусловлен.

Восстановление корпоративного контроля как способ защиты корпоративных прав участников коммерческих корпоративных организаций в настоящее время регламентируется пунктом 3 статьи 65.2 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ). В данном случае речь идёт о восстановлении в правах на долю в уставном (складочном) капитале коммерческой корпорации, подтверждающих участие в составе корпоративной организации.

В доктрине существует несколько подходов к определению правовой природы восстановления корпоративного контроля как способа защиты корпоративных прав. Так, Е.А. Суханов, комментируя пункт 3 ст. 65.2 ГК РФ, отметил, что «восстановление корпоративного контроля представляет собой частный случай восстановления положения, существовавшего до нарушения права (ст.12 ГК РФ), а фактически является комплексным способом защиты гражданских прав, который в зависимости от конкретной ситуации может включать в себя признание права собственности и виндикацию имущества, признание сделки недействительной и реституцию, защиту нарушенного преимущественного права покупки, признание недействительными корпоративных актов...» и т.д. В свою очередь, по мнению А.С. Старовойтовой «требование о восстановлении корпоративного контроля представляет собой иск о признании права. Отличительной чертой решения по иску о признании является то, что оно ограничивается лишь подтверждением спорного правоотношения и не возлагает на ответчика обязанностей по его исполнению».

Анализ судебной практики последних лет показывает, что участники корпораций в целях восстановления корпоративного контроля действительно достаточно часто предъявляют требования: а) о признании права собственности на долю (определение Верховного Суда РФ от 9 июля 2018 г. № 305-ЭС18-9335 по делу № А41 - 61651/2017); б) о признании права собственности на акции (постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 12 декабря 2019 г. № 09АП-60158/2019, 09АП - 60159/2019, 09АП-60161/2019 по делу № А40-29009/2019); в) о признании права на долю в уставном капитале (определение Верховного Суда РФ от 24 января 2018 г. № 307-ЭС17-20721 по делу № А 41- 61651/2017). В некоторых случаях требование о признании права собственности на долю в уставном капитале совмещается с требованием о восстановлении корпоративного контроля (постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 28 августа 2019 г. № 09АП - 32809/2019-ГК, 09АП - 43302/2019-ГК по делу № А40 - 10075/2019) либо подаётся иск о восстановлении корпоративного контроля посредством признания права собственности на долю в уставном капитале общества (постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 26 февраля 2019 г. № 09АП-72843/2018, 09АП - 72846/2018 по делу № А40 - 182211/2018).

Заметим, что некорректность подачи исков, связанных с признанием права собственности на доли и акции очевидна в силу неовеществлённого характера бездокументарных ценных бумаг и долей в уставном капитале, а также невозможности обособления указанных объектов при смешении с долями либо акциями других правообладателей.

Помимо вышеуказанных способов защиты, для восстановления корпоративного контроля используются комплексные меры, в частности, требования о возврате доли участия, выплате справедливой компенсации, признания недействительной записи в ЕГРЮЛ и обязанности исключить данную запись (постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 1 июля 2016 г. № 02АП - 4350/2016 по делу № А31-8907/2015).

Полагаем, что такой подход в наибольшей степени соответствует правилам пункта 3 ст. 65.2 ГК РФ. В Рекомендациях Научно – консультативного совета при Арбитражном суде Хабаровского края по вопросам применения гражданского законодательства, а также проблем, возникающих при рассмотрении споров из частноправовых отношений от 1 февраля 2017 года (пункт 1) отмечено, что «корпоративный контроль возможен, когда имеется право на участие в корпорации, обеспеченное долей в уставном капитале корпорации. Поэтому фактически восстановление корпоративного контроля заключается в возврате доли в уставном капитале».

Таким образом, требование о восстановлении корпоративного контроля сомнительно относить к искам о признании права. Вместе с тем, Верховный Суд РФ разъяснил, что отказ в иске со ссылкой на неправильный выбор способа судебной защиты (при формальном подходе к квалификации заявленного требования) недопустим, поскольку не обеспечивает разрешение спора, определённости в отношениях сторон, баланс их интересов и стабильность гражданского оборота в результате рассмотрения одного дела в суде, что способствовало бы процессуальной экономии и максимально эффективной защите прав и интересов всех причастных к спору лиц (определение Верховного Суда РФ от 7 марта 2017 г. № 308 – ЭС16 – 15069 по делу № А61 – 1579/2015).

Восстановление корпоративного контроля возможно при наличии условий, закреплённых в пункте 3 ст. 65.2 ГК РФ.

Во – первых, истцом может быть лицо, которое было участником коммерческой корпорации, то есть доля в уставном и ином капитале была им приобретена на законных основаниях (при создании юридического лица, по гражданско – правовому договору и т.д.). В определении Верховного Суда РФ от 7 марта 2017 г. № 308 – ЭС16 – 15069 по делу № А61 – 1579/2015 отмечено, что такой способ защиты как восстановление корпоративного контроля может быть применён только участниками коммерческих корпораций, в том числе членами крестьянского (фермерского хозяйства).

Во – вторых, на момент предъявления иска истец не должен обладать долей участия либо размер его доли в уставном капитале уменьшился. Заметим, что суды не признают лишением истца корпоративного контроля в ситуациях, связанных с принятием решений об увеличении уставного капитала в условиях экономической целесообразности подобных мер (определение Верховного Суда РФ от 21 января 2019 г. № 305 – ЭС18 – 24584 по делу № А40 – 11959/2018).

В – третьих, юридическое лицо (коммерческая корпорация), корпоративный контроль в котором подлежит восстановлению, к моменту предъявления иска является правоспособным.

В – четвёртых, корпоративный контроль может быть восстановлен, только если участник утратил долю помимо своей воли, то есть не совершил никаких действий, направленных на отчуждение или уменьшение своей доли участия.

В – пятых, утрата доли участия произошла в результате неправомерных действий других участников или третьих лиц. Следовательно, если в действиях ответчика отсутствует обстоятельство лишения истца контроля над корпорацией помимо его воли в результате неправомерных действий, то отсутствует основание для удовлетворения исковых требований. Например, рассматривая спор о восстановлении корпоративного контроля, суды пришли к выводу, что бывший генеральный директор общества действовал добросовестно и в интересах общества как при принятии экономически целесообразного решения об увеличении уставного капитала, так и в последующем (определение Верховного Суда РФ от 21 января 2019 г. № 305 – ЭС18 – 24584 по делу № А40 – 11959/2018).

Наконец, в – шестых, в качестве условия удовлетворения иска о восстановлении корпоративного контроля ГК РФ закрепляет обязанность выплаты незаконному приобретателю доли справедливой компенсации. При этом вопрос о надлежащем ответчике по иску о выплате справедливой компенсации добросовестному приобретателю доли участия в настоящее время в законодательстве не решён. Полагаем, что возложение этой обязанности на потерпевшего будет, по меньшей мере, ущемлять его права.

Пункт 3 ст. 65.2 ГК РФ наделяет суд правом отказать участнику корпорации в возврате доли участия, если это приведёт к несправедливому лишению иных лиц их прав участия или повлечёт крайне негативные социальные и другие публично значимые последствия. В этом случае у потерпевшего возникает право требовать от лиц, виновных в утрате доли участия, выплаты справедливой компенсации, определяемой судом.

Следует отметить, что с точки зрения законодателя подлежат учёту лишь крайне негативные последствия. Например, в постановлении Пятого арбитражного апелляционного суда от 8 декабря 2017 г. № 05АП=8288/2017 по делу № А51-983/2017 отмечено, что доводы ответчика о крайне негативных социальных последствиях в случае возвращения доли участия (ухудшение положения общества и его работников в связи с тем, что единственный участник – генеральный директор общества прекратил осуществление финансовой помощи организации), не могут быть приняты судами, если такие доводы носят исключительно предположительный характер, отсутствуют документальные подтверждения.

Можно согласиться с О.М. Родновой, что «гражданскому праву неизвестна классификация последствий на «негативные» и «крайне негативные». В основе такого деления последствий правонарушения явно использован субъективный критерий их оценки, что является поводом для произвольного применения судами названной нормы».

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что положения отечественного законодательства о восстановлении корпоративного контроля в настоящее время находятся в стадии становления и нуждаются в дальнейшей законодательной доработке с учётом сложившейся судебной практики.

1. Гражданский кодекс РФ (часть первая). [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Глушецкий А.А. Корпоративный контроль участников хозяйственного общества. // Приложение к журналу «Хозяйство и право». 2013. №12. С.10.
3. Роднова О.М. Восстановление корпоративного контроля – универсальный способ защиты права членства // Вестник ЯрГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 1 (35). С. 45.
4. Суханов Е.А. Комментарий к ст.65.1 – 65.3 ГК РФ // Вестник гражданского права. 2014. № 3. С. 107 – 130. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Старовойтова А.С. Восстановление корпоративного контроля как способ защиты прав участников юридических лиц // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. №2. С. 159.
6. Рекомендации Научно – консультативного совета при Арбитражном суде Хабаровского края по вопросам применения норм гражданского законодательства, а также проблем, возникающих при рассмотрении споров из частноправовых отношений (п.1) // [Электронный ресурс]. URL:<http://khabarovsk.arbitr.ru>
7. Постановление Президиума ВАС РФ от 3 июня 2008 г. № 1176/08 по делу № А14-14857/2004-571/21 // [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Определение Верховного Суда РФ от 21 января 2019 г. № 305 – ЭС18 – 24584 по делу № А40 – 11959/2018 // [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Определение Верховного Суда РФ от 7 марта 2017 г. № 308 – ЭС16 – 15069 по делу № А61 – 1579/2015 // [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Определение Верховного Суда РФ от 9 июля 2018 г. № 305-ЭС18-9335 по делу № А41 - 61651/2017// [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Определение Верховного Суда РФ от 24 января 2018 г. № 307-ЭС17-20721 по делу № А 41-61651/2017 // [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 8 декабря 2017 г. № 05АП-8288/2017 по делу № А51-983/2017 // [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 12 декабря 2019 г. № 09АП-60158/2019, 09АП - 60159/2019, 09АП-60161/2019 по делу № А40-29009/2019 // [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
14. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 28 августа 2019 г. № 09АП - 32809/2019-ГК, 09АП - 43302/2019-ГК по делу № А40 - 10075/2019 // [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
15. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 26 февраля 2019 г. № 09АП-72843/2018, 09АП - 72846/2018 по делу № А40 - 182211/2018 // [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
16. Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 1 июля 2016 г. № 02АП - 4350/2016 по делу № А31- 8907/2015 // [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Хайруллина Л.Р.

О месте риэлторского договора в системе гражданско-правовых соглашений

*Набережночелнинского института КФУ
(Россия, Набережные Челны)*

doi: 10.18411/lj-02-2020-123

idsp: ljjournal-02-2020-123

Аннотация

Статья посвящена уяснению места риэлторского договора в системе современных гражданско-правовых договоров. Отмечается использование, ввиду отсутствия легального закрепления, различных терминов в сфере обозначения деятельности риэлторов. Указывается на смешанную природу рассматриваемого вида соглашений.

Ключевые слова: риэлторский договор, место в системе договоров.

Abstract

The article is devoted to understanding the place of real estate contract in the system of modern civil law contracts. The use of different terms in the sphere of designation of realtors ' activity is noted due to the lack of legal consolidation. The mixed nature of the considered type of agreements is indicated.

Keywords: estate contract, place in the system of contracts.

ГК РФ, являясь фундирующим актом гражданского законодательства, закрепляет достаточно широкий круг разновидностей соглашений гражданско-правовой направленности. Отметим, что таковые, и это положение уже стало теоретически выверенным, могут быть дифференцированы на две разновидности – поименованные ГК РФ, в правовом полотно в целом (например, договор долевого участия), и непоименованные в каких-либо актах. К числу второй группы следует относить и весьма распространенный на практике, а, учитывая особую социальную значимость оборота недвижимости, и весьма важный – риэлторский договор. Но каким договором необходимо оформлять данные отношения?

Вообще в ряду объектов гражданского правоотношения, помимо прочего, присутствуют услуги. Еще относительно в недавнее время сама категория услуг не была обстоятельно раскрыта в законодательстве. Впрочем, и действующий ГК РФ ее точной дефиниции не закрепляет [2; С. 174]. Однако уже практически общепринято,

что услуга выражается в определенном полезном результате, созданном трудом юридического или физического лица.

Переходя непосредственно к исследованию темы данного исследования – месту риэлторского (оговоримся сразу, что ввиду сложившейся практики термины «риэлторский», «риелторский» и прочие используемые, будут использоваться нами как тождественные) соглашения в общей системе гражданско-правовых конструкций – следует констатировать отсутствие единой выработанной позиции по этому вопросу. Этот аспект нельзя признать удовлетворительным, ведь без такового невозможно точно очертить права, обязанности сторон, их ответственность, установить применяемые нормы, отличать от обязательств смежного порядка [3; С. 8]. Впрочем, такое положение вещей можно объяснить и причинами объективного свойства – риэлторский договор еще не до конца сформировался в качестве самостоятельного типа гражданско-правовых соглашений. Потому сложно говорить и об автономности массива норм, применимых к этим отношениям [4; С. 28]. Однозначно, между тем, что этот вид договора не относится к договорам публичного рода, даже в случае, если его исполнение направлено на удовлетворение государственных и муниципальных нужд, поскольку признаки договоров с участием субъектов, наделенных публичной властью, выделяемые в специальной литературе, в изучаемых отношениях обнаружить не представляется возможным [5; 6].

Исходя из легальных определений видов договоров в ГК РФ и самой сути риэлторской деятельности можно говорить о присутствии в этой сфере элементов двух видов соглашений – поручения и возмездного оказания услуг. В отдельных исследованиях содержится и более широкий перечень [1; С. 28].

Не прибавляет ясности и правоприменитель. В общем-то, судебные инстанции в целом не имеют единой позиции по этим вопросам. К примеру, при исследовании одного из дел, суд, характеризуя заключенный между сторонами договора как соглашение смешанного (объединяющего в себе обязательства по оказанию услуг и такого посреднического договора как агентский) порядка, указал на необходимость применения правил глав 39 и 52 ГК РФ. Потому для оценки действительности спорного соглашения следует применять правила о существенных условиях обоих упомянутых типов [7].

Но в другом деле, правоприменитель, напротив, установил, что гл. 39 ГК РФ применяется к различным договорам возмездного оказания услуг, в том числе и регулируемым гл. 52 (агентирование) через п. 2 ст. 779 ГК РФ [8]. Кроме того, отметим и положения ст. 1005 ГК РФ, что предметом агентского договора является совершение различного рода юридических и фактических действий. Потому в обстоятельствах, когда в конкретном соглашении не указывается на поручение агенту совершить определенные юридически значимые действия, суды дифференцируют этот контракт как обязательства типа оказания возмездных услуг без возможности применения правил об агентских соглашениях в принципе [9].

Интересно как разграничиваются такие договоры на практике в судах общей юрисдикции. В этом отношении принцип «как корабль назовешь – так на нем и поплывешь», представляется не верным при практическом применении. Определяющим должно быть не наименование договора, а суть возникающих правоотношений. Так, как было установлено в Апелляционном определении Набережночелнинского городского суда от 9 сентября 2015 г. [10] Д.В. обратилась с требованием о расторжении соглашения и взыскании денежных средств, неустойки к ООО. В обосновании иска Д.В. указала, что между истцом и ответчиком был заключен риэлторский договор. Представитель же ответчика иск не признал, считал, что заключенный договор является договором поручения. Действительно, исходя из прямого прочтения договора, вытекало, что Д.В. в качестве доверителя заключила договор поручения с ООО как стороной поверенного, предмет договора – поручение по

подготовке документов. Между тем, мировой судья посчитал договор риэлторским, с направленностью на оказание услуг и удовлетворил иск. Суд второй инстанции с такой мотивировкой не согласился и вынес решение, исходя из заключенного сторонами договора посреднического типа.

Думается, что указанное решение нельзя оценить однозначно как верное. Кроме того, по смыслу ст. 971 ГК РФ предметом договора поручения являются исключительно юридические действия, в то время как в данном случае оказывались преимущественно фактические услуги (кроме того, по договору риэлтор обязан был оказать и консультационные услуги). В связи с чем переквалификация, произведенная апелляционной судебной инстанцией, вызывает обоснованные сомнения. Как видим, в данном случае теоретический по своей сути спор имеет достаточно серьезное реальное приложение.

Такие разночтения природы риэлторского договора, как кажется, можно определить следующим. Рассматривая природу соглашений об оказании риэлторских услуг, следует отметить, что правоотношения, в рамках которых такие услуги оказываются, имеют как внутренние, так и внешние отношения. Цель таких договоров (оказания услуг, также как и поручения, комиссии, агентирования) лежит за их пределами, на внешней стороне – во взаимоотношениях с третьими лицами. К этой цели (результату) направлена вся деятельность исполнителя. От ее достижения зависит вознаграждение исполнителя, а в противном случае – ответственность за неисполнение обязательства. Достаточно часто результат этой деятельности отделим и от процесса исполнения, и от личности исполнителя. Другие обязательства, вытекающие из правоотношений, имеющих только внутренние отношения (консультирование, обучение, уборка и т.п.), по большей части имеют целью саму деятельность, которая достигается по мере оказания данной услуги. Такого рода договоры составляют договоры об оказании услуг в чистом виде и подпадают под регламентацию главы 39 ГК РФ. Потому практика показывает, что договоры на оказание риэлторских услуг могут относиться как к первому виду договоров (цель находится за пределами договора), так и ко второму виду (цель не выходит за пределы внутренних отношений).

По нашему мнению, риэлторский договор необходимо рассматривать как непоименованный договор, который может сочетать в себе элементы различных видов договоров: возмездного оказания услуг (информационных и консультационных), а также договоров поручения, комиссии и агентирования. Непоименованный либо смешанный характер рассматриваемого договора зависит от специфики оказываемых риэлторских услуг по конкретному договору. По своему характеру цель такого договора всегда связана с получением дохода в понимании современного законодательства [11; С. 35].

Следовательно, основной гражданский акт нашего законодательного массива весьма спокойно относится к наличествованию так называемых «непоименованных соглашений», суть которых проявляется в потенциальной возможности для лиц в рамках гражданских правоотношений инициировать заключение договора как содержащегося, так и не содержащегося в правовых нормах. Указанная в теории гражданского права сущность непоименованного договора, указана законодателем в одном лишь словосочетании «не предусмотренный законом или иными правовыми актами». Значит, его дифференцирует лишь один-единственный критерий – незакрепленность (что равно отсутствию упоминания в нынешнем гражданском законодательстве).

Таким образом, в современном правовом полотно, автономная конструкция риэлторского договора не выделяется. Потому в гражданском обороте риэлторы и их контрагенты заключают самые различные соглашения, определяя их в каждом конкретном случае различным образом: договор об оказании помощи, договор

возмездного оказания услуг, договор на обслуживание, договор поручения, договор комиссии и т.д.

На наш взгляд, это все же смешанные договоры, с превалированием составляющей доли услуг. Потому и, исходя из вышесказанного, полагаем, можно констатировать, что к риэлтерскому контракту следует применять унифицированные нормативные предписания о договора возмездного оказания услуг. В случае же наличия в отношениях между сторонами отношений иной договорной направленности допустимо применение соответствующих норм к соответствующей группе отношений.

1. Щеглов Е.В. Договорные аспекты предоставления риэлторских услуг / Е.В. Щеглов // Правовые вопросы недвижимости. – 2008. – № 2. – С. 18.
2. Гражданское право. Часть вторая. Учебник / под ред. А.С. Пановой, Ж.Н. Бородиной. – Казань: Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права, 2014. – Том. Часть II. – 576 с.
3. Волкова М.А. Правовая природа договора на оказание риэлторских услуг в сфере оборота недвижимости / М.А. Волкова // Правовые вопросы недвижимости. – 2015. – № 2. – С. 8.
4. Ситдикова Л.Б. Роль и место информации и консультации в договоре возмездного оказания риэлторских услуг / Л.Б. Ситдикова // Юридический мир. – 2013. – № 10. – С. 28.
5. Кривенкова М.В. Особенности участия государства в предпринимательской деятельности международного характера // Международное публичное и частное право. – 2012. – № 3. – С. 4 – 7.
6. Мусабинова Д.А. Категория "недобросовестность" в законодательстве о размещении заказов на поставку товаров, выполнении работ, оказании услуг для государственных и муниципальных нужд // Финансовое право. – 2014. – № 5. – С. 3 – 8.
7. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 27 ноября 2008 г. по делу № А60-13994/08 // СПС «Консультант Плюс».
8. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 20 мая 1999 г. по делу № Ф04/993-190/А70-99 // СПС «Консультант Плюс».
9. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 28 ноября 2002 г. по делу № А56-12682/01 // СПС «Консультант Плюс».
10. Апелляционное определение Набережночелнинского городского суда от 9 сентября 2015 г. по делу № 11-288/2015 // СПС «Консультант Плюс».
11. Мусабинова Д.А. Категория «доход» в налоговом и иных отраслях права // Налоги-журнал. – 2013. – № 4. – С. 34 – 37.

Чимаров Н.С.

Методологические аспекты электорального экстремизма в контексте юридикации понятия «экстремизм»

*Северо-Западный институт управления РАНХиГС при Президенте РФ
(Россия, Санкт-Петербург)*

doi: 10.18411/lj-02-2020-124

idsp: ljjournal-02-2020-124

Аннотация

В статье представлен анализ ряда существенных положений политического экстремизма, корреспондирующих правовому значению и общему пониманию экстремизма. Уточняя место электорального экстремизма в системе политического экстремизма автор акцентирует внимание на степени его деструктивного воздействия на область электоральных отношений и политической стабильности в обществе.

Ключевые слова: избирательный процесс, методология, народовластие, политический экстремизм, экстремизм, юридикация.

Abstract

The article presents an analysis of a number of essential provisions of political extremism that correlate with the legal meaning and General understanding of extremism. Specifying the place of electoral extremism in the system of political extremism, the author

focuses on the degree of its destructive impact on the area of electoral relations and political stability in society.

Keywords: electoral process, methodology, democracy, political extremism, extremism, legalisation.

Многогранное понятие «экстремизм» имеет обширную область презентации не только в специальной юридической литературе, но и во многих других научных трудах гуманитарного профиля. Важность апеллирования к методологии понимания электорального экстремизма как ипостаси политического экстремизма корреспондирует суждению С.В. Кодана, отметившего, что «использование различных подходов к изучению объекта исследования предполагает синтез знаний об этом объекте» [2]. Юридическое значение понятия «экстремизм» (экстремистская деятельность), включая 13 направлений возможной экстремистской деятельности, закреплено в ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114 - ФЗ. Обширная типология проявлений экстремистской направленности может быть сведена к единому основанию, суть которого определяется в качестве криминального экстремизма. Раскрывая основные компоненты криминального экстремизма, отдельные авторы акцентируют внимание на следующих его основных видах: политический, идеологический, этнический и религиозный. В свою очередь, в структуре политического экстремизма различают экстремизм административный, основанный на применении органами власти и местного самоуправления административного ресурса и экстремизм протестный, проявляемый посредством проведения стихийных или управляемых акций несогласия отдельных групп населения с некоторыми действиями или решениями органов власти и местного самоуправления. Уточняя виды административного экстремизма, выделяют экстремизм массовый (геноцид), служебно-трудовой и электоральный [1, с.167].

Важное значение для понимания сущности политического экстремизма имеет вывод Е.П. Сергуна, определившего экстремизм в качестве «приверженности к определенной системе взглядов и идей, основанной на нетерпимости к демократическим правам и свободам человека и гражданина, характеризующаяся внутренней готовностью к активной деятельности, направленной на претворение в действительность таких воззрений уголовно наказуемыми способами» [6, с. 9].

В этой связи необходимо заметить, что уточнение предела действующей в обществе нормы политического дозволения и характера возможной девиации или отступления от указанной нормы имеет принципиальное значение для оценки политического экстремизма вообще и электорального, в частности. Выявляя особенности политического экстремизма, его разновидности-электорального экстремизма и исследуя проблему теоретического определения политического экстремизма, С.А. Сергеев установил относительность данного явления и на этой основе пришел к ряду выводов:

во-первых, действующие в национальном законодательстве нормативные положения и приемлемые для электоральной практики конкретного государства правила ведения избирательных кампаний корреспондируют особенностям политического режима определенной страны;

во-вторых, относительность явления политического экстремизма сопряжена с полярностью существующих трактовок его сущности, приводящей к тому, что в подлинно демократических обществах к экстремистам как правило относятся индивиды или группы, выступающие против ценностей демократии и требующие установления авторитарного режима, а в авторитарных и тоталитарных обществах-наоборот;

в-третьих, методология термина «политический экстремизм» по-своему характеру субъективна и подвержена конструированию (описанию и измерению): к

примеру, развязывание партизанской войны при одних политических условиях может трактоваться в качестве борьбы за свободу, при других относиться к области экстремизма или терроризма;

в-четвертых, в политическом смысле практикующееся употребление термина «экстремизм» нередко связано с тактикой «наклеивания ярлыков», когда умеренная и ненасильственная оппозиционная деятельность в обществе возводится отдельными представителями органов государственной власти, местного самоуправления и подконтрольных им СМИ в разряд экстремизма;

в-пятых, субъективизм и конструируемость понятия «политический экстремизм» неотделимы от его экзонимичности (от греч. *exo*-внешний), когда отмеченное понятие направлено на характеристику одними индивидами или группами многих других субъектов политического процесса, за исключением самих себя [5].

Определяя содержание политического экстремизма, отдельные ученые отмечают сложность его однозначного понимания, поскольку основу деятельности, квалифицируемой в качестве экстремистской, составляют убеждения, установки, чувства, действия и стратегии, лишённые признака обыденности. По мнению П.Т. Коулмана и А. Бартоли, маркирование деятельности людей и групп в качестве «экстремистских» и определение того, что является «обычным» в той или иной обстановке, почти всегда содержит компоненты субъективности и политики. В этой связи авторы предлагают при анализе политического экстремизма учитывать следующее:

1. Любая радикальная форма политического акта может быть воспринята как экстремистская и аморальная или как справедливая и моральная: все определяется набором ценностей наблюдателя, политики, моральной сферы и характера их взаимоотношений с действующим лицом-непосредственным участником того или иного акта.

2. Ощущение моральной или аморальной природы радикального политического акта, связанного к примеру с планированием и проведением акций неповиновения или развязыванием партизанской войны против неудобного правительства, может измениться в зависимости от изменившихся условий (смена лидеров, мировое мнение, кризисы, опубликование ранее неизвестных исторических фактов и т. п.): наше сегодняшнее представление о характере радикальных актов политической направленности обусловлено сочетанием современного и исторического контекстов причины их возникновения и способов реализации.

3. Истоки и глубина проявления радикальных политических актов в каждом отдельном государстве в значительной степени зависят от достигнутого уровня народовластия: в условиях возникающего политического конфликта деятельность членов отдельных социальных групп с низким уровнем власти, как правило, возводится в разряд экстремальной, по сравнению с аналогичными действиями представителей социальных групп, выступающих за сохранение статус-кво. Вместе с тем, важно учитывать обстоятельство активного вовлечения в радикальные действия представителей маргинализированных слоев населения, для которых общепринятые нормативные формы участия в политическом конфликте считаются заблокированными или неприемлемыми.

4. Несмотря на внешнее оформление экстремистских организаций политической направленности под эгидой тесной сплоченности и единства целей, многие из них характеризуются внутренними противоречиями среди своих лидеров и психологической амбивалентностью со стороны отдельных членов.

5. Опасность экстремистски нацеленных организаций заключается в их деструктивном воздействии на жизнь граждан и общественный уклад, а их сила проявляется в закрытом, фиксированном и нетерпимом характере экстремистских

установок, характеризующихся невосприимчивостью к предлагаемым социальным изменениям [8].

Акцентируя внимание на факторе субъективности в оценке политического экстремизма, Е.В. Сальников отмечает реверсивность данного явления, когда пришедшие к власти политические силы могут объявить экстремистами сторонников прежней власти, допуская при этом двойственность оценок одного и того же явления [4].

Тактика реализации радикальных стратегических установок политического содержания направлена на привлечение общественного внимания к проводимым экстремистским акциям, консолидации сторонников в борьбе против общего врага и нанесение политическому противнику ожидаемого поражения. В своем стремлении к достижению политических целей радикальным образом, идеологи политических учений и их сторонники, отдельные представители властных структур и их подчиненные становятся на путь электорального экстремизма. Под электоральным экстремизмом следует понимать пренебрежение к демократизму конституционно закрепленных политических прав граждан, нацеленное на противодействие реализации всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании, действия и способы которого подлежат уголовному наказанию на основании нормативных положений национального⁷ законодательства. Фактор криминализации в национальном уголовном законодательстве каждой страны в отдельности различного рода деяний, связанных с радикализацией действий некоторых субъектов избирательного процесса, свидетельствует о признании их движения по пути электорального экстремизма.

С учетом изложенного выше и представленного определения электорального экстремизма, к его основным формам могут быть отнесены:

1. Воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий.
2. Нарушение порядка финансирования избирательной кампании кандидата, избирательного объединения, деятельности инициативной группы по проведению референдума, иной группы участников референдума.
3. Фальсификация избирательных документов, документов референдума.
4. Фальсификация итогов голосования.
5. Незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного получения электоральной информации и оказания внешнего воздействия в целях получения заблаговременного планируемого результата проводимых выборов.
6. Отказ в предоставлении гражданину информации относительно его избирательных прав.

Общественная опасность уголовно наказуемых деяний, имеющих деструктивный характер на содержание электоральных правоотношений, заключается в подрыве гарантированного Конституцией РФ справедливого и равного права гражданина избирать и быть избранным в органы государственной власти или органы местного самоуправления, а также участвовать в референдуме (ч. 2 ст. 32 Конституции РФ, ст. 5 Закона Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»). Основным объектом преступного посягательства на электоральную область выступает конституционное право гражданина на реализацию своего избирательного права или права на участие в референдуме.

Нормативные положения относительно уголовной ответственности за нарушение порядка финансирования избирательной кампании кандидата,

избирательного объединения, деятельности инициативной группы по проведению референдума, иной группы участников референдума закреплены в ст. 141.1 УК РФ.

Объективная сторона состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 141.1 УК РФ, выражается в форме действия: а) в передаче кандидату, избирательному объединению либо инициативной группе по проведению референдума, иной группе участников референдума денежных средств, минуя соответствующий избирательный фонд либо фонд референдума, а равно материальных ценностей без компенсации за счет средств соответствующего избирательного фонда либо фонда референдума; б) в расходовании не перечисленных в избирательные фонды либо в фонды референдума денежных средств; в) в выполнении оплачиваемых работ, реализации товаров, оказании платных услуг без оплаты из соответствующего избирательного фонда либо фонда референдума или с оплатой из соответствующего избирательного фонда либо фонда референдума по необоснованно заниженным расценкам, а также г) во внесении пожертвований в избирательный фонд, фонд референдума через подставных лиц. Следует заметить, что отмеченное преступное поведение должно быть осуществлено в крупном размере.

Третья форма электорального экстремизма проявляется в фальсификации избирательных документов, документов референдума, за совершение которой предусмотрена уголовная ответственность по нормам ст. 142 УК РФ. В данном случае, предметом преступления являются избирательные документы либо документы референдума, т.е. надлежащим образом оформленные документы, влекущие возникновение, изменение или прекращение прав и обязанностей в ходе избирательного процесса либо устанавливающие итоги голосования на выборах или референдуме.

Объективная сторона составов преступлений, закрепленных в ч. 1 данной статьи, характеризуется действием в виде фальсификации (т.е. полной подделки, искажения или подлога) избирательных документов, документов референдума. Объективная сторона составов преступлений, закрепленных в ч. 2 ст. 142 УК РФ предполагает альтернативно предусмотренные действия: а) подделку подписей избирателей, участников референдума в подписных листах; б) заверение заведомо подделанных подписей (подписных листов). Уголовно наказуемый характер этим действиям придает либо особая характеристика субъектного состава совершающих преступление лиц (группа лиц по предварительному сговору или организованная группа), либо способ совершения преступления (подкуп, принуждение, применение насилия или угроза его применения, уничтожение имущества или угроза его уничтожения), либо наступление общественно опасных последствий (существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства). При этом, преступление является оконченным либо с момента совершения соответствующих действий, либо с момента наступления последствий. Объективная сторона составов преступлений, закрепленных в ч. 3 ст. 142 УК РФ характеризуется: а) незаконным изготовлением избирательных бюллетеней, бюллетеней для голосования на референдуме, открепительных удостоверений; б) хранением либо в) перевозкой незаконно изготовленных избирательных бюллетеней, бюллетеней для голосования на референдуме, открепительных удостоверений.

Четвертая форма электорального экстремизма выражается в фальсификации итогов голосования. Исчерпывающий перечень действий, признаваемых фальсификацией и образующих объективную сторону преступления, указан в ст. 142.1. УК РФ.

Динамика процесса интегрирования в современный избирательный процесс новых технологий голосования (комплексы обработки избирательных бюллетеней,

комплексы электронного голосования, технология голосования на платформе блокчейна, автоматизированные системы подсчета итоговых параметров голосования и др.) свидетельствует о противоречивости суждений среди представителей оппозиции и экспертного сообщества относительно правомерности внедрения цифровых технологий в практику проводимых выборов. Зарубежный опыт использования электронных машин для голосования подтверждает сомнения критически настроенных политиков и технических специалистов в части надежности электронного голосования. Подтверждением тому является известное дело Х. Прасада, на примере индийских выборов доказавшего уязвимость электронного способа волеизъявления граждан [7, с.32].

Изложенное выше подтверждает эвентуальность появления пятой формы электорального экстремизма в виде незаконного оборота специальных технических средств, предназначенных для негласного получения электоральной информации и оказания внешнего воздействия в целях получения заблаговременного планируемого результата проводимых выборов.

Шестая форма электорального экстремизма может иметь свое проявление в виде отказа в предоставлении гражданину информации относительно его избирательных прав. Основным объектом данного преступного посягательства выступают общественные отношения, возникающие в связи с обязанностью органов государственной власти и органов местного самоуправления, а также их должностных лиц обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы (ч. 2 ст. 24 Конституции РФ). Отмеченный вид преступления, затрагивающий избирательные права граждан, корреспондирует нормативным положениям ст. 140 УК РФ. Следует заметить, что в данном случае объективная сторона состава преступления выражается в неправомерном отказе в предоставлении собранных в установленном порядке документов и материалов, непосредственно затрагивающих права и свободы гражданина, либо предоставлении гражданину неполной или заведомо ложной информации, если эти деяния причинили вред правам и законным интересам граждан.

Отмечая взаимосвязь избирательного процесса с проблемой противодействия политическому экстремизму, В.В. Красинский приходит к выводу относительно социально-политического значения выборов в системе российского народовластия и их особой значимости для защиты основ конституционного строя и обеспечения безопасности государства. Во-первых, проведение свободных и периодических выборов выступает в качестве гарантии воспроизводства и преемственности публичной власти в стране. Во-вторых, выборы могут служить легальным каналом прихода к власти представителей общественных объединений и политических партий экстремистской направленности, их лидеров и участников, стремящихся к продвижению своих кандидатов в органы государственной власти и местного самоуправления. В-третьих, выборы дают возможность обнародования политических программ и участия под определенным прикрытием экстремистских организаций в массовых мероприятиях. В-четвертых, выборы, как правило, широко освещаются в СМИ, поэтому любое экстремистское проявление, поданное в качестве оппозиционной политической деятельности, приобретает широкий общественный резонанс [3, с. 24-29].

Резюмируя изложенное, представляется необходимым сделать следующие выводы: во-первых, природа политического экстремизма и его производной-электорального экстремизма могут быть объяснены посредством выявления истоков политического экстремизма и его духовной основы; во-вторых, электоральный экстремизм и крайняя форма его проявления в виде электорального терроризма характеризуются высокой степенью общественной опасности, связанной с

посягательством на конституционные права и свободы человека и гражданина, деструктивным воздействием на общественный порядок и негативным воздействием на демократические ценности в государстве; в-третьих, противоправные действия идеологов и исполнителей актов электорального экстремизма оказывают негативное воздействие на институт народовластия, порождают сомнения в легитимности проведенных выборов и подрывают доверие граждан к государству; в-четвертых, отличительной особенностью электорального экстремизма в условиях информационного общества, глобализации дигитальных форм коммуникации и интенсификации процесса разработки новых технологий воздействия на цифровую область проводимых выборов является возникновение новых угроз и вызовов, связанных с манипулированием когнитивными аспектами деятельности социума и стремлением ряда наиболее развитых в техническом отношении государств к прямому воздействию на инфраструктуру избирательного процесса.

1. Клейменов М.П., Артемов А.А. Понятие и виды криминального экстремизма // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2010. № 3 (24). С. 167-174.
2. Кодан С.В. Методология в структуре юридического источниковедения: место, основания, уровни // Научный электронный журнал UNIVERSUM JURIS, 2018 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.universum-juris.org/?q=ru/node/42> (дата обращения: 08.01.2020)
3. Красинский В.В. Правовое регулирование выборов в контексте противодействия политическому экстремизму в Российской Федерации // Военно-юридический журнал. № 5. 2006. С. 24-29.
4. Сальников Е.В. Экстремистское насилие в обществе: феномен, сущность, стратегии социального бытия: дисс. ... д-ра философ. наук. Краснодар, 2015. 351 с.
5. Сергеев С.А. Исследования экстремизма и радикализма в зарубежных и отечественных социальных науках [Электронный ресурс]. - URL: <https://kpfu.ru/docs/F110664239/Statya.Ekstremizm.radikalizm.sokr.bibliograf.pdf> (дата обращения: 11.01.2020)
6. Сергун Е.П. Экстремизм в российском уголовном праве: автореф. дисс.... к.ю.н. Тамбов, 2009. 24 с.
7. Чимаров Н.С. Правовая основа, история, динамика и масштаб применения технологии электронного голосования в Индии (1999-2019 гг.) // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. № 3(44). 2019. С. 29-33.
8. Coleman P.T. Addressing Extremism / P.T. Coleman, A. Bartoli. - P. 1-13. [Электронный ресурс]. - URLhttp: // www.tc.columbia.edu/i/a/document\9386_WhitePaper_2_Extremism_030809.pdf. (дата обращения: 28.12.2019)

Чимаров С.Ю.**Историко-правовой опыт учреждения и функционирования Московской городской милиции (1917-1918 гг.)***Санкт-Петербургский университет МВД России
(Россия, Санкт-Петербург)**doi: 10.18411/lj-02-2020-125**idsp: ljjournal-02-2020-125***Аннотация**

В статье представлен анализ нормативно-правового закрепления ряда сущностных положений относительно учреждения первого в истории московских правоохранительных органов милицейского ведомства. Автор обращает особое внимание на презентацию некоторых решений партии большевиков в части постановки дела охраны правопорядка в городе и их последующего юридического воплощения в соответствующих правовых актах.

Ключевые слова: вооруженная защита, милиция, нормативно-правовой акт, полиция, правопорядок, уголовный розыск.

Abstract

The article presents an analysis of the normative and legal consolidation of a number of essential provisions regarding the establishment of the first police Department in the history of Moscow law enforcement agencies. The author pays special attention to the presentation of some decisions of the Bolshevik party regarding the formulation of the case of law enforcement in the city and their subsequent legal implementation in the relevant legal acts.

Keywords: armed protection, police, legal act, police, law and order, criminal investigation.

Произошедшие в 1917 г. революционные события по замене монархической формы правления на демократию закономерно обусловили появление существенных изменений в государственном устройстве, включая систему механизма вооруженной защиты страны и правоохранения, центральным компонентом которого стала милиция, как практическое воплощение революционной идеи всеобщего вооружения народа. Одним из первых исторических свидетельств обсуждения вопроса о создании рабочей милиции, являющейся подобием Красной Гвардии, явилось заседание московского комитета РСДРП от 14 апреля 1917 г. По букве и смыслу протокола указанного заседания, Красная Гвардия должна стать «кадром народных войск» и первоначально быть представленной в виде заводских дружин, являющихся «охранителями заводов» [2, с. 63]. Во второй половине мая 1917 г. в московских большевистских кругах развернулась пропагандистская работа против найма комиссарами милиции в фабрично-заводском секторе города новой генерации милиционеров. К примеру, 27 мая общее собрание рабочих Люберецкого завода: во-первых, выразило в своей резолюции недоверие указанному способу комплектования новой конструкции правоохранительных органов; во-вторых, увидело в них копию прежней парадигмы монархической полиции; в-третьих, потребовало создать подлинно демократическую милицию, стоящую на программе РСДРП [2, с. 74]. Руководствуясь сложной обстановкой и целесообразностью поддержания общественного порядка в городе, Московский совет рабочих и солдатских депутатов с участием представителей заводских комитетов на своем заседании 31 августа 1917 г. постановил выбрать комиссию для разработки вопроса о создании рабочих вооруженных дружин и реорганизации городской милиции [2, с. 12]. Как следует из протокола заседания исполнительного комитета Московского совета рабочих и солдатских депутатов от 2 сентября 1917 г., в факторе существования прежней конструкции городского милицейского учреждения Совет видел прямую угрозу в виде возможных действий милиционеров по разоружению рабочих [2, с. 20]. О своем решении, в части создания вооруженной рабочей дружины и целесообразности реформирования городской милиции, исполнительный комитет Советов постановил уведомить Городскую управу и комиссара при Градоначальстве г. Москвы. На основании данного решения, 3 сентября 1917 г. на заседании исполнительного комитета Московского Совета рабочих и солдатских депутатов был одобрен и внесен на утверждение ближайшего Общего собрания советов рабочих и солдатских депутатов Устав Красной Гвардии [2, с. 23]. Согласно тексту резолюции данного Общего собрания от 24 октября 1917 г., организация Красной Гвардии обусловлена необходимостью «охраны революционного порядка во время погромов и для защиты рабочих организаций от нападения контрреволюционных банд» [2, с. 26]. На этом Общем собрании в окончательном виде был принят Устав Красной Гвардии, предложенный А.П. Розенгольцем. Следует заметить, что согласно ст. 1 Устава (действовал с ноября по декабрь 1917 г.), созданная при Совете рабочих и солдатских депутатов Красная Гвардия была учреждена для защиты завоеваний революции и по своей миссии выступала в качестве первой ступени перехода к организации всенародной армии [2, с. 81]. Многие вопросы относительно вооруженной защиты очагов защиты московского революционного порядка в 1917-

1918 гг. представлены в работах Е.Н. Поповой [5], Г.Д. Костомарова [4], Ф.П. Файдыша [8], А.Н. Вознесенского [1] и ряда других исследователей. Получив необходимую информацию об итогах событий вооруженного восстания в Петрограде к началу 25 октября 1917 г., московские большевики оперативно образовали военно-революционный комитет, основной задачей которого явилась организация вооруженного восстания в Москве. Следует заметить, что предметом особой заботы руководителей восстания явилась московская городская милиция. Указанное было предопределено рядом следующих обстоятельств: во-первых, полностью подчинить себе все городские милицмейские структуры; во-вторых, не допустить переход милиционеров в лагерь противников революции; в-третьих, обеспечить должный уровень функционирования милиции по-своему прямому предназначению и поддержанию в городе правопорядка в духе революционного замысла. Юридизация начальной деятельности милиции советского периода сопряжена с принятием 28 октября 1917 г. (10 ноября-по новому стилю) постановления НКВД РСФСР «О рабочей милиции» [6]. Нормативно-правовое закрепление состава вновь учрежденной советской рабоче-крестьянской милиции, предметов ее ведения, порядка подчиненности и ряда других вопросов нашло отражение в совместном Постановлении НКВД РСФСР и НКЮ РСФСР от 13 октября 1918 г. «Об организации советской рабоче-крестьянской милиции». В соответствии с п. 25 данного Постановления, «советская милиция стоит на страже интересов рабочего класса и беднейшего крестьянства. Главной ее обязанностью является охрана революционного порядка и гражданской безопасности» [7].

К предметам ведения милиции относились:

- а) предупреждение и пресечение нарушений установленного советской властью порядка, декретов и распоряжений советской власти;
- б) строгое наблюдение за исполнением всеми гражданами декретов, законов и распоряжений советской власти в области учета, распределения и соблюдения твердых цен на продукты промышленности и сельского хозяйства;
- в) своевременное оповещение населения о распоряжениях органов советской власти;
- г) содействие органам советской власти в осуществлении ими возложенных на них обязанностей;
- д) составление актов и протоколов о нарушениях порядка, преступлениях, проступках и происшествиях, выявленных самой милицией или ставшими ей известными от граждан;
- е) наблюдение за выполнением санитарных правил и мероприятий, предпринимаемых органами здравоохранения и местными органами советской власти;
- ж) обеспечение порядка на местах общего пользования, включая наблюдение за исправным состоянием дорог, мостов, гатей, улиц, площадей и надзор за порядком движения на них;
- з) принятие мер к охране безопасности и порядка во время пожаров, наводнений и других народных бедствий;
- и) привлечение граждан для оказания помощи при народных бедствиях, несчастных случаях и отдельных контрреволюционных выступлениях [7].

Процесс формирования новых органов охраны революционного порядка было поручено возглавить М.И. Рогову, который в соответствии с приказом московского военно-революционного комитета получил назначение на должность комиссара по гражданской части и, возглавив Совет московской милиции, вошел в историю под именем «красного градоначальника». Важным этапом в создании аппарата московской милиции было принятие 29 января 1918 г. президиумом московского Совета «Положения о народной милиции г. Москвы», в соответствии с которым вся область московской милицмейской деятельности оказалась возложенной на следующих двух лиц: комиссара по гражданской части и комиссара по наружной охране города Москвы

[9]. Особенности управления милицией и сферой деятельности по направлению уголовного розыска наиболее обстоятельно зафиксированы в сборнике, подготовленном коллективом авторов под руководством Л.Б. Каменева [3]. По утверждению авторов отмеченного труда, «новое строительство шло изначально шло опытным путем. Был создан центр, получивший название «Совет Московской Народной Милиции», из представителей секции милиции и районных революционных комитетов, по четыре от каждого органа. Помимо Совета Милиции, существовало 44 милицеских комиссариата» [3, с. 635]. Что касается сферы деятельности в области уголовного розыска, следует заметить, что после событий февраля 1917 г. на смену прежней сыскной полиции царского периода правления пришло новое ведомство, а именно уголовно-розыскная милиция. Отмеченный орган существовал вплоть до мая 1918 г. Далее вопросы уголовного розыска вошли в компетенцию административного отдела указанного Совета Милиции, в структуре которого был учрежден уголовно-розыскной подотдел. При этом, «органами активного розыска являлись 12 инспекторских отделений, особая группа, питомник собак и боевая дружина» [3, с. 638].

Резюмируя изложенное, представляется обоснованным утверждение, что фактор создания в 1917 г. новой милиции, пришедшей на смену прежнему аппарату правоохранения эпохи царского правления корреспондирует стремлению органов власти к передаче важного дела государственной важности по охране правопорядка и борьбе с преступностью в компетенцию института, не только полностью подотчетного новой власти, но и пользующегося доверием у населения. Отмеченное обстоятельство является определяющим при выявлении подлинного предназначения правоохранительных органов и решению многих вопросов по обеспечению их позитивного имиджа в сознании общественности.

1. Вознесенский А. Н. Москва в 1917 году. - М. ; Л., 1928. 196 с.
2. Из истории Московской рабочей красной гвардии : материалы и документы. - М., 1930. 207 с.
3. Каменев Л.Б. Красная Москва. 1917-1920. - М.: Государственная образцовая типография, 1920. {см.: с.629-640}
4. Костомаров Г. Д. Октябрь в Москве : Материалы и документы. - М. ; Л., 1932. 207 с.
5. Попова Е. Н. Московская провинция в семнадцатом году : сборник. - М.; Л., 1927. 188 с.
6. Постановление НКВД от 28 октября 1917 г. «О Рабочей милиции» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_7.htm (дата обращения: 11.01.2020)
7. Постановление НКВД РСФСР и НКЮ РСФСР от 13 октября 1918 года «Об организации советской рабоче-крестьянской милиции (инструкция)» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_376.htm (дата обращения: 10.01.2020)
8. Файдыш В. П. Октябрь 1917 г. в Замоскворечье. - М., 1935. 63 с.
9. 90 лет Российской милиции [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://petrovka-38.com/arkhiv/item/90-let-rossijskoj-militsii> (дата обращения: 09.01.2020)

Яворский М.А., Тукмаков В.П.

Проблемы расследования присвоения и растраты

*Самарский государственный экономический университет
(Россия, Самара)*

doi: 10.18411/lj-02-2020-126

idsp: ljjournal-02-2020-126

Аннотация

В работе представлено понятие присвоения и растраты, основания возбуждения дела о присвоении и растрате, рассмотрены основания для назначения судебно-бухгалтерской экспертизы при расследовании хищений путем присвоения и растраты.

Ключевые слова: присвоение, растрата, хищение, судебно-бухгалтерская экспертиза, расследование, назначение.

Abstract

The concept of misappropriation and embezzlement, the grounds for initiating a case of misappropriation and embezzlement are presented, the grounds for the appointment of a forensic accounting examination in the investigation of embezzlement by embezzlement and embezzlement are examined.

Keywords: misappropriation, embezzlement, theft, forensic accounting expertise, investigation, appointment.

Решению вопроса о возбуждении уголовных дел по хищениям чужого имущества путем присвоения или растраты всегда предшествует поступление в орган предварительного расследования соответствующей информации о преступлении (источника первичной информации о преступлении).

Содержание первоначального этапа расследования присвоения или растраты обусловлено характером следственной ситуации, и прежде всего, наличием информации о преступном деянии, личности преступника и ряда других обстоятельств, которые надлежит установить в процессе расследования. Поэтому на данном этапе одна из основных задач следователя и оперативных работников состоит в принятии всех возможных мер для получения наиболее полного объема такой информации, что позволит определить цели и направления расследования, соответствующие программы действий следователя и взаимодействующих с ним работников других служб правоохранительных органов, очередность первоначальных и последующих следственных действий.

Для первоначального этапа расследования по делам рассматриваемой категории характерны три типичные следственные ситуации.

Первая типичная ситуация складывается, когда возбуждение уголовных дел осуществляется на основании материалов плановых или внезапных инвентаризаций и ревизий, проверок, а также сообщений должностных лиц, заявлений и писем граждан, сообщений в средствах массовой информации и других официальных данных.

В этих случаях до возбуждения дела, как правило, проводится предварительная проверка материалов, поступивших в органы внутренних дел. Лица, ответственные за нарушения, в связи с которыми решается вопрос о возбуждении уголовного дела, могут основательно подготовиться к расследованию хищения, уничтожив или фальсифицируя уличающие документы, выработав общую линию поведения с другими соучастниками, пытаясь воздействовать на предполагаемых свидетелей в нужном для себя направлении, тщательно сокрыв похищенные ценности и т. д. А это все для следователя чревато дополнительными трудностями.

Вторая типичная ситуация возникает, если возбуждение дела осуществляется на основании материалов оперативно-разыскной деятельности внезапно для заподозренных и других лиц, имеющих интерес в результатах расследования. В таких случаях следователь имеет возможность заблаговременно ознакомиться с собранными материалами по уголовному делу, выбрать совместно с оперативными работниками наиболее эффективный в тактическом отношении момент для возбуждения дела, определить характер и последовательность первоначальных следственных действий и организационных мероприятий.

Для третьей типичной ситуации характерно, что достаточные для возбуждения уголовного дела признаки хищения выявляются неожиданно как для самих подозреваемых, так и для работников правоохранительных органов (например, при

случайном обнаружении поддельной накладной, наличии на складе материальных ценностей без соответствующих документов и т. д.).

В материалах, служащих основанием для возбуждения уголовного дела, обязательно указываются конкретные признаки хищения. О факте хищения могут свидетельствовать, в частности, следующие признаки:

- расхитители задержаны при транспортировке, реализации похищенного имущества;
- недостача или излишки товарно-материальных ценностей;
- отпуск, вывоз без оформления надлежащих документов имущества в значительном объеме;
- обнаруженные в производственных цехах, складских или иных помещениях материальные ценности не отражены в документах.

При решении вопроса о возбуждении уголовного дела в ходе предварительной проверки материалов следователь должен, прежде всего: достаточно полно ознакомиться с характером и условиями деятельности, структурой объекта, где имеют место присвоения или растраты; изучить существующий на предприятии порядок учета и отчетности, организацию охраны, систему товарооборота и документооборота, служебные обязанности должностных и иных лиц, имеющих отношение к ценностям, ставшими объектом хищения.

Следователь также вправе получить объяснения от лиц, которые несут ответственность за выявленные нарушения и злоупотребления. При необходимости следует провести дополнительную инвентаризацию или ревизию.

На первоначальном этапе расследования присвоения или растраты наибольшее значение имеют построение и проверка версий о способах совершения хищений. Способ хищения зависит от характера и условий деятельности предприятия, его структуры, технологического процесса, системы учета, организации контроля.

Круг и характер первоначальных следственных действий обусловлен характером источника информации, послужившего поводом для возбуждения уголовного дела, и тем, стал ли этот источник известен расхитителям. Если источник информации не стал достоянием расхитителей, то следует с максимальным эффектом использовать фактор внезапности в проведении ряда следственных действий и организационных мероприятий. Это создает определенные преимущества при расследовании, которые должны быть реализованы в ходе проведения тактических операций по сбору необходимой информации, поиску ценностей, установлению всех фактов хищений.

По результатам первоначальных следственных действий может быть составлен более подробный план расследования. Тем более, что к этому времени в руках следователя оказывается достаточное количество фактических данных для уточнения и детализации первоначально выдвинутых версий и построения новых.

План расследования на первоначальном этапе должен обеспечить решение не только тактико-методических, но и организационных задач (особенно, если установлено, что присвоение или растрата совершены организованной преступной группой). В последнем случае создается следственно-оперативной группа, налаживается взаимодействие с оперативно-разыскными подразделениями и т.д.[6]

Далее, скажем несколько слов о личности преступников, совершающих данные преступления.

С криминалистической точки зрения, условно можно выделить два основных типа расхитителей:

1. Расхитители - «деловые люди». Чаще всего это лица с высоким интеллектом, имеющие соответствующее образование. Знание производственных процессов и пробелов в законодательстве позволяет им создавать определенные схемы, результаты работы этих схем позволяют присваивать денежные средства или товарно-материальные ценности.
2. Расхитители, ставшие таковыми в большей степени не в силу своих отдельных негативных личностных черт (к тому же не сильно выраженных), а под влиянием неблагоприятного стечения жизненных обстоятельств (банкротства или «случайные» расхитители и т.д.), вследствие преступного давления, угроз и т.д.

Представители первой группы расхитителей, как правило, склонны совершать такие хищения длительное время. Представители второй группы после стабилизации жизненной ситуации или решения материальных проблем могут в дальнейшем отказаться от совершения преступлений.

Зачастую неразбериха, бесхозяйственность, несовершенство кредитно-финансовых расчетов, бесконтрольность имущества подталкивают к совершению преступления, провоцируют на совершение хищений[2].

Знание личностных особенностей преступников, умелое выявление этих данных в процессе расследования весьма важны для уяснения возможных способов, механизмов хищения, выявления лиц, причастных к нему, и роли в преступном деянии. С учетом этих данных выбираются тактические приемы и методы расследования. Например, раскрытие преступной деятельности расхитителей-дельцов, их изобличение обычно предполагает большой объем следственной и оперативно-разыскной работы, значительной подготовительной организационной и оперативной разработки, всего арсенала тактических средств, большего объема специальных знаний. И совсем другое дело, когда расхитителем является человек запутавшийся, соблазнившийся на хищение, например, из-за алкогольной зависимости. Роль таких лиц в хищениях нередко второстепенна, обычно не требует больших усилий для их выявления и изобличения.

Все элементы криминалистической характеристики хищений теснейшим образом связаны между собой, что и позволяет выявить источники информации в процессе расследования. Например, способ и механизм присвоения и растраты во многом определяются особенностями сложившейся на объекте обстановки, в которой могут проявляться условия как способствующие, так и затрудняющие хищение, а также личностными чертами, профессиональными знаниями и служебным положением расхитителя.

1. Уголовный Кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. №63-ФЗ (в ред. от 02.08.2019) // СЗ РФ. – 1996. – №25. – ст. 2954.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // Ведомости Федерального Собрания РФ, 01.01.2002, N 1, ст. 1.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Бюллетень Верховного Суда РФ, N 2, февраль, 2018.
4. Байкова И. Н., Хисмятуллов Р. И. Проблемы, возникающие при назначении судебно-бухгалтерской экспертизы. Актуальные вопросы юриспруденции: сб. науч. тр. по итогам науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2019. № 2. 60 с.
5. Прорвич В. А. Судебно-оценочная экспертиза. Правовые, организационные и научно-методические основы. М., 2017. С. 65.
6. Судебно-бухгалтерская экспертиза: справочник / Н. К. Болдова, А. А. Голубева, В. И. Гуреева [и др.]. М., 2018. С. 6.

Яворский М.А., Иерусалимов Д.С.

Тактические приемы допроса лиц, состоящих в организованной преступной группе

*Самарский государственный экономический университет
(Россия, Самара)*

doi: 10.18411/lj-02-2020-127

ids: lj-02-2020-127

Аннотация

В статье рассмотрены тактические особенности допроса членов организованной преступной группы.

Ключевые слова: организованная преступная группа, тактические приемы, допрос.

Abstract

The article discusses the tactical features of the interrogation of members of an organized criminal group.

Keywords: organized criminal group, tactics, interrogation.

Расследование организованной преступной деятельности определяется некоторыми весьма специфическими чертами организационного и тактического плана: специализацией субъектов расследования и оперативно-розыскной деятельности, особенностями возбуждения дел в сфере организованной преступности, а также выдвижения версий и планирования расследования.

Как известно, под организованной группой понимается устойчивая группа из двух или более лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений (ч. 3 ст. 35 УК РФ). Содержание устойчивости, выступающей для таких объединений образующим признаком, тем не менее не получило законодательного закрепления, что обуславливает отнесение этой категории к числу оценочных понятий.

По вышеназванной категории уголовных дел используются особые способы и приемы расследования преступлений, которые можно разделить по выявлению организатора преступного формирования и всех его членов, установлению роли каждого из них, изучению личности членов преступного формирования в процессе расследования, по преодолению организованного противодействия расследованию и обеспечению безопасности свидетелей и потерпевших.

В науке и правоприменительной практике сложилась рекомендация создания следственных групп для полного, объективного и быстрого расследования преступлений. Группа должна быть хорошо организована и структурирована, состоять из опытных профессионалов.

Однако, производить допросы членов группы должен лично руководитель следственной группы, в связи с тем, что только самостоятельно участвуя в допросе и получая важную информацию об обстоятельствах преступления, он может правильно планировать и организовывать работу своих подчиненных.

Важно отметить, что общественная опасность в создании и функционировании групп заключается в устойчивости состава группы, постоянном совершении преступлений, что является необходимой целью объединения в группу, четком распределении ролей при совершении преступлений, создание в группе специального денежного фонда[3].

Уголовные дела об организованной преступной деятельности могут возбуждаться по единичным преступлениям, совершенными членами преступного формирования (с объединением этих дел в процессе их дальнейшего расследования), однако возможно и возбуждение уголовного дела в связи с преступной деятельностью группы.

От вида и характера деятельности группы зависит определение тактики проведения первоначальных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий.

В целях получения информации о деятельности организованного преступного сообщества ценность имеют оперативно-розыскные мероприятия, а также такое существенное следственное действие, как допрос.

Установление связи и коммуникации в процессе осуществления допроса осложняется тем, что это специфическая форма общения, в процессе которой лица, находящиеся в сфере досудебного расследования и судебного рассмотрения дела, входят в непосредственный контакт со следователем, поэтому необходимо выбрать индивидуальный путь к установлению с ними психологического контакта.

Допрос в криминалистике определяется в качестве процессуального действия, представляющего собой действия по получению от лица в установленном законом порядке показаний относительно обстоятельств, имеющих значение для дела.

Для того чтобы устранить конфликтность ситуации, которая может появиться в процессе допроса целесообразно начинать допрос с подробного выяснения сведений, относящихся к личности допрашиваемого.

При подготовке к допросу и в ходе его проведения нужно установить следственную ситуацию, имеющую место на момент проведения допроса. В этом аспекте ситуации делятся на конфликтные, бесконфликтные и нейтральные[4].

Чаще встречается конфликтная ситуация, когда лицо не признаёт себя виновным, высказывая ложные показания или вовсе отказывается от их дачи.

В целях разрешения конфликтной ситуации используется незамедлительный допрос на месте задержания или сразу же после привода подозреваемого к следователю. Как показывает следственная практика, особенно эффективен данный прием по отношению к лидеру преступной группы.

Представляется важным отметить необходимость проведения ряда существенных следственных действий с целью получения других доказательств преступной деятельности допрошенного для укрепления доказательной базы и подкрепления первоначальных показаний, в случае, если лицо в процессе расследования уголовного дела сменит свои показания.

При проведении допроса лица, отказавшегося от дачи показаний, представляется необходимым выяснить и устранить мотивы, лежащие в основе подобной позиции. В этих целях следует указать допрашиваемому, что молчание затруднит защиту его интересов и, как правило, повлечет ухудшение положения по сравнению с другими соучастниками преступления. Следует разъяснить, что занятая неверная позиция может привести к более нежелательным для лица последствиям.

В случае обладания достаточно полными и объективными данными о деятельности преступной группы и, в особенности, ее лидера в ходе такого допроса рекомендуется внезапно прервать рассказ лица и задать четкие конкретные вопросы, касающиеся установленных эпизодов его преступной деятельности или характерных деталей совершенного преступления.

Действенным тактическим приемом в ситуации расследования преступлений, совершенных группой, является использование доказательств таким образом, чтобы у допрашиваемого сложилось представление относительно осведомленности следователя о событиях в целом или об отдельных его эпизодах.

На первоначальном этапе целесообразно использование одновременного допроса, при котором несколько следователей одновременно, параллельно допрашивают нескольких лиц. Указанный тактический прием при последующем анализе показаний дает возможность выявить противоречия, неточности и ложь. После подобного анализа и с учетом его результатов составляются планы повторных допросов и проводятся непосредственно сами допросы.

Косвенный допрос эффективен при отсутствии в распоряжении следователя доказательств, достаточных для изобличения допрашиваемого. При использовании

данного метода следователь, опуская основную цель допроса, производит уточнение обстоятельств, непосредственно не имеющих значения по расследуемому делу, однако в том числе получает сведения, по интересующим его обстоятельствам.

Следующий приём своей особенностью имеет обострение отношений между членами преступного сообщества, которое может быть достигнуто путем применения ряда тактических приемов, основанных на требованиях уголовно-процессуального закона и допустимых с точки зрения морали и нравственности.

Допрос организатора группы имеет особенное значение, так как именно лидер обладает полной информацией о совершенных преступлениях, о роли каждого участника. Практически всегда такой допрос проходит в конфликтной ситуации. Анализ результатов допроса других участников преступления и материалов уголовных дел позволит выделить наиболее эффективные тактические приемы допроса, позволяющие установить его роль во всех эпизодах преступной деятельности[2].

При допросе остальных участников группы устанавливаются их роли в преступной структуре, характер действий организаторов по планированию и организации преступной деятельности, защите ее интересов. Наиболее весомая часть указанных выше обстоятельств может быть установлена косвенным путем, используя максимальную детализацию показаний, расширение предмета допроса, выяснения всех аспектов деятельности преступной структуры.

При допросе подозреваемых важно принимать во внимание то, что в группе могут иметь место разногласия и конфликты между ее членами, чем целесообразно воспользоваться следователю, который из тактических соображений может показать перед некоторыми подозреваемыми свою осведомленность о существовании таких конфликтов и их причинах и тем самым воспользоваться данной ситуацией.

Допрос также важен при доказывании признаков, которыми обладает группа: устойчивость и сплоченность. Данные факты устанавливаются путем определения близкой связи между членами группы, а также наличие структуры и разделение на роли.

Определенную важность по делам вышеуказанной категории имеет проблема самооговора, при которой второстепенные члены группы возлагают вину за преступные деяния на себя в соответствии с заранее подготовленной линией поведения, определенной лидером преступного сообщества.

Для разоблачения лжи необходимо проведение комплекса оперативных и следственных действий, направленных на анализ материалов дела, тщательную проверку всех фактических данных, выяснение и устранение причин самооговора.

Первостепенное значение имеет законность производства допроса с учетом порядка предъявления следователем процессуальных документов, в том числе процедуры вызова лица на допрос, продолжительности осуществления допроса. Таким образом, допрос членов группы, представляется особенно ценным способом получения доказательств о совершении преступления в целом, об отдельных его эпизодах. Допрос обвиняемых и подозреваемых по данной категории преступлений является одним из сложных следственных действий, требующим максимальной квалифицированной подготовки, высоких теоретических знаний, определенного практического опыта и применения тщательно продуманных тактических приемов допроса.

1. Агапов П.В. Проблемы противодействия организованной преступной деятельности. [Текст] Изд. Второе, испр. И доп. / Под науч. Ред. докт. Юрид. наук, проф. Н.А. Лопашенко. – М.: Юрлитинформ, -2010. – С. 47 4.
2. Быков В. Признаки организованной группы в постановлениях Пленума Верховного суда РФ [Текст] В. Быков// Уголовное право – 2001 – № 3. – С. 8 5.
3. Бердникова О.П. Особенности расследования грабежей и разбоев, совершенных организованными группами[Текст] : дис. канд. юрид. наук. –Екатеринбург,-2016. – С. 250–265.
4. Еникеев М.И. Психология допроса // Юридическая психология. 2007. №3.
5. Комиссаров Я. В. Тактика допроса [Текст] // Тактика следственных действий. Саратов, 2000.-С. 90–110.

Akhmetzyanov R.E., Vakhitova G.V.
The pledge of rights under a Bank Deposit contract

Bashkir State University
(Russia, Ufa)

doi: 10.18411/lj-02-2020-128

idsp: ljournal-02-2020-128

Abstract

The article discusses the features of pledge of rights from the contract of Bank Deposit, the specificity of the security of Bank deposits of certain types, for example, contributions in favor of third parties, considers the correlation of the collateral obligations, rights and security of Bank deposits.

Keywords: The Bank Deposit agreement, the Deposit pledge account.

From 1 July 2014 in the civil legislation of the Russian Federation provides practiced in public circulation up to this point the pledge of rights from the contract of the Bank account¹.

St. St. 358.9 – 358.14 of the civil code establishes rules of conclusion, fulfillment and termination of the contract on pledge of rights from the contract of the Bank account.

The substance of the pledge of rights to funds in a Bank account boils down to the right of the mortgagee to withdraw funds from the account or transfer the rights of the owner of the Bank account in case of default of the main obligation, secured by collateral.

Meanwhile, a new type of Deposit can be applied not only to the rights of the holder of a Bank account, but in respect of rights to the Deposit at the Bank (item 8 of article 358.9 of the civil code). According to this, the rules of articles 358.9 - 358.10 of the civil code shall apply to the pledge of rights from the contract of Bank Deposit. However, this provision of section 8, article 358.9 of the civil code contains no provisions that these articles of the Code do not apply if it is contrary to the essence of the contract of Bank Deposit.

But such cases are theoretically possible. So, it is impossible to conclude a contract of pledge of rights on Deposit in the Bank, if funds are not deposited in the Bank as Deposit. This is due to the fact that it is impossible to open Deposit account without listing the Bank cash, in contrast to current/personal accounts (Bank accounts under Chapter 45 of the civil code). In such cases, the contract of pledge is concluded.

There is another option, blocking the use of the Institute of Deposit Deposit. Thus, article 842 of the civil code provides the possibility of concluding a contract of Bank Deposit in favor of third parties.

To Express the third person's intention to enter into a debt relationship for the contribution, a party to the contract (investor) remains who have invested funds in the Bank subject.

At first glance he original depositor owns unrestricted rights to available cash. This is evidenced by item 2 of article 842 of the civil code.

However, is it possible to burden the key to the right of the depositor for cash, if the property is intended to a third party?

Here face formal logic and the substance of the obligation.

If the answer to this question must be borne in mind.

First, the rights and obligations of the subject of civil law can empower themselves only by their Autonomous will, and the will.

Second, when regulating these relations must adhere to the conciliation, i.e., at each stage, the subjects must agree to limit their property rights:

- mortgagee, not a Bank, shall be notified to the pledgor (the original contributor) that the Bank Deposit contract is concluded for the benefit of a third party;
- when expressing a third person's intention to enter into the rights of the depositor, the pledge agreement of the Bank contribution should cease if the third party within a reasonable time not agreed to assume the obligations of the mortgagor.

If the third party is unequivocally expressed waiver by the contract of Bank Deposit with a specified time, the Deposit becomes ordinary (in favor of the original depositor) and the Deposit relationship do not bear the risks of disruption the will of a third person (section 3 of article 430 of the civil code).

In addition, in our opinion, to certain kinds of Bank deposits, the rules of article 358.9 - 358.14 of the civil code should not apply on the merits.

To those contributions, we consider Bank deposits concluded by the issuance of savings/Deposit certificates. These certificates are registered certificated securities (section 1 of article 843 of the civil code).

However, 358.16 article of the civil code provides for a separate type of mortgage – securities, which is characterized by its own form of agreement.

So, the pledge agreement in respect of securities such as savings and certificates of Deposit is concluded by the transfer of these securities to the pledgee.

In this regard, the pledge of rights on Deposit certified by a savings or Deposit certificate, is carried out according to the rules of securities.

Some questions is the order of conclusion of the contract a collateral account. The fact that the pledge of the rights of the Bank Deposit can be set only in the presence of a collateral account.

The nature of the collateral account from sense of item 1 of article 358.9 of the civil code is also not unambiguous. Whether the escrow account a separate account to be opened separately to complete mortgage transactions, or the legal regime of rights, it is impossible to establish from the interpretation of norms of the civil legislation of the Russian Federation.

In the civil law doctrine still inclined to think that the escrow account is a special legal regime for the exercise of the rights arising from the contract of the Bank account and Bank Deposit.

At the conclusion of the contract of pledge of Bank Deposit with the Bank, which previously signed a Deposit agreement, the collateral account is not required.

You must answer the question whether the obligation of the Bank to assume the obligation to perform the functions of the holder of the collateral.

On the one hand the collateral account is a special banking mode of operations for the open design/facial or Deposit account. On the other hand, the Bank is obliged to perform the duties to protect the interests of the mortgagee, with whom the Bank has no contractual relationship.

The Bank is obliged to provide information to the pledgee about the current status of Bank accounts, control of limits on money transfers and safety minimum balance Bank, including Deposit account².

Can the Bank, after reading unnecessary for performing the specified functions, to refuse conclusion of an agreement collateral account (include in the content of Deposit agreement a condition about pledge account).

Paradoxically, this question is difficult to answer positively or negatively based on the norms of the civil legislation of the Russian Federation.

But, given the substance of the Bank account agreement, which applies to a Bank Deposit, taking into account the enforceability of the Bank of the customer's Bank account (including Deposit account) must be vested with the status of the collateral account upon the first request of the client.

I would also like to pay attention to the balance of pledge of rights under a Bank Deposit contract and collateral rights of obligation (article 358.1 – 358.8 civil code). By their legal nature, these types of mortgages are exactly the same – pledge of rights of obligation, but the security of Bank deposits is a special kind of pledge of the law of obligations in the nature of performance of contractual duties.

When considering these types of collateral can also be some difficulties with the qualification of mortgage relations.

So, the parties may conclude a contract on pledge of rights of the Bank Deposit in the absence of the pledgor collateral account Bank in relation to the existing Deposit account.

The courts should not classify such contracts as non-concluded. In this case it is the ordinary pledge of rights of obligation. The security of Bank deposits with the use of the collateral account is a mechanism for enhanced protection of the rights of the mortgagee, who is using the collateral account gets the opportunity;

- to ensure the necessary amount of cash (the Bank may refuse to perform operations contrary to the terms of the agreement under pain of joint and several liability to the pledgee);
- has access to information on transactions;
- have the right to request cash on the basis of a court decision, the Executive inscription of the notary or of the agreement and other safeguards.

At the moment, noted above questions there is no detailed judicial practice. In this paper we would like to draw attention to risks which may arise in law enforcement practice.

1. The civil Code of the Russian Federation (part one) of November 30, 1994 № 51-FZ (from pet. izm. and EXT. from 18 July 2019 No. 177-FZ) // The official Internet portal of legal information [Electronic resource]. URL:<http://www.pravo.gov.ru> (date accessed: 01.12.2019).
2. The civil Code of the Russian Federation (part two) of January 26, 1996 № 14-FZ (with the last. izm. and EXT. from 18 March 2019 No. 34-FZ) // The official Internet portal of legal information [Electronic resource]. URL:<http://www.pravo.gov.ru> (date accessed: 01.12.2019).
3. Federal law dated 21 December 2013 № 367-FZ "On amendments to the Civil code of the Russian Federation and the annulment of certain legislative acts (provisions of legislative acts) of the Russian Federation" (with the last. izm. and DOP. dated July 26, 2017 № 212-FZ) // The official Internet portal of legal information [Electronic resource]. URL:<http://www.pravo.gov.ru> (date accessed: 01.12.2019).
4. Contract and law of obligations (General part) commentaries to articles 307 - 453 of the Civil code of the Russian Federation / V. V. Baibak, R. S. Bevzenko, O. A. Belyaeva and others ; resp. edited by A. G. Karapetov. M : M-Logo, 2017. The electronic edition. Revision 1.0. 1120 S.

Vagapova R.M., Vakhitova G.V.

To the question of the nature of the hereditary substitution in the Russian Federation

*Bashkir State University
(Russia, Ufa)*

doi: 10.18411/lj-02-2020-129

idsp: ljjournal-02-2020-129

Abstract

This article addresses the issue of the status of hereditary substitution in the Russian Federation. The features of this institution are revealed.

Keywords: substitution, assignment of the heir, substitute, inheritance, testament.

The Russian legislation provides a wide range of possibilities which the testator can use, at the indication of the will on the further disposal of property. By virtue of the principle of freedom of will, which is provided by the inheritance law of the Russian Federation, the testator may include in wills various orders provided for by the rules of the civil code on inheritance. One of these is the institution of hereditary substitution.

The testator has the right to appoint an heir at his discretion and also to specify another person in the will, if the heir appointed by him in the will or the heir by law for one reason or another will not inherit. This legal construction is called the sub-appointment of the heir, or hereditary substitution [1], which is prescribed in the Article 1121, paragraph 2 of the Civil Code of the Russian Federation [2].

Kirillov A. A. in his work mentions that the sub-appointment of heirs is the main type of special orders of the testator in modern inheritance law-the result of the development of legal norms by Roman lawyers [3]. Palshkova A. M., for example, considers the essence of this definition as: "direct succession by the reserve heir of the inheritance [4]".

Inheritance by way of substitution is possible only when the established conditions, that is, legal facts. A sub-designated heir is a conditional heir, since his rights depend on the occurrence of certain conditions.

Legal relations at hereditary succession in the development pass three stages. At the first stage, the right of the main heir is not realized and passes to another heir. After that there is a right of the appointed successor at which the right to acceptance or refusal of inheritance. And at the last stage, the acceptance of the inheritance itself develops into the right to inheritance [5].

Quite controversial is the fact that the Civil Code does not determine the allowable number of sub-appointed heirs, which causes controversy among civilists. For example, A.V. Sutyagin puts forward the opinion that "the testator can appoint any number of alternate heirs, depriving certain heirs of entry, thus, there is no transfer of hereditary property to receivers by law [6]".

Another point of view is held by Guev A. N., who believes that the testator can not appoint an heir for a substitute [7]. In any case, there is no direct prohibition in the legislation.

Also, the law does not say which category of subjects can act as a substitute. In this regard, it can be concluded that it can be both a natural person and a legal entity, as well as a state and an international organization.

It should be noted that the legislation of the Russian Federation does not establish the possibility of so-called fideicommissary substitution, which may be provided for in other countries. The essence of it lies in the fact that the main heir is obliged to preserve the inherited property in order that it after his death passed to another person specified in the same will.

The possibility of appointing an heir directly follows from the principle of freedom of will.

The inheritance passes to an additional successor in the case of:

1. In the absence of a sub-designated heir, the property may pass to the person in favor of whom the refusal was made;
2. The death of the successor who did not have time to accept the property after the inheritance was opened (in the absence of an additional successor, inheritance is carried out by hereditary transmission);
3. If the principal heir died before the inheritance was opened (if there is no sub-designated successor, relatives are called to inherit by submission);
4. Death of the main successor at the same time with the testator (in the absence of sub-appointment, the inheritance will pass to other successors of the testator);
5. Non-acceptance by the main successor of the property due to various reasons (if there is no sub-designated heir, the property will be received by other successors of the testator);
6. Confessions of an unworthy successor to the court and his removal from the succession.

In the event that these circumstances occur with the designated heir, the property will be transferred to the rightful heirs. However, in law there is no limit on definite heir to the

substitute. Therefore, the testator can appoint an unlimited number of persons, thereby having the opportunity to limit a particular person in obtaining hereditary property.

Also, the testator has the opportunity to appoint an heir for each specific reason or grounds. This provides for the principle of freedom of will. As well as the indication by the testator of only some grounds for substitution assumes that in other cases the legal order will be applied.

If a successor is appointed (hereditary substitution), then legal inheritance, hereditary transmission, inheritance in the event of the death of the commoners-are canceled.

It should be noted cases where the designated heir can not inherit the property of the testator. It is worth noting that this list is closed.

An additional (sub-appointed) successor, or substitute, does not inherit the property of the deceased in cases:

1. Transfer of property to the legal (direct) successor;
2. Death additional persons;
3. Loss of the right of inheritance by the appointed successor.

In practice, there are many disputes in the application of the institution of substitution. In this regard, the appeal definition of the Sverdlovsk Regional Court is interesting. The essence of this court case was that after the death of the testator, the will with the substitution was not taken into account and certificates were issued for heirs only by law, in connection with which the right of substitution was violated. Subsequently, this right was restored [8].

Thus, it can be said that the testator by his will can regulate the circle and number of his successors, changing or supplementing the list of legal heirs. The substitution allows to include in the most developed way those persons whom the testator wishes to see in a circle of the successors. However, do not forget that the will is burdened with the right to a mandatory share for some categories of heirs.

1. Sukhanov, E.A. Civil law [Text] / E.A. Sukhanov. - M.: Statute, 2011.- 292 p.
2. The Civil Code of the Russian Federation. Part Three: Federal Law of November 26, 2001 No. 147-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2001. №. 49.
3. Kirillov, A.A. To the question of testamentary substitution [Text] / A.A. Kirillov // Actual problems of Russian law. - 2014. №. 5. - S. 816 -820.
4. Palshkova, A. M. Special testamentary dispositions in Roman law [Text] / A.M. Palshkova // Inheritance law. 2009. - № 3. - S. 8-13.
5. Ovchinnikova, K.O. Substitution in the law of succession [Text] / K.O. Ovchinnikova // Economics and society. - 2016. №.12. - S. 12-20.
6. Sutyagin, A. V. Property relations of spouses and inheritance [Text] / A.V. Sutyagin. - M.: GrossMedia, 2008.S. 128.
7. Guev A.N. Article commentary on part three of the Civil Code of the Russian Federation [Text] / A.N. Guev. - M.: INFRA, 2010.S. 415.
8. Appeal ruling of the Sverdlovsk Regional Court of June 26, 2012 in the case 33-7182 / 2012 // Official site Judicial and regulatory acts of the Russian Federation [Electronic resource]. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/eyCQYMw9zPNP/> (accessed 10/27/2019)

Valiullin T.I., Vakhitova G.V.
Legal entities' tort capacity

Bashkir State University
(Russia, Ufa)

doi: 10.18411/lj-02-2020-214

idsp: ljjournal-02-2020-214

Abstract

This article is about the concept and specifics of a legal entity. In addition, the article represents an attempt to identify and analyze different points of view on the signs of tort in order to provide a detailed definition of its legal components.

Keywords: tort capacity, responsibility, legal personality, legal capacity, legal entity.

The emergence of the institution of a legal entity is directly related to the fact that there has been a change in the entire social organization existing in society, as well as with the formation of economic relations and, as a result, public consciousness [6, p. 21].

In the process of the society formation, the legal regulation of relations with the participation of only individuals as the main subjects of private law proved to be insufficient for the emerging economic turnover.

According to the Russian civil law, the institution of a legal entity is part of the main ones. It is a set (subsystem) of norms that determine the legal capacity of a legal entity and methods for its implementation, the procedure of the formation, reorganization and liquidation of legal entities, as well as the specifics of their organizational and legal forms.

A legal entity can be recognized as any organization that has acquired management of separate property or is engaged in certain business activities.

In addition, it is this organization that, in its legal name, can conduct a variety of actions or carry out processes of personal non-property or property rights [2, p. 32].

In the Russian Federation, legal entities are endowed with a wide range of legal capacity and legal capacity, which gives them the opportunity to independently conduct business activities.

It is believed that such huge opportunities should be accompanied by an increased responsibility. We opine that in order to achieve the protection of the rights and interests of the state and citizens successfully and effectively, it is necessary to strengthen measures of responsibility.

Traditionally, tort is understood as the ability to withstanding certain responsibility measures for illegal actions that were committed to achieve corporate goals [5, c. 87].

The appearance of tort of a legal entity coincides with the period of state registration, but despite this fact, for some enterprises it appears only after the basis of their activity has been laid.

The scope of tort of legal entities is equal. At the same time, the following points have a certain influence on it:

- organizational and legal form of the enterprise;
- presence of legal capacity;
- full dependence on decisions of other legal entities.

It is important to notice that the tort ability of the subsidiary and main legal entity is unified, due to the fact that the actual opportunities that the subsidiary has, make it possible to bring it to a specific form of responsibility.

In addition to the foregoing, the tort ability of the legal entity, as well as the founder, is complementary. This is directly related to the fact that the founder undergoes liability for a wide variety of offenses of the legal entity formed by him. In this case, the company may be liable for various offenses permissible by its founder.

Due to the fact that legal entities are direct participants in civil legal relations, they have legal capacity and capacity to act (Clause 1, Article 48 of the Civil Code of the Russian Federation) [1].

The legal capacity of a legal entity includes the opportunity to have civil rights that will fully comply with the objectives of the activity provided for in the constituent document, and bear responsibilities related to this activity.

Legal entity's capacity to act is the ability of a legal entity to receive and exercise property and personal non-property rights on its own behalf, create obligations for itself and fulfill them.

A legal entity has all three elements of legal personality occur simultaneously from the moment of registration of this organization as a legal entity [4, p. 112].

Legal entities with special legal capacity should also have appropriate tort, as the requirements for their legal personality on the part of the state and society are increasing.

A theoretical study of the problems of liability of a legal entity is important, because it allows to determine the provisions that will serve as the basis for research in a particular branch of law. Theoretical study must develop faster, so that the development of other scientific branches is not restrained and corresponds to the objective needs of the practical sphere.

To identify problematic issues in this area, it seems relevant to consider the concept of liability of a legal entity.

Responsibility of the organization is the obligation indicated by the legislator to undergo the negative consequences of violation of the provisions of the law. In Russian law, legal entities are subject to civil, administrative liability.

However, a legal entity cannot be held criminally liable.

On this topic, various scholars and legal scholars are engaged in heated debate and, in this regard, it is noted that the lack of criminal liability of legal entities is a problem in the current legislation. Briefly analyze these statements.

In many developed countries and countries after Soviet territory, it is recognized that legal entities should be subject to criminal liability [10, p. 90].

On the international level, conventions have been adopted that proclaim this provision. The Russian Federation remains almost the only state in which this norm is absent. When developing the text of the current Criminal Code of the Russian Federation, an article was envisaged in which the features of assigning criminal liability to legal entities were considered. However, this norm was not adopted [8, p. 67].

It must be pointed out that in the Russian legal system there is a principle of personal guilty liability. Therefore, it is rational to consider the instruction of the Investigative Committee of the Russian Federation that if a legal entity participated in the crime, then it should be subjected to criminal prosecution along with an individual.

Today, a legal entity is considered only a “tool” for committing a crime, and all the blame lies with the individual. It seems that this approach belittles the degree of guilt and significance of a legal entity. The will of a legal entity is autonomous (it is carried out through the will of the governing bodies) - this principle is used by most countries [9, p. 87].

Thus, the question of the possibility of bringing legal entities to criminal liability today is open and unresolved.

A legal entity is an independent participant in civil turnover; its obligations are not related to the obligations of the founder or any of its other participants.

The founder (participant) of a legal entity or the owner of its property is not liable for the obligations of the legal entity, and the legal entity is not liable for the obligations of the founder (participant) or owner, with the exception of cases provided for by the Civil Code of the Russian Federation, or the constituent documents of the legal entity.

The liability of a legal entity can be supplemented by the liability of the founders or other participants of a legal entity only if they are guilty, which is not so easy to prove [3, p. 82].

In the event of the bankruptcy of the debtor through the fault of the founders (participants) of the debtor, the owner of the property of the debtor, unitary enterprise or other persons (including the fault of the head of the debtor), who are entitled to give binding instructions to the debtor or have the ability to otherwise determine its actions, on the data persons may be held subsidiary liability for its obligations [7, p. 89].

Thus, from the current civil law and domestic legal science regarding civil law, the uncertainty of approaches to the fault of a legal entity, which is the main problem of the tort of legal entities, follows.

Tort – is a category that is closely related to the subjective side of the offense and, specifically, with the category of guilt, which is the leading sign of tort of a legal entity.

In relation to a legal entity, various opinions are expressed in the legal literature on the presence of guilt as an integral element of its tort. A feature of the status of a legal entity as an

abstract subject of law is that specific individuals act on its behalf in legal relations. Therefore, many jurists believe that the guilt of a legal entity has always connected with the guilt of people and cannot be anything else.

1. The Civil Code of the Russian Federation. Part 1 of November 30, 1994 No. 51-FZ // SZ RF. 1994. No. 32 p.
 2. Alekseev S.S. Civil law / C.V. Alekseev. - M.: Prospect, 2015 . 440 p.
 3. Andreev V.K. Legal entities. Introduction to Corporate Law: Lecture / V.K. Andreev. - M.: Russian Academy of Justice, 2014. 221 p.
 4. Gribanov V.P. Legal entities / V.P. Gribanov. - M.: Jurisprudence, 2012. 156 p.
 5. Grishaeva S.P. Civil law / S.P. Grishaev. - M.: BEK, 2013. 76 p.
 6. Guseva T.A. State registration of legal entities / T.A. Gusev, A.V. Churyaev. M.: Russian State Humanitarian University, 2017. 240 p.
 7. Evetsky A.A. About legal entities / A.A. Evetsky. - M.: Lights, 2016. 471 p.
 8. Evetsky A.A. About legal entities / A.A. Evetsky. - M.: Lights, 2016. 471 p.
 9. Zakurakina O.V. Formation and development of theories of a legal entity in Russia / O.V. Zakurakina. - Perm: Mercury, 2014. – 102 p.
 10. Zakurakina O.V. Formation and development of theories of a legal entity in Russia / O.V. Zakurakina. - Perm: Mercury, 2014. –102 p.
-

РАЗДЕЛ XXVI. ПОЛИТОЛОГИЯ

Борисов С.И.

Исторические этапы реформирования административно-правовых аспектов

*Северо - Кавказский институт-филиал РАНХиГС
(Россия, Пятигорск)*

doi: 10.18411/lj-02-2020-130

idsp: ljjournal-02-2020-130

Аннотация

В статье представлены исторические аспекты реформирования административной реформы в России, а также анализ ученых-государствоведов. На основании проведенного исследования автор статьи рассматривает исторические этапы реформирования, раскрывает проблемы касающихся вопросов организации процесса административной реформы.

Ключевые слова: административная реформа, право, власть, государственный аппарат.

Abstract

The article presents the historical aspects of the reform of administrative reform in Russia, as well as the analysis of state scientists. Based on this research, the author of the article examines the historical stages of reform, reveals the problems related to the organization of the administrative reform process.

Keywords: administrative reform, law, power, state apparatus.

В последние десятилетия пристальное внимание ученых-государствоведов, а также объектом тщательного изучения является современная административная реформа России. Важность рассмотрения данного вопроса обусловлена необходимостью повышения эффективности государственного и муниципального управления, изучения навыков практической реализации административной реформы в России, а также решения организационно-правовых аспектов.

Ряд известных ученых рассматривают административную реформу с изменениями, связанных с системой государственно-административного аппарата, органов исполнительной власти различного управления. И.В. Василенко определяет административную реформу как процесс структурных изменений в работе государственного аппарата, направленный на повышение его эффективности и совершенствование качества принимаемых решений[2].

Т.Я. Хабриева указывает, что под административной реформой принято понимать преобразования в системе органов исполнительной власти с целью создания реально действующей единой системы исполнительной власти, работающей в «автоматическом режиме» в интересах общества[1]. Возможно было бы продолжить перечень примеров, но абсолютно достаточно выделить, собственно что обозначенные определения базируются и основываются на имеющемся эксперименте административных реформ и не вызывают каких-то нешуточных возражений.

Под «административной реформой» принято воспринимать переустройства в системе органов исполнительной власти с целью сотворения возможно деятельной единственной системы исполнительной власти, работающей в «автоматическом режиме» в заинтересованностях общества. Объектом реформы стали федеральные органы исполнительной власти, органы исполнительной власти субъектов РФ, муниципальные организации при органах исполнительной власти, другие системы

управления, владеющих государственно-властными полномочиями. Административную реформу ожидалось проводить в некоторое количество рубежей.

1-ый рубеж (1992 - 1993 гг.)

Об идеях проведения административной реформы, а также об определенных событиях по их реализации написано много, тем более в периодической печати и в юридической литературе. Ученые административной реформы внятно выделяют некоторое количество рубежей, на любом из коих ставились и решались конкретные задачи. На первом рубеже были предприняты меры по департизации муниципального аппарата и формированию определенных федеральных органов исполнительной власти, которые по собственной своей типологии и зонам ответственности ничем не выделялись от российских министерств и ведомств.

Второй рубеж административной реформы (1996 - 1998 гг.)

В сентябре 1996 г. Президенту РФ была представлена аналитическая записка под названием «О проблеме слабой управляемости государственными процессами»[1]. В ней в качестве основной проблемы выделялась и обосновывалась необходимость подготовки концепции новой системы исполнительной власти и обеспечения правового порядка в государственном управлении.

Ключевые идеи этой записки нашли отражение в Послании Президента РФ на 1997 год «Порядок во власти - порядок в стране (о положении в стране и основных направлениях политики Российской Федерации)»[11].

С 27 по 30 мая 1997 г. состоялось совещание под условным названием «Круглый стол»[1], где обсуждались проблемы, которые необходимо решить в ходе административной реформы.

Основным результатом этого совещания было создание пяти рабочих групп экспертов по подготовке Концепции административной реформы. С сентября 1996 г. по май 1997 г. были подготовлены 12 вариантов Концепции административной реформы.

В Концепции в качестве основных, обозначались следующие проблемы: граждан и власть[4];

- исполнительная власть: новые функции;
- проблемы государственной службы;
- коррупция в системе управления.

13 марта 1998 г. в Администрации Президента РФ состоялось обсуждение проекта Концепции административной реформы[4]. Участники совещания высказали убеждение, что до 2000 г. к ее практической реализации приступать нецелесообразно.

Текст Концепции был вручен в мае 1998 г. новому Председателю Правительства РФ С.В. Кириенко с целью опубликования, но он не был опубликован.

Третий рубеж административной реформы (1999 - 2000 гг.)

С осени 1999 г. центр разработок проблем административной реформы переместился из Администрации Президента РФ в Центр стратегических разработок (Центр Г. Грефа) - предвыборный штаб В.В. Путина как действующего Председателя Правительства РФ. В начале 2000 г. Центр подготовил Концепцию государственного строительства, вобравшую основные идеи Концепции административной реформы 1998 г[1].

Четвертый рубеж административной реформы (2003 - 2005 гг.) В Послании Президента РФ Федеральному Собранию на 2003 год отмечалось, что «...бюрократия... обладает огромными полномочиями. Но находящееся в ее руках количество полномочий по-прежнему не соответствует качеству власти...; такая власть в значительной степени имеет своим источником не что иное, как избыточные функции госорганов»[6]. Это обстоятельство и составляло тот фон, на котором предстояло провести административную реформу. В Послании поставлена задача: «Надо провести

радикальное сокращение функций госорганов. Конечно, это должно быть просчитано очень точно»[6].

Пятый рубеж реформы связан с разработкой Программы административной реформы на период до 2010 г. В соответствии с протоколом заседания Правительства РФ от 21.10.2004 Минэкономразвития России была подготовлена и представлена в Правительство РФ Концепция административной реформы в Российской Федерации в 2006 - 2008 годах и план мероприятий по проведению административной реформы в Российской Федерации в 2006 - 2008 годах. Распоряжением Правительства РФ от 25.10.2005 N 1789-р указанные документы одобрены.

Следующий этап реформирования предложен- Минэкономразвития России: предложен перечень нормативных правовых актов, которые рассматривались в 2019 году Правительственной комиссией по проведению административной реформы.

Проект, включает в себя обоснование включения в план нормативного правового акта, дату его рассмотрения на заседании Правительственной комиссии, ответственный федеральный орган исполнительной власти.

Речь идет об оценке фактического воздействия изменений, предлагаемых к внесению, в том числе в Трудовой кодекс РФ, в Федеральный закон от 3 июля 2016 г. N 273-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях», в Постановление Правительства РФ от 16 апреля 2003 г. N 225 «О трудовых книжках», в Постановление Правительства РФ от 2 апреля 2012 г. N 280 «Об утверждении положения о лицензировании перевозок пассажиров автомобильным транспортом, оборудованным для перевозок более 8 человек (за исключением случая, если указанная деятельность осуществляется по заказам либо для собственных нужд юридического лица или индивидуального предпринимателя)[9]», в Постановление Минтруда и Минобрнауки России от 13 января 2003 г. N 1/29 «Об утверждении Порядка обучения по охране труда и проверки знаний требований охраны труда работников организаций»[10] и прочие.

Из выше указанного хотим обратить внимание на то, что как бы не пытались и сколько бы этапов или рубежей не было, административная реформа оказалась недостаточно эффективна. Механизм управления реформой политически слабый и малоэффективный.

Наличие правительственной комиссии по проведению административной реформы и комиссии по совершенствованию госуправления, которые теоретически усиливают конструкцию управления административной реформой с политической точки зрения, на самом деле лишь усложняет процесс принятия решений, окончательно «размывая» субъект управления изменениями и ответственности за их осуществление[5].

На сегодняшний день этап реформирования административной реформы является значимым и главным. 15 января 2020 года Президент в Послании Федерального Собрания. Пожалуй, самой обсуждаемой темой послания Президента стала тема внесения изменений в Конституцию. Несмотря на то что, по словам Путина, необходимости в принятии новой Конституции нет, по мнению главы государства в главный документ страны следует внести поправки. Путин предложил на рассмотрение следующие пункты:

- Закрепить приоритет Конституции в правовом пространстве: требования международного законодательства могут действовать только в той части, в которой они не противоречат Конституции Российской Федерации;

- закрепить обязательные требования к лицам, занимающим важные должности: главы субъектов, депутаты, министры, сенаторы, судьи и другие не должны иметь иностранное гражданство, вид на жительство и иной документ, позволяющий проживать на территории другого государства;
- ввести более жесткие требования к претендентам на должность Президента: кандидат должен проживать в России не менее 25 лет и не иметь гражданств и видов на жительство в других государствах;
- закрепить в Конституции минимальный размер оплаты труда и индексацию пенсии;
- усилить роль губернаторов и государственного совета и закрепить это в Конституции;
- закрепить в Конституции принципы единой системы публичной власти, выстроить эффективное взаимодействие между государственными и муниципальными органами;
- доверить Госдуме право утверждения кандидатуры премьера и всего правительства; президент будет не вправе их отклонить;
- рассмотреть возможность назначения силовиков после консультаций с Советом Федерации;
- позволить Президенту вносить на рассмотрение Конституционного суда законы, принятые Госдумой;
- дать возможность Совету Федерации отрешать от поста судей Конституционного и Верховного судов в случаях, если их действия не соответствуют высокому статусу судьи.

По всему пакету конституционных поправок Президент предлагает провести голосование граждан[12].

Реформы, предлагаемые Президентом, требуют времени. На наш взгляд, реформы усилят контроль между всеми ветвями власти, а также серьезно повлияет на стабилизацию развития общества.

1. Административная реформа в России : научно-практическое пособие / под ред. С. Е. Нарышкина, Т. Я. Хабриевой. – М. : Юридическая фирма «КОНТРАКТ»: ИНФРА-М, 2006. – 456 с.
2. Василенко, И. А. Государственное и муниципальное управление : учебник / И. А. Василенко. – М. : Гардарики, 2005. – 320 с.
3. Манкиева А.В. Институт федерализма как фактор стабилизации региональной власти. Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2007. № 3 (12). С. 31-36.
4. Михаил К.Г., Сатаров История первой попытки административной реформы (1997 - 1998) <https://polit.ru/article/2004/06/29/adm/>
5. Слатинов В.Б. Российская административная реформа: продолжение следует СРЕДНЕРУССКИЙ ВЕСТНИК ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК Издательство: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва), 2008
6. Послание Президента Российской Федерации от 16.05.2003 г. б/н kremlin.ru»acts/bank/36352
7. Распоряжение Правительства РФ от 25.10.2005 N 1789-р (ред. от 10.03.2009) <О Концепции административной реформы в Российской Федерации в 2006 - 2010 годах>
8. Федеральный закон от 3 июля 2016 г. N 273-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации»
9. Постановление Правительства РФ от 02.04.2012 N 280(ред. от 21.03.2017, с изм. от 22.12.2018)
10. Постановление Минтруда и Минобразования России от 13 января 2003 г. N 1/29 «Об утверждении Порядка обучения по охране труда и проверки знаний требований охраны труда работников организаций» «Собрание законодательства РФ», 21.04.2003, N 16, ст. 1539, «Российская газета», N 77, 22.04.2003.
11. «Российская газета», N 47, 07.03.1997
12. <https://webbankir.com/news/o-chem-govoril-putin-kliuchevye-tezisy-poslaniia-federalnomu-sobraniuu>

Муса кызы Алина
Особенности интеграции Европейских стран

Международный Университет Кыргызстана
(Кыргызстан, Бишкек)

doi: 10.18411/lj-02-2020-131

idsp: ljjournal-02-2020-131

Аннотация

Одним из основных особенностей международных отношений современности являются вопросы развития интеграционных процессов. Как известно, со второй половины XX века, интеграция стала ведущим инструментом, ускорившим развитие региональных экономик стран-участниц интеграционных объединений и повысила их конкурентоспособность на мировом рынке. В данное время невозможно представить деятельность какого-либо субъекта в изоляции от окружающего мира. В отличие от обычного сотрудничества, построенного, главным образом, на экономике, международная интеграция отличается дальнейшим углублением всесторонних связей, сращиванием производственных процессов отдельных стран, а также помогает странам более рационально использовать сырьевые, топливные, трудовые ресурсы и улучшить территориальное разделение труда. Однако, наряду с положительными факторами в процессе развития интеграции, существуют и негативные моменты, сталкиваясь с которыми страны затягивают процессы объединения на долгие годы, что не может положительно сказываться на их экономике и приводит к отрицательным последствиям. По ряду объективных, а также субъективных причин неким центром развития интеграции стала Европа, которая за всю свою историю прошла и овладела почти всеми возможными способами взаимодействия между субъектами международной жизни, от их стремления взаимного уничтожения до теснейшего сотрудничества, плавно переходящего во взаимное слияние. Можно сказать, что речь идет о превращении экономик отдельных государств в единый многонациональный хозяйственный комплекс с образованием наднациональных институтов.

Также, в политической науке давно уже известно, что развитие мировых политических, экономических и правовых отношений неразрывно связано с глобальными интеграционными процессами. Для понимания вопроса «интеграции» в общем, а также основных понятий, возникающих в процессе интегрирования экономики, общества, целесообразно рассмотреть некоторые основные теории и методы интеграции. На основе проведенного анализа мы попытаемся сформулировать дефиницию «многонациональная интеграция», выявить ее особенности и предложить новую теорию, основанную на идее соотношения интеграционного процесса, общей политики стран-участниц и государственного суверенитета. С учетом изложенного, в данной статье предлагается уделить внимание теории интеграции, основанной на эволюционном развитии общей политики Европейских стран.

Ключевые слова: интеграция, политика, экономика, эволюция, внешняя политика, Европейские страны, Европейский союз, Таможенный союз, теория, методы, многонациональная, функциональная, неофункциональная.

Abstract

One of the main features of international relations today is the development of integration processes. As you know, since the second half of the 20th century, integration has become the leading instrument that has accelerated the development of regional economies of the countries participating in integration associations and has increased their competitiveness in the global market. At this time, it is impossible to imagine the activity of any subject in isolation from the outside world. In contrast to conventional cooperation, built mainly on the economy, international integration is characterized by further deepening of comprehensive

ties, coalescence of the production processes of individual countries, and also helps countries to make more rational use of raw materials, fuel, and labor resources and to improve the territorial division of labor. However, along with the positive factors in the integration development process, there are also negative moments, when faced with countries that delay integration processes for many years, which cannot have a positive impact on their economies and leads to negative consequences. For a number of objective as well as subjective reasons, Europe has become a center for the development of integration, which in its history has passed and mastered almost all possible ways of interaction between the subjects of international life, from their desire for mutual destruction to the closest cooperation, smoothly turning into a mutual merger. It can be said that this is about turning the economies of individual states into a single multinational economic complex with the formation of supranational institutions.

Also, in political science, it has long been known that the development of world political, economic and legal relations is inextricably linked with global integration processes. To understand the issue of "integration" in general, as well as the basic concepts arising in the process of integrating the economy, society, it is advisable to consider some basic theories and methods of integration. Based on the analysis, we will try to formulate the definition of "multinational integration", identify its features and propose a new theory based on the idea of the correlation of the integration process, the common policies of the participating countries and state sovereignty. In view of the above, this article proposes to pay attention to the theory of integration, based on the evolutionary development of the common policies of European countries.

Key words: integration, politics, economics, evolution, foreign policy, European countries, European Union, Customs Union, theory, methods, multinational, functional, neofunctional.

Как известно, имеющиеся на сегодняшний день многочисленные теории и методы интеграции не принимали во внимание основное явление данного процесса, а именно: формулирование, развитие и умножение совместных действий, составляющих политику стран-членов Европейского Союза (ЕС). В контексте интеграции многонациональной политики ЕС можно определить как совокупность линий поведения, правил и мер, предлагаемых или принимаемых институтами Европейского союза, основанными государствами-членами. Общая политика Европейских стран подпитывает как экономическую, так и политическую интеграцию государств-участников данного процесса. Несмотря на то, что многонациональная интеграция зависит в большой степени от политической воли, она касается, в основном, экономик стран-участниц ЕС. Экономики стран-участниц принимают все возрастающее участие в торговле и многонациональной конкуренции на основе формирующихся таможенного союза, общего рынка и финансового союза. Известно, что общая политика Европейского сообщества пребывает в состоянии постоянного движения, которое проявляется во всем: в постоянно вносимых изменениях и дополнениях в акты Союза, которые его формируют, а для некоторых из них - в многочисленных реформах, значительно изменивших их первоначальное содержание. Непрерывный прогресс многонациональной интеграции изменяет понятие «государство-нация» совместно с понятием суверенитета, поскольку многие направления политики, которые раньше определялись и применялись в полной зависимости от национального контекста, теперь зависят от общего решения и претворяются в жизнь после прохождения многостороннего контроля.

Многие первоначальные теории, и в первую очередь, англо-саксонские, и особенно происходящие из концептуальных рамок политических наук, во второй половине XX столетия получили развитие на базе интернациональной интеграции, и в

частности, европейской. Каждая из них сконцентрировала свое внимание на каком-то одном специфическом объекте, не принимая во внимание другие аспекты.

Таким образом, каждая из этих теорий имеет свои заслуги, пролив научный свет на отдельные стороны очень сложного явления, но ни одной теории не удалось объяснить всю совокупность явления, структурировать научные наблюдения по всем его составляющим и спрогнозировать его дальнейшее развитие, предсказать его будущее. Фундаментальным аспектом процесса интеграции, который не был принят во внимание существующими теориями, является формирование всеобщей политики и управление ею государствами-участниками.

История основных теорий интеграции государств

С начала с 20-х гг. XX века федералисты, такие как Гуденхов-Калерги, считали, что европейские нации только что взаимно опустошившие друг друга в абсурдной братоубийственной войне, принадлежали, естественно, к реальности, которая, обладая федеральной конституцией, могла бы стать глобальной силой (Coudenhove-Kalergi R.N. *Pan-Europe*. New York: Knopf, 1926).

После Второй мировой войны, которая катастрофически помещала европейской нации главенствовать над другими, А.Спинелли отмечал, что государства-нации потеряли основание быть таковыми, так как они не могут больше гарантировать политическую и экономическую безопасность своих граждан и должны уступить место федерации, называемой ими «Европейский союз», основанной на конституции, подготовленной учреждающим собранием и одобренной все европейским референдумом (Spinelli A. *The Growth of the European Movement since the Second World War* // *European Integration* / M. Hodges (ed.). Harmondsworth: Penguin, 1972.).

Таким образом, федералисты помещали плуг (конечную цель европейской интеграции) впереди быков (создание прочных связей на основе общих интересов среди бывших врагов).

Функционалисты, такие как Д.Митрани (Mitrany D. *A Working Peace System*. Chicago: Quadrangle Books, 1966.) и П.Тэйлор (Taylor P. *Functionalism: the Approach of David Mitrany* // *Frameworks for International Co-operation* / A.J.R. Groom, P. Taylor (eds.). L.: Pinter, 1994.), правильно отмечали, что международные организации являются не самоцелью, но инструментами управления, в первую очередь, продиктованными человеческими потребностями, и, следовательно, должны обладать гибкостью, видоизменяя свои задачи и выполняемые функции в соответствии с нуждами времени. В своем оптимизме относительно создания паутины по-настоящему интернациональных организаций, каждая из которых специализируется на одной глобальной функции, функционалисты небрежно относились к потенциалу мира и благосостоянию такого регионального объединения, как Европейское экономическое сообщество.

Учитывая некоторые аспекты европейской реальности, транзакционалистская (компромиссная) теория Карла Дойча определила интернациональную интеграцию как создание на одной территории понимания общности (союза), а также достаточно сильных институтов и практик для обеспечения надежд на мирные преобразования в пользу населения (Deutsch K.W. *Nationalism and Social Communication*. 2-nd ed. Cambridge: MA, MIT Press, 1966; *The Analysis of International Relations*. EnglewoodCliffs, NJ: PrenticeHall, 1968.).

Утверждения о том, что понимание общности между нациями может зависеть от уровня коммуникации между ними, а также от создания многонациональной торговой сети, подтвердились опытом Европейского сообщества. Тем не менее предположение К.Дойча о том, что развитие функциональных связей путем неформальных экономических и социальных взаимодействий разных народов подтолкнуло бы политическую элиту к приданию официального характера и формализации первоначальных связей, отвергнутых европейским опытом. Теперь уже очевидно, что в

основе лежит институциональная структура, а опираясь на нее, могут строиться неформальные отношения и, как следствие, приходит понимание общности.

С теорией интеграции Жана Монне схожа неофункционалистская теория, разработанная Эрнстом Хаасом (Haas E. *The Uniting of Europe: Political, Social and Economic Forces, 1950—1957*. 2-nd ed. Stanford, CA: StanfordUniversityPress, 1968.), который, как и Ж.Монне, отвергал идеализм федералистов и опускал функционализм Д.Митрани с его высоких межнациональных сфер на конкретный региональный уровень. Знаменитая декларация Робера Шумана от 9 мая 1950 г. была создана под влиянием идей Ж.Монне и ясно обозначила путь, по которому должна проходить европейская интеграция: «Европа образуется не сразу и не в совместной структуре. Она образуется в результате конкретных реальных действий, прежде всего, создавая фактическую солидарность».

Логика неофункционализма была построена на эффекте распространения. Интеграция должна была начинаться в немногочисленных, но важных секторах экономики и с самого начала оснащаться учреждениями наднационального значения, которые могли бы управлять и воплощать в жизнь более передовую интеграцию. Если бы не было связей между экономическими секторами, то эта интеграция происходила бы от функционального давления интеграции множества участников.

В этой связи, Л.Линдберг определил эффект распространения как ситуацию, в которой некоторое действие, связанное со специфичной целью, порождает ситуацию, в которой первоначальная цель может быть обеспечена только другими действиями, которые, в свою очередь, создают другие условия и порождают необходимость дополнительных действий и т. д. (Lindberg L. *The political Dynamics of European Economic Integration*. Stanford, CA: StanfordUniversity Press, 1963.).

Многие другие утверждения неофункционалистов находили подтверждение в результате приобретенного Европой опыта, примером тому являются случаи, когда действия заинтересованных групп не были мотивированы идеалистической погоней за всеобщим благом, но вдохновлялись интересами и целями, свойственными каждой из них. По верному, на наш взгляд, утверждению неофункционалистов, восприятие этими группами изменения местонахождения правовых структур и органов власти направляло бы все в большей и большей степени их активность к наднациональной арене, наднациональное правительство было бы соответствующей компенсацией национальному государству, которое не смогло бы больше адекватно выполнять поставленные задачи в узких границах. Другими словами, создание Таможенного союза принудило бы создать общий рынок и финансовый союз (Balassa B. *The Theory of Economic Integration*. L.: AllenandUnwin, 1962.).

Этот процесс смог бы достичь высшей точки в тотальной экономической интеграции. Разрастающаяся экономическая интеграция потребовала бы создать наднациональное правовое урегулирование. Таким образом, политическая интеграция следовала бы за интеграцией экономической.

Некоторые тезисы неофункционалистов, особенно тезис об упадке государственной системы, основанной на власти, спровоцировали сильную межправительственную альтернативу неофункционалистам, как будто прочная очевидность европейской интеграции могла быть сметена теориями с идеологическим душком. В сущности, Маастрихтский и Амстердамский договоры опровергли предсказание Стенли Хофмана о том, что государства не подорвут свой суверенитет, интегрируя не только области малой политики, то есть экономики, но охватив и область высокой политики, то есть иностранной политики и безопасности (Hoffmann S. *The European Process at Atlantic Crosspurposes* // *Journal of Common Market Studies*. 1964. № 3.).

Либерально-межправительственный анализ, проведенный Эндрю Моравчик, не смог объяснить, как национальные интересы, выраженные национальными

правительствами во время межправительственных переговоров, смогли бы объединиться, чтобы способствовать развитию европейской интеграции ". Даже если неофункционалистская теория и отражает наиболее достоверно реальный процесс европейской интеграции, особенно благодаря концепции эффекта распространения, все же критики неофункционалистов справедливо указывают на некоторые слабые стороны их рассуждений. Отмечая возможность многоуровневого правительства - европейского, национального, регионального, и сквозное взаимодействие политиков всех уровней, Гэри Маркс и его коллеги доказали наличие теоретической западни в постулатах, противоположных ослаблению Государства-нации или его сопротивлению всякому испытанию (Governance in the European Union / G. Marks, F. Scharpf, P.C. Schmitter, W. Streeck. L., 1996.).

Неоинституционалисты, в частности Ж.Марч и Ж.Олсен, подчеркивали важность роли учреждений в подготовке контекстов, в которых действующие лица могут проводить большинство переговоров с позитивным исходом (March J.G., Olsen J.P. The New Institutionalism Organizational Factors in Political Life // American Political Science Review. 1984. № 78.).

Кроме того, неоинституционализм, как и другие теории, которые были упомянуты выше, не принимал во внимание основной феномен процесса интеграции, которым является формулирование, развитие и умножение совместных политик государствами-участниками. Далее статья будет посвящена теоретическому синтезу, с помощью которого появится возможность продемонстрировать этот важный элемент.

Дефиниция многосторонней интеграции

Процесс многонациональной интеграции можно рассматривать как добровольное учреждение, закрепленное договором, заключенным между независимыми государствами, совместных институтов, учреждений и прогрессивное развитие с их помощью соответствующих направлений общей политики, преследующей единые цели и служащей общим интересам. «Добровольность» отличает многонациональную интеграцию от всяких других форм авторитарного управления, а также принудительной коалиции наций или государств. Процесс многонациональной интеграции между многими соседними государствами нужно отличать от интеграции интернациональной, которая охватывает все или большинство государств земного шара. Понятие многонациональной интеграции отлично также и от понятия интеграции региональной, которое часто используют, чтобы обозначить интеграцию различных государств одного региона мира, но который, по нашему мнению, скорее следует использовать для обозначения интеграции различных регионов одного государства — процесса, происходящего в большинстве государств мира. Однако многонациональная интеграция может происходить и внутри одного государства, в которое входят разные нации, но в этом случае его институты основываются на конституции, а не на договоре. «Прогрессивное развитие» совместных политик означает, что многонациональная интеграция - это процесс длящийся, завершение которого не представляется возможным определить. Принимая во внимание то, что этот процесс добровольный, можно заключить, что независимые государства могут в любой момент к нему присоединиться, следуя процедурам и критериям, установленным сообществом. Государства вольны также и выйти из него, если они посчитают, что совместная политика, развиваемая и проводимая в соответствии с общими интересами большинства ее членов, больше не соответствует национальным интересам этих государств.

Суверенитет и многосторонняя интеграция

Итак, основной урон, который может быть противопоставлен осязаемой пользе от развития общих политик в рамках многонациональной интеграции, — это некоторая потеря государственного суверенитета. Важным элементом, свойственным концепту общей политики, является его сила принуждения в отношении государств-членов.

Последние же, в свою очередь, должны предоставлять институтам и учреждениям сообщества возможность применять и контролировать общие политики, чтобы все заинтересованные стороны и граждане уважали и считались с этими решениями. Для достижения целей общей политики формируется соответствующая нормативно-правовая база. Национальные права государств-членов согласовываются в большем количестве областей в рамках общих политик. Таким образом, создается специальное право, основанное на договорах, целью которого является регулирование общих политик; это право стоит выше национального права государств-членов и может быть названо наднациональным. Так, в силу общих политик национальные права государств-членов — например, в области торговли, конкуренции или налогов — подчинены общим политикам или диктуются ими.

Разумеется, по мере развития общих политик национальные политики частично теряют свою независимость, в первую очередь, относительно целей и средств, но эта потеря означает лишь частичную передачу суверенитета государств наднациональным учреждениям и не пропорциональна прогрессу от соответствующих общих политик, а следовательно, процессу интеграции в целом. Асимметрия между прогрессом как результатом многонациональной интеграции и потерей суверенитета является следствием следующих трех факторов:

- сосуществование общих и национальных политик. На основании принципа вспомогательности национальные административные органы обладают возможностью сохранить большую свободу действий в выборе средств для достижения общих целей;
- общая политика имеет больший вес в смысле эффективности в преследовании общих целей, чем сумма национальных политик, которые она включает;
- непрерывное влияние национальных политик в процессе развития общих политик, принимая во внимание то, что государства-члены контролируют и направляют развитие каждой общей политики. Таким образом, частицы суверенитета государств-участников собираются воедино, чтобы образовать новый концепт ограниченного суверенитета, который способен лучше служить различным национальным интересам.

Во всяком случае, с прогрессом многонациональной интеграции концепт «государство-нация» видоизменяется как концепт суверенитета и независимости, потому что многие политики, которые раньше проводились и воплощались в жизнь как независимые в национальном контексте, теперь принимаются сообща и воплощаются в жизнь под многосторонним наблюдением и контролем. Бесспорно, что нации, которые участвуют в процессе многонациональной интеграции, теперь менее независимы, чем были, когда их отделяли таможенные и другие барьеры, но и их выигрыш в отношении силы и коллективной эффективности тоже очевиден. По мере того, как общие политики, уже занявшие прочные позиции в некоторых областях, доказывают свою большую эффективность по сравнению с национальными политиками, правительства государств-членов становятся более готовыми на уступку своей независимости, проведение решений и осуществление руководства общей политикой в новых областях.

Европейский союз - это удачный опыт многонациональной интеграции. Доказательством тому служит создание и успешное развитие большого количества общих политик в относительно короткое время. Если бы различные процессы многонациональной интеграции были измерены по иерархической лестнице, то на одном конце находились бы нации абсолютно изолированные, а на другом — федерация государств. Между этими двумя крайними точками находились бы различные существующие интеграционные соглашения: на нижнем уровне лестницы — соглашение, касающееся одной общей политики, такой как, например, политика безопасности (Атлантический альянс); посередине находилась бы зона свободного

обмена и участие в некоторых общих политиках страны-участницы ЕАСТ (Европейской ассоциации свободной торговли), входящие в европейское экономическое пространство; на верхнем уровне лестницы — стадия продвинутой интеграции, включающей практически все политики государств-членов (Европейский союз в настоящее время).

Интересной темой для исследования мог бы стать анализ количества, значения и возможностей развития общих политик, установленных в результате различных соглашений в процессе многонациональной интеграции, таких как ЕАСТ, Североамериканское соглашение о свободной торговле и Зона свободного обмена между Аргентиной, Бразилией, Парагваем, Уругваем, Чили и Боливией (Общий рынок Южной Америки), измеряя, таким образом, уже достигнутую интеграцию и рассматривая возможное развитие в будущем.

Существующие сегодня международные организации (не путать с организациями многонациональными), такие как Всемирная торговая организация, Международная организация труда, наделены очевидными политическими функциями соответственно в международной торговле и в сфере защиты прав трудящихся, но они далеки от того, чтобы развивать процесс принятия решений совместными учреждениями, от духа сообщества и сообщества интересов, которые могут быть развиты в рамках многонациональной интеграции. Межнациональная и многонациональная интеграции должны прежде всего рассматриваться как параллельные, но различные пути, ведущие к целям мира и мирового процветания. Очевидно взаимодействие между этими двумя типами интеграции. Так, например, на процесс европейской интеграции положительное влияние оказывает желание европейских государств быть во всеоружии, чтобы противостоять глобализации, подверженной влиянию Всемирной торговой организации, и обеспечить равное партнерство с США в системе Организации Североатлантического договора.

Другой важной проблемой для комплексного изучения на наш взгляд может быть вопрос взаимодействия между развитыми общими политиками, с одной стороны, на межнациональном уровне и, с другой стороны, на многонациональном уровне.

1. Moussis N. Acces a l'Union europeenne: droit, economie, politiques. 9 ed. Bruxelles: Editions Mols, 2000; Guide des politiques de l'Europe. P.: Editions Pedone; Bruxelles: Editions Mols, 2001.
2. Coudenhove-Kalergi R.N. Pan-Europe. New York: Knopf, 1926.
3. Spinelli A. The Growth of the European Movement since the Second World War // European Integration / M. Hodges (ed.). Harmondsworth: Penguin, 1972.
4. Mitrany D. A Working Peace System. Chicago: Quadrangle Books, 1966.
5. Taylor P. Functionalism: the Approach of David Mitrany // Frameworks for International Co-operation / A.J.R. Groom, P. Taylor (eds.). L.: Pinter, 1994.
6. Deutch K.W. Nationalism and Social Communication. 2-nd ed. Cambridge: MA, MIT Press, 1966; The Analysis of International Relations. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1968.
7. Haas E. The Uniting of Europe: Political, Social and Economic Forces, 1950—1957. 2-nd ed. Stanford, CA: Stanford University Press, 1968.
8. Lindberg L. The political Dynamics of European Economic Integration. Stanford, CA: StanfordUniversity Press, 1963.
9. Balassa B. The Theory of Economic Integration. L.: Allen and Unwin, 1962.
10. Hoffmann S. The European Process at Atlantic Crosspurposes // Journal of Common Market Studies. 1964. № 3.
11. Moravcsik A. Preferences and Power in the European Community: A Liberal Intergovernmentalist Approach//Journal of Common Market Studies. 1993. № 31 (4).
12. Governance in the European Union / G. Marks, F. Scharpf, P.C. Schmitter, W. Streeck. L., 1996.

[illegible]

[illegible]

Научный журнал

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ
№58, 02.2020

Февраль 2020 г.
Часть 6

SPLN 001-000001-0586-LJ

Подписано в печать 14.02.2020 Тираж 400 экз.
Формат.60х84 1/16. Объем уч.-изд. л.5,52
Бумага офсетная. Печать оперативная.
Отпечатано в типографии НИЦ «Л-Журнал»
Главный редактор: Иванов Владислав Вячеславович